

ПИСУДСКИЙ

ПРОТИВ

ПРОТИВ

ТУХАЧЕВСКОГО

ПИЛСУДСКИЙ ПРОТИВ ТУХАЧЕВСКОГО

*(Два взгляда на советско-польскую
войну 1920 года)*

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991**

ББК 63.3(2)712

ПЗ2

**Пилсудский против Тухачевского: Сборник. — М.:
ПЗ2 Воениздат, 1991. 254 с.**

ISBN 5—203—01231—8

1920 год. Красная Армия у самых стен Варшавы. Казалось, еще немного и войска Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского триумфальным маршем пройдут по улицам польской столицы. Но случилось невероятное: под мощными ударами польской армии, предводительствуемой маршалом Ю. Пилсудским, наступавшие стали обороняющимися и отступающими...

Без малого 70 лет события тех дней рассматривались с обеих сторон под углом зрения политической конъюнктуры, а взгляды и оценки главных действующих лиц их были известны лишь узкому кругу специалистов — историков и сотрудников спецхрана. В этом сборнике основные оппоненты — Тухачевский и Пилсудский, скрестившие тогда шпаги на поле брани, — впервые получили возможность скрестить их на страницах одной книги.

П 0503020400—171 без объявл.
068(02)—91

ББК 63.3(2)712

ISBN 5—203—01231—8

© Автор предисл. В. О. Дайнес, 1991

Расчет на революцию в Польше как встречу нашего наступления, как следствие разгрома орудия принуждения в руках польской буржуазии имел под собой серьезные основания, и, если бы не наше поражение, он увенчался бы полным успехом.

М. Н. Тухачевский

...Я отлично видел, что громадное, подавляющее большинство населения относилось с глубоким недоверием, а зачастую и с явным недоброжелательством к Советам и к их господству, усматривая в них — справедливо или несправедливо... — господство невыносимого террора, получившего название «еврейского».

Ю. Пилсудский

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Среди более чем 120 работ, написанных М. Н. Тухачевским¹ по различным проблемам стратегии, оперативного искусства, тактики, обучения и воспитания войск, военной истории, небольшая книжка «Поход за Вислу», изданная в 1923 году в Смоленске, на первый взгляд ничем не выделяется. Обычная, средней по тем временам величины брошюра включила в себя цикл лекций, прочитанных им, в то время командующим Западным фронтом, на дополнительном курсе Военной академии РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе) в феврале 1923 года. Через сорок один год материалы брошюры, за исключением восьмой главы «Революция извне», были напечатаны в первом томе сборника «Избранные произведения» М. Н. Тухачевского.

Лекции представлены в виде стратегического обзора операций войск Западного фронта, проведенных в мае —

¹ Михаил Николаевич Тухачевский (1893—1937) — родом из дворянской семьи. К двадцати семи годам успел окончить Александровское военное училище, принять участие, правда непродолжительное, в первой мировой войне, более двух лет провести в германском плену, бежать; вступить в Красную Армию и за полтора года пройти путь от командарма до командующего фронтом. Его заслуги в разгроме войск адмирала Колчака и генерала Деникина были общепризнанны и не случайно именно Тухачевского Главком С. С. Каменев весной 1920 года рекомендовал на должность командующего войсками Западного фронта.

Впоследствии занимал ряд высших постов в системе Советских Вооруженных Сил, в том числе — начальника Штаба РККА и заместителя Наркома обороны СССР. 11 июня 1937 года по сфабрикованному органами НКВД делу о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии был расстрелян. Два десятилетия его имя находилось под запретом. Лишь 31 января 1957 года военная коллегия Верховного суда СССР по заключению Генерального прокурора СССР отменила приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении М. Н. Тухачевского. Он полностью реабилитирован. Решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 27 февраля 1957 года восстановлен в партии.

августе 1920 года, — во время советско-польской войны. Разработаны они, как отмечает сам автор, на основе его личных воспоминаний, подлинных оперативных документов, советской, французской и польской военной, мемуарной литературы того времени.

Тухачевский не претендовал на полноту освещения проблемы и в структурном отношении построил свои лекции, исходя из требований учебной программы академии. Тем не менее он не ограничивается описанием обстановки, сложившейся на Западном фронте к концу апреля 1920 года, характеристикой театра военных действий и соотношения сил и средств сторон, планов операций, хода боевых действий в мае — августе, подготовки польским командованием контрнаступления и его осуществления, констатацией итогов советско-польской войны — автор анализирует события, сильные и слабые стороны Красной Армии и польских войск, критически подходит к оценке военно-политических итогов войны. Он указывает, что ее проиграла не политика, а стратегия. (Видимо, правильнее было бы сказать — не столько политика, сколько стратегия: ведь поражение Красной Армии сказалось и на политическом авторитете Советской России). По мнению автора, основными причинами «гибели операции» являются: недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки и управления войсками, недостаток технических средств, неподготовленность некоторых высших начальников к управлению войсками, а также действия Западного и Юго-Западного фронтов в расходящихся направлениях, что привело к нарушению стратегического взаимодействия между ними.

Излагая свои не во всем бесспорные взгляды на ход и исход советско-польской войны, М. Н. Тухачевский не мог рассчитывать на всеобщее одобрение. Однако вряд ли он предвидел столь мощный критический обстрел. Брошюра «Поход за Вислу» задела за живое власти придерживающие, в первую очередь в лице И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, А. И. Егорова и других, воевавших на Юго-Западном фронте. Частично они тоже были повинны в поражении Красной Армии. И хотя напрямую об этом в брошюре не говорится, все происходившее на польско-советском фронте летом 1920 года было еще свежо в памяти многих. Тухачевский как бы посыпал соль на рану...

Отголоски той острой, не всегда академичной дискуссии до нас дошли в приглушенной временем и забвением форме. Даже брошюру «Поход за Вислу» оказалось не так

просто отыскать. А в середине 20-х о лекциях Тухачевского в военных кругах спорили до хрипоты. Серьезной атаке подвергся Тухачевский со стороны бывшего командующего Юго-Западным фронтом А. И. Егорова, бывшего начальника Оперативного управления Полевого штаба РВСР Б. М. Шапошникова, участников советско-польской войны В. А. Меликова, Н. Е. Какурина и других¹. Пожалуй, единственным, кто пытался объективно разобраться в причинах неудавшейся попытки организовать взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами, был начальник Оперативного управления Штаба РККА В. К. Триандафиллов. В 1925 году в журнале «Война и революция» он опубликовал статью «Взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами во время летнего наступления Красной Армии за Вислу в 1920 г.». В статье указаны ошибки, допущенные как командованием Западного фронта, так и Главным командованием Красной Армии, командованием Юго-Западного фронта.

Брошюра «Поход за Вислу» вызвала волну публикаций и дискуссий по проблемам советско-польской войны не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Одним из наиболее авторитетных оппонентов Тухачевского стал маршал Польши Ю. Пилсудский², который в 1920 году командовал польскими вооруженными силами и сыграл значительную роль в организации разгрома армий Западного фронта. В 1924 году Пилсудский издал свою книгу «1920 год», переведенную с польского языка и опубликованную в 1926 году в Советском Союзе.

¹ См.: Егоров А. И. Львов—Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М.; Л., 1929; Шапошников Б. М. На Висле. М., 1924; Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками. М., 1925.

² Юзеф Пилсудский (1867—1935) так же, как и Тухачевский, вышел из дворян. К началу советско-польской войны уже умудрен опытом жизни, прошел через горнило политической борьбы в рядах Польской социалистической партии, где возглавлял ее правое крыло. В годы первой мировой войны, придерживаясь традиции национальных восстаний против царской России, воевал на стороне австро-венгерской армии, но к лету 1917 года разошелся со своими наставниками во взглядах на будущее Польши и был заключен в крепость.

После окончания первой мировой войны в его судьбе произошел резкий поворот. Германские власти, стремясь стабилизировать внутреннюю ситуацию и избежать борьбы с Польшей за польские земли на западе, освободили его из заключения. С этого момента, с осени 1918 года, началось стремительное восхождение Пилсудского к вершинам власти: он становится главой Польского государства и Верховным главнокомандующим.

Сегодня, спустя 70 лет, нам, видимо, легче непредвзято оценивать события, которые легли в основу той давней полемики. Тухачевский и Пилсудский вели ее по горячим следам. Нельзя не учитывать и того, что занимали они разные ступени лестницы военной иерархии, прошли существенно отличавшиеся друг от друга военные школы. Все это, конечно, наложило отпечаток на содержание их работ, в них явно ощущается неприязнь бывших противников.

Маршал Пилсудский, вступив в спор с будущим маршалом Тухачевским, в структурном отношении свой ответ построил по образу и подобию книги оппонента. Несмотря на это, обе работы отличается масштабность «охвата»: Тухачевский освещает события главным образом в оперативно-стратегическом плане; Пилсудский в основном — в оперативно-тактическом. Так же как и Тухачевский, он попытался дать оценку состояния и группировок войск сторон, театра военных действий, проанализировать планы и замыслы советского и польского командований, но более детально разбирает ход боевых действий вплоть до подразделений (батальонов, рот).

В отличие от своего соперника Пилсудский привнес в книгу и субъективные моменты, пытаясь со своей позиции оценить личностные качества Тухачевского. Оценки эти своеобразны. В одних случаях он обвиняет Тухачевского в «абстрактном командовании» и в неспособности к широкому анализу, в других — подчеркивает его энергию, настойчивость и полководческий талант. Упрекая Тухачевского в том, что он создал труд не исторического, а публицистического характера, Пилсудский сам придал своей работе публицистическую направленность. В этом, как ни странно, и ее недостаток, но в то же время и ценность, ибо публицистическая незакрепощенность автора помогает проникнуть в лабораторию его полководческой мысли, приоткрыть завесу тайны над замыслами польского главнокомандующего. Он щедро делится своими переживаниями, сомнениями при выработке окончательного решения на операцию, дает характеристики подчиненным и их действиям, иногда своему оппоненту и его книге.

В десятой главе книги Пилсудский утверждает, что временами отбрасывал книгу Тухачевского, «полную исторической фальши, книгу, вызывающую у меня отвратительное чувство, словно кто-то грязными руками публицистики прикоснулся к великому и чистому делу военной истории».

Какие же фальшивые нотки он уловил в рассуждениях Тухачевского?

Их в книге более десятка, в чем читатель может сам удостовериться. Надо согласиться с маршалом: труд Тухачевского в самом деле не свободен от недостатков, в ряде случаев в нем присутствуют субъективные моменты, в том числе и стремление обелить себя.

Но давайте перейдем к сути спора.

Одной из горячих точек в полемике Пилсудского и Тухачевского стал подсчет соотношения сил сторон. Командующий Западным фронтом обвиняется в преднамеренном преувеличении численности польской армии и занижении данных о своих войсках. Действительно, приводимые Тухачевским цифры расходятся с теми сведениями, которыми располагал Пилсудский. Противоречие в оценке сил сторон можно встретить и между теми данными, которыми оперируют Полевой штаб РВСР и штаб Западного фронта. Так, по состоянию на 15 мая 1920 года Тухачевский указывает, что войска Западного фронта насчитывали около 49,5 тыс. штыков и до 4 тыс. сабель, а по сведениям Полевого штаба — 75,2 тыс. штыков и 5 тыс. сабель¹. Это объясняется тем, что штаб Западного фронта, услугами которого пользовался Тухачевский, не учитывал 18-ю стрелковую дивизию и в своих расчетах приводил заниженную численность частей и соединений. Ради справедливости необходимо отметить, что подобная картина была характерна и для других советских фронтов.

Разница в оценках соотношения сил сторон была обусловлена и использованием различных методик подсчета в Красной Армии и польской армии. В одном случае учитывались только штыки и сабли, в другом — бойцы. Одни штабы брали на учет запасные, тыловые и вновь формируемые части, а другие — только те войска, которые находились непосредственно на линии боевого соприкосновения с противником. Следует иметь в виду и то, что данные разведывательных органов были весьма приблизительными и иногда источники их противоречили друг другу. Поэтому командование всегда вносило какие-то поправки в окончательный итог, что признает и сам Пилсудский. Он, в частности, пишет о применявшейся им суммарной поправке, на одну треть уменьшавшей боевой состав подчиненных ему войск.

¹ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.): Сб. док.: В 4 т. М., 1978. Т. 4. С. 150—152.

Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что сознательным завышением численности войск польской армии и занижением своих сил Тухачевский не занимался. Тем не менее Пилсудский утверждает о стремлении противника преувеличить результаты операций войск Западного фронта. Достается Тухачевскому и за обороты типа противник «раздавлен», «разгромлен», «отступает в панике» и т. п. Все это в книге «Поход за Вислу» есть. Например, в одиннадцатой главе говорится, что «постоянные неудачи, непрерывное отступление окончательно сломили боеспособность польской армии». А что тогда было на самом деле? Да, польские войска отступали, ошеломленные, казалось бы, безудержным натиском армий Западного фронта. Но одновременно в глубоком тылу польской армии шло накопление сил и ее сопротивление постепенно нарастало. И не случайно в оперативных документах штаба фронта уже в начале августа появились тревожные нотки. В частности, 3 и 11 августа донесения фиксируют упорное сопротивление противника, а 17-го — упорные встречные бои с переменным успехом.

Тухачевский остро переживал поражение Западного фронта под Варшавой. Не снимая с себя части вины, он стремится как-то объяснить, оправдать свои действия. В тринадцатой главе сказано, что «о польском наступлении командование фронтом узнало всего только 18 августа из разговора по прямому проводу с командармом 16-й». В действительности, о чем справедливо пишет Пилсудский, Тухачевский получил неприятное известие о готовящемся польском контрнаступлении раньше. Это подтверждают и оперативные документы штаба Западного фронта. Еще 15 августа его командующий располагал данными о сосредоточении в районе Седлище, Красновост, Дубенка, Холм до четырех дивизий противника¹. В тот же день он приказал командующим Мозырской группой и 12-й армией «разбить и уничтожить эту группу»². Вечером 17 августа Тухачевский подписал директиву, в которой совершенно отчетливо говорилось о переходе польских войск в наступление против Мозырской группы и левого фланга 16-й армии³.

¹ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М., 1974. Т. 3. С. 81.

² Там же.

³ См. там же. С. 84.

Факт, что Тухачевский, увлеченный идеей глубокого обхода Варшавы с севера и с запада, не заметил своевременно опасности на юге против левого крыла Западного фронта, где сосредоточивалась контрударная группировка польской армии. Здесь явный просчет. Но замысел, предусматривавший глубокий замах правым крылом вокруг Варшавы, весьма интересен, хотя сам по себе не нов. Идею проведения операции таким оригинальным способом Тухачевский почерпнул у германского генерал-фельдмаршала А. фон Шлиффена — так называемый план «вращающихся дверей». Но командующий Западным фронтом сумел обеспечить соответствующими силами «вращение» лишь одной половины «двери», вторая же, образно говоря, ударила по его собственным ногам. Располагавшаяся на левом крыле Западного фронта немногочисленная Мозырская группа оказалась не в состоянии противостоять ударному кулаку польской армии. Ее удар в подбрюшье Западного фронта оказался настолько сильным, что часть его сил — 4-я армия и две дивизии 15-й армии — была вытеснена в Восточную Пруссию.

Слишком понадеялся Тухачевский и на своевременную передачу ему 12-й и 1-й Конной армий Юго-Западного фронта. Впрочем, Пилсудский отмечает, что Тухачевский вовсе не рассчитывал на это. А вот оперативные документы штаба Западного фронта и Главного командования Красной Армии утверждают обратное. И в этом случае, думается, прав Тухачевский, указывая, что своевременная передача ему 1-й Конной армии позволила бы использовать ее для нанесения удара в тыл перешедшим в контрнаступление польским войскам и разгромить их. Затяжка командованием Юго-Западного фронта выполнения директивы Главнокомандующего всеми Вооруженными Силами РСФСР С. С. Каменева от 11 августа о переподчинении конной армии, очевидно, роковым образом повлияла на исход советско-польской войны.

М. Н. Тухачевский, много занимавшийся изучением опыта войн прошлого, сравнивает сражение на Висле с операцией в Восточной Пруссии в 1914 году, когда была разгромлена 2-я армия генерала А. В. Самсонова, рассчитывавшего на взаимодействие с 1-й армией генерала П. К. Ренненкампа. По иронии судьбы контрнаступление поляков тоже началось в середине августа, как и германских войск в 1914 году. При этом в обоих случаях контрудары пришлось по необеспеченным флангам наступающих русских войск и Красной Армии.

Примечательно, что Пилсудский, в целом настроенный весьма критически, не избегает возможности отдать дань уважения оппоненту. Положительно оценивает он, например, интересные теоретические рассуждения Тухачевского о том, что в современных операциях «нет возможности неприятельскую силу уничтожить одним быстрым, решительным движением, неминуемо приходится вести операцию за операцией, удар за ударом, нанося противнику непрерывный урон»; идею о создании «таранных группировок», с помощью которых можно нанести противнику окончательный, сокрушающий удар. Эта идея, кстати, вскоре нашла выражение в теории и практике последовательных наступательных операций, а затем и в теории глубокой операции.

Особенно острой критике Тухачевский подвергся за восьмую главу «Революция извне». Причем, на мой взгляд, во внимание принимались не столько военные ее аспекты, сколько политические. Нужно отметить, что приугасшие было к весне двадцатого года революционно-романтические настроения, призывы к «мировой революции» с наступлением польских войск на Украине как бы возродились заново. Под их влиянием оказался и Тухачевский, чему способствовали и члены РВС фронта Ф. Э. Дзержинский, И. Т. Смилга, И. С. Уншлихт.

Интересная деталь. В последнее время появился ряд публикаций, посвященных советско-польской войне, в которых часто упоминается «приказ Тухачевского» от 2 июля 1920 года. При этом внимание читателя акцентируется на словах: «...через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару». Чтобы читатель имел возможность сам судить о его содержании, приводим приказ полностью.

П Р И К А З ¹ ВОЙСКАМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 1423

г. Смоленск

2 июля 1920 г.

Красные солдаты! Пробил час расплаты. Наши войска по всему фронту переходят в наступление. Сотни тысяч бойцов изготовились к страшному для врагов удару. Великий поединок решит судьбу войны русского народа с

¹ ЦГАСА, ф. 104, оп. 5, д. 65, л. 843.

польскими насильниками. Войска Красного знамени и войска хищного белого орла стоят перед смертельной схваткой.

Прежде чем броситься на врагов, проникнитесь смелостью и решительностью. Только наполнив грудь отвагой, можно победить. Да не будет в нашей среде трусов и шкурников. В бою побеждает только храбрый.

Перед наступлением наполните сердце свое гневом и беспощадностью. Мстите за сожженный Борисов, поруганный Киев, разгромленный Полоцк. Мстите за все издевательства польской шляхты над революционным русским народом и нашей страной. В крови разгромленной польской армии утопите преступное правительство Пилсудского.

В наступлении участвуют полки, разбившие Колчака, Деникина и Юденича.

На защиту Советской земли собрались бойцы с востока, юга, запада и севера. Железная пехота, лихая конница, грозная артиллерия неудержимой лавиной должны смести белую нечисть. Пусть разоренные империалистической войной места будут свидетелями кровавой расплаты революции со старым миром и его слугами. Красная Армия да покроет себя новой неувядаемой славой.

Взгляды всей России обращены на Западный фронт.

Измученная, разоренная страна отдала все для организации победы над врагом. Рабоче-крестьянский тыл наш с трепетом ждет победы и мира. Оправдаем же надежды социалистического Отечества. Докажем на деле, что усилия страны не пропали даром.

Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!

Стройтесь в боевые колонны! Пробил час наступления. На Вильну, Минск, Варшаву — марш!

**Командующий армиями фронта
М. ТУХАЧЕВСКИЙ**

**Члены Реввоенсовета фронта
СМИЛГА и И. УНШЛИХТ**

Начальник штаба ШВАРЦ

К сожалению, многие забывают, что этот приказ не мог быть издан лично Тухачевским, так как без подписи хотя бы одного из членов РВС ни один приказ не имел силы. Документ же от 2 июля 1920 года кроме командующего фронтом подписали два члена Реввоенсовета — Смилга и Уншлихт, а также начальник штаба фронта Шварц.

Так вот, в главе «Революция извне» (изъятая из обращения до сего времени) автор отмечал, что положение в Польше рисовалось «в благоприятном для революции свете»: многие польские коммунисты были уверены, что стоит только Красной Армии дойти до этнической границы, «как пролетарская революция в Польше станет неизбежной и обеспеченной».

Тухачевский подчеркивал, что в расчет кроме других, военных, факторов принималась возможность взрыва революции на Западе и в польской кампании виделось связующее звено между «революцией Октябрьской и революцией западноевропейской». Однако жизнь показала иллюзорность подобных политических расчетов, которые, вкупе с другими просчетами, стратегического характера, привели к поражению Красной Армии под стенами Варшавы.

Разбору этой главы Пилсудский посвятил девятую главу своей книги, дав ей аналогичное название. Пилсудский отмечает как неоспоримый, по его мнению, факт, что Советская Россия вела войну с Польшей под лозунгом «навязывания нам, полякам, такого же, как и у нее, государственного, т. е. советского, строя и эту цель окрестила наименованием «революции извне». Он справедливо подчеркивает глубокое недоверие, а зачастую и явно недоброжелательное отношение польского населения к Советам. Поэтому, резюмирует Пилсудский, в Польше не могло быть взрыва революции и Тухачевский ошибся, полагая, что найдет для себя в стране «продуктивную помощь».

Пилсудский сетует на то, что Тухачевский уделяет незначительное внимание майской операции Западного фронта. Действительно, ей посвящена небольшая четвертая глава. Думается, здесь все ясно: автор хотел прежде всего помочь слушателям академии разобраться в причинах неудач Красной Армии, а потому и решил более подробно проанализировать июльскую и Варшавскую операции. Майская же операция была, можно сказать, не из определяющих в этом плане. Готовилась она поспешно в ответ на наступление польских войск на Украине с расчетом отвлечь часть их сил и облегчить положение Юго-Западного фронта. Об этом говорит и сам Тухачевский, указывая на то, что на-

ступление было начато, когда еще не все силы Западного фронта завершили сосредоточение. Несмотря на незавершенность майской операции, она вынудила польское командование снять часть сил с киевского направления, что позволило Юго-Западному фронту 26 мая перейти в контрнаступление. В этом заслуга Тухачевского, который пошел на оправданный риск во имя спасения своего соседа. Если бы такую же помощь получил Западный фронт со стороны Юго-Западного фронта, то исход советско-польской войны, думается, мог быть иным.

А как вообще могли бы развиваться события, если бы?.. И на такой, больше риторический, вопрос авторы пытаются найти ответ. Тухачевский справедливо отмечает, что если бы польское правительство сумело сговориться с генералом Деникиным, то конечные результаты войны было бы трудно предугадать. Однако этого не произошло из-за непримиримых противоречий между Пилсудским и Деникиным в вопросах о будущем государственном устройстве Польши, что в значительной степени облегчило положение Советской Республики. В результате Красная Армия, как это было не раз, получила возможность сосредоточить свои основные усилия на западе страны.

Не менее важным, чем военный, является военно-политический аспект советско-польской войны. До апреля 1920 года Красная Армия вела боевые действия против вооруженных формирований внутренней контрреволюции и интервенционистских войск. С апреля 1920 года ей пришлось впервые по-настоящему столкнуться на поле брани с армией суверенного государства, которая в отличие от белогвардейцев имела достаточно твердую поддержку со стороны польского народа.

С первых же дней войны перед Россией, Украиной и Белоруссией встала необходимость защитить себя. Со стороны Польши война, начавшаяся с нападения на Украину, с самого начала была агрессивной, захватнической, так как Пилсудский хотел силой оружия перекроить территории соседних народов под лозунгом восстановления Польши в границах 1772 года. В своем воззвании от 26 апреля 1920 года он отмечал: «Польская армия, вторгаясь в области, принадлежащие украинским гражданам, останется на Украине столько времени, сколько понадобится для того, чтобы эти области были приняты в управление регулярным украинским правительством (Петлюрой. — В. Д.)»¹.

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 3. С. 22.

С выходом на этническую границу Польши Красная Армия выполнила функцию обороны русских, украинских и белорусских земель. В связи с тем что польское правительство отклонило предложение правительства РСФСР заключить перемирие, наступление Красной Армии продолжалось уже под лозунгом помощи «братьям по классу» и под воздействием реанимированной идеи о «мировой революции». 17 июля 1920 года Советское правительство дало указание Главкому С. С. Каменеву о непрерывном развитии операций на Юго-Западном и Западном фронтах «как до границы, намеченной Антантой, так и за пределами этой границы в случае, если бы силой обстоятельств мы оказались вынужденными временно перейти за эту границу»¹.

В ночь на 23 июля Главком приказал войскам Западного фронта энергично продвигаться в «общем направлении на Варшаву, дабы нанести противнику окончательное поражение»². Юго-Западному фронту предстояло к 4 августа овладеть районом Ковель, Владимир-Волинский, нанести решительное поражение 6-й польской армии и так называемой Украинской народной армии, оттеснив их на юг, к границам Румынии. Эти задачи решались войсками Западного фронта в Варшавской и Юго-Западным — во Львовской операциях.

Польское правительство, стремясь избежать поражения, еще 22 июля предложило правительству РСФСР немедленно заключить перемирие и начать непосредственные мирные переговоры. Согласие на это было дано сразу же. Но на переговоры 1 августа в Барановичи прибыла делегация с полномочиями только от польского командования, а не от правительства и только для ведения переговоров о перемирии, а не о мире. Поэтому 2 августа советская делегация заявила, что ей необходимо получить письменный или подтвержденный по радио мандат от польского правительства, с тем чтобы уже 4 августа могла состояться встреча обеих делегаций. Однако правительство Польши, надеясь на помощь и поддержку западных стран, продолжало затягивать переговоры. Этому благоприятствовала и обстановка на фронте. С началом августа резко возросло сопротивление польской армии, явно враждебное отношение значительного большинства населения Польши к Красной Армии. Это явилось полной неожиданностью для многих

¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 614.

² Там же. С. 643.

советских партийных и военных деятелей, которые не сумели верно оценить сложившуюся в Польше обстановку. Причины данному явлению они усмотрели в несознательности польских масс, в антисоветской пропаганде правящих классов и т. д.

В конце июля 1920 года, когда казалось, что победа уже близка, был поспешно создан Временный революционный комитет Польши (Польревком). В сообщении о его создании говорилось, что Польревком вплоть до образования постоянного рабоче-крестьянского правительства в Польше должен заложить основы «будущего советского строя Польской Советской Социалистической Республики»¹. Польревкому явно не хватило выдержки и предвидения, когда он заявил, что «лишает власти существующее буржуазно-помещичье правительство» Польши. Разработанный членами Временного революционного комитета манифест к польским трудящимся был поддержан В. И. Лениным, который рекомендовал Реввоенсовету Западного фронта принять меры к его распространению «самым широким образом»².

На принятие советским военно-политическим руководством решения о продолжении наступления на Варшаву большое воздействие оказала информация Польревкома о внутриполитической ситуации в Польше. Эта информация характеризовалась необъективностью, преувеличением революционной готовности польских трудящихся. Так, 6 августа член Польревкома Ф. Э. Держинский в своей телеграмме на имя В. И. Ленина сообщал, что «буржуазия чувствует себя бессильной», «армия, кроме познанцев, разваливается, дезертирство огромное»; выражалась надежда на быстрое создание пролетарской польской Красной армии³. Даже 17 августа, когда польские войска уже вели успешное контрнаступление, Держинский информировал Ленина о том, что польские крестьяне безучастно относятся к войне, уклоняются от мобилизации, варшавские рабочие ожидают прихода Красной Армии.

Иллюзорность в отношении оценки внутреннего положения в Польше наложила свой отпечаток и на действия Реввоенсовета Республики. 14 августа его Председатель

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 221.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 248.

³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 264—270.

Л. Д. Троцкий подписал приказ, в котором говорилось, что Польше нанесен сокрушающий удар. «Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира, — отмечал Троцкий. — Но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских банкротов играть с нами в прятки. Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву!»¹.

Однако к этому времени приказ Троцкого абсолютно не отвечал сложившейся обстановке. Польское командование сумело перегруппировать силы и начало контрнаступление. М. Н. Тухачевский достаточно высоко оценивает решение польского командования о нанесении контрудара из-за реки Вепрж на ивангородском направлении. В результате войска Западного фронта потерпели поражение и к исходу 25 августа отошли на восток, на рубеж Липск, Свислочь, восточнее Брест-Литовска, а Юго-Западный фронт оборонялся на рубеже восточнее Холма, Грубешова, Львова.

17 августа 1920 года состоялось первое пленарное заседание российско-украинско-польской мирной конференции с целью выработки условий перемирия и обсуждения положений прелиминарного мира. На втором пленарном заседании 19 августа руководитель советской делегации К. Х. Данишевский снова подтвердил, что Советская Республика признает полную самостоятельность и суверенность Польского государства и не собирается штыком навязывать ни одному народу своего государственного строя. Одновременно подчеркивалось стремление жить в мире, прекратить войну и оградить народы РСФСР и УССР от новых нападений и новых войн. Этого, по мнению советской делегации, можно достичь только при условии ограничения численности вооруженных сил Польши до 50 тыс. человек и сокращения ее средств ведения войны. Было также заявлено, что сразу же по демобилизации польской армии советские войска будут отведены в тыл и близ нейтральной полосы останется армия численностью не более 200 тыс. человек².

Столь жесткие, по сути дела ультимативные, требования, естественно, не могли быть приняты, тем более что польская армия в это время вела успешное наступление. Кроме того, отрицательную реакцию вызвало фактическое вмешательство во внутренние дела Польши: формирование гражданской милиции из польских рабочих, которым

¹ ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 428, л. 302.

² См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 312.

Россия и Украина намеревались передать часть полученного ими оружия польской армии.

Не способствовали успешному ведению переговоров и не всегда продуманные действия Реввоенсовета Западного фронта. 20 августа он издал приказ, в котором заявлялось, что польская мирная делегация сплошь состоит из шпионов и контрразведчиков и что мир может быть заключен только «на развалинах белой Польши»¹. В этой связи Политбюро ЦК РКП(б) приняло следующее постановление: «...выразить самое суровое осуждение поступку тт. Тухачевского и Смильги, которые издали, не имея на то никакого права, свой хуже чем бестактный приказ, подрывающий политику партии и правительства»². Политбюро потребовало от Реввоенсовета Республики отменить приказ Реввоенсовета Западного фронта, что и было сделано 23 августа. Реввоенсовет Республики поставил на вид РВС фронта неправильность его действий и поручил председателю советской делегации на переговорах Данишевскому ознакомить польскую делегацию с этим постановлением.

12 октября в Риге между Советской Россией и Украиной с одной стороны и Польшей — с другой был подписан «Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира». Согласно договору военные действия между ними были прекращены 18 октября 1920 года.

Подписание мира явилось логическим завершением советско-польской войны. Настойчивые, неоднократные предложения Советского правительства, вне зависимости от того, как развивались события на фронте и какие бы лозунги ни провозглашались, возымели действия. И в результате был заключен мир не вследствие истощения сил обеих сторон, а вследствие возобладания разума в политике. Возможность достижения мира возникала и раньше, особенно с выходом на этническую границу Польши. Однако военные работники своевременно не информировали ЦК партии об этом, что привело к дальнейшему расширению войны и еще большим жертвам. Сыграла свою негативную роль и неуступчивость Польши, пытавшейся вначале решать все вопросы не напрямую с правительствами РСФСР и Украинской ССР, а через посредничество держав Антанты. Так обе противоборствующие стороны упустили шанс прекратить войну еще в середине июля 1920 года.

Советско-польская война длительное время была одним

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 716.

² Там же. С. 431.

из «белых пятен» нашей истории. Причины ее возникновения, ход и исход событий трактовались весьма упрощенно, с обязательным упоминанием о зловещей роли Антанты, хотя Пилсудский неоднократно подчеркивал, что в военных вопросах он не нуждался в советниках. В то же время материальную и моральную помощь он принимал и постоянно искал совета у глав правительств стран Антанты. В настоящее время, в связи с расширением доступа к ранее закрытым архивам и литературе 20—30-х годов, появилась возможность создания комплексного фундаментального труда по истории войны 1920 года. В этом отношении пальма первенства принадлежит польским исследователям, которые уже проделали значительную работу в решении данной проблемы. Советские же историки пока еще в большом долгу перед теми, кто проливал свою кровь на польских, украинских и белорусских землях. Предстоит сложная работа по исследованию причин возникновения войны, ее характера, итогов и уроков. Необходимо полностью преодолеть стереотипы старого мышления, отбросить идеологические штампы прошлого, дать более объективный анализ влияния идеи «мировой революции» на действия Красной Армии. Это тем более важно, что война между Советской Россией, Украиной с одной стороны и Польшей — с другой не нужна была ни польскому народу, ни народам Советского государства, но ее последствия десятилетиями тяготели над советско-польскими отношениями.

Публикация книг М. Н. Тухачевского и Ю. Пилсудского, несомненно, явится своеобразным прорывом из искаженного прошлого истории советско-польских отношений. Несмотря на то что они были написаны почти семь десятилетий назад, обе работы представляют значительную ценность для историков и всех, кто интересуется историей. Они позволяют, пусть это не покажется преувеличением, по-новому осмыслить ход событий тех лет, выявить причины взаимного недоверия, мешавшего налаживанию сотрудничества между Советским Союзом и Польшей в последующие годы.

Примечание. Чтобы читатель мог полнее ощутить дух и самобытность того времени, книги переиздаются в основном в том виде, в каком они были напечатаны первоначально (за исключением схем и ряда таблиц), с сохранением особенностей языка и стиля.

В. ДАЙНЕС,
кандидат исторических наук

М. ТУХАЧЕВСКИЙ

ПОХОД ЗА ВИСЛУ

Лекции, прочитанные на дополнительном
курсе Военной академии РККА
7—10 февраля 1923 года

Товарищи, главным источником настоящих лекций являются мои воспоминания. Отчасти же они основаны и на просмотре наших официальных документов оперативного управления штаба фронта. Пользовался также я и книгой тов. Сергеева «От Двины к Висле» и кое-какими французскими и польскими статьями. Недостаток времени не позволил остановиться на этом вопросе в том объеме, как бы этого хотелось и как это было бы нужно. Поэтому лекции будут носить характер общего стратегического обзора операций, а рассмотрения стратегических деталей и тактических действий различных войсковых соединений я в них буду избегать.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЙНЫ

Обзор событий я начинаю с того момента, когда поляки начали свое наступление на нашем Юго-Западном фронте и заняли Киев. В это время обстановка для Советской России складывалась следующим образом: Колчак ликвидирован на востоке; Деникин ликвидирован на Кавказе, лишь только врангелевское гнездо засело на Крымском полуострове. На севере и западе (кроме Польши) операции уже давно были закончены. С Латвией уже был подписан мирный договор. Таким образом, выступление Польши застало нас в сравнительно благоприятной для нас обстановке. Если бы только Польское правительство сумело сговориться с Деникиным еще до его разгрома, если бы оно не боялось империалистического лозунга «Единая, неделимая великая Россия», то наступление Деникина на Москву, поддержанное польским наступлением с запада, могло бы для нас кончиться гораздо хуже и трудно даже предугадать конечные результаты. Но сложное сочетание капиталистических и национальных интересов не допустило этой коалиции, и Красной Армии пришлось встретиться с ее врагами последовательно, чем значительно облегчалась ее задача.

В общем, к весне 1920 года мы имели возможность почти все наши вооруженные силы перебросить на Западный фронт и вступить в жестокую борьбу с армиями белополяков.

II. РАЙОН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Район предстоявших боевых столкновений на Западном фронте приблизительно по меридиану разделялся течением реки Березина. Берега этой реки, болотистые и покрытые лесами, на всем своем протяжении представляют значительную преграду для ее форсирования. Эти свойства усиливаются еще тем, что в верхнем ее течении, в районе город Леппель, местечко Березина, озеро Пелик находятся почти непроходимые болота, покрытые лесами. Южнее, вниз по течению, и к востоку и западу от нее растянулись непрерывные леса, в значительной части болотистые и очень малонаселенные. Железные дороги пересекают Березину только в трех пунктах: у Борисова, Бобруйска и Шацилки. Вследствие этого наиболее выгодный для форсирования реки район — на игуменском направлении — является чрезвычайно трудным в смысле организации армейской коммуникации. Севернее Березинских болот, между Леппелем и Западной Двиной, имеется сухое пространство, удобное для движения и действий больших войсковых масс. Правда, этот район изрезан озерами, но здесь все-таки войска будут действовать в местности населенной, и, главное, действующая армия имеет здесь удобную коммуникацию: река Западная Двина и Полоцкий железнодорожный узел. Этот район поляки называют Смоленскими воротами.

К югу от нижнего течения Березины местность становится совсем малопригодной для действий крупных войсковых соединений. Леса и болота и слабая населенность являются тому причиной.

В общем, можно наметить два направления, наиболее выгодных для нашего наступления: Смоленские ворота и игуменское направление.

Поляки в это время располагались примерно по линии Десна, Полоцк, р. Улла, ст. Крупки, Бобруйск, Мозырь. Выгодностью Смоленских ворот для нашего наступления являлось, как уже указано выше, населенность района, твердый грунт и хорошая коммуникация. Неудобство его было в том, что прямое наступление от Полоцка встречало на своем пути очень трудное препятствие — Западную Двину. Удар же между Двиной и Леппелем заставлял наши армии по выходе в район станции Ореховна круто менять свою операционную линию, делая большое захождение правым плечом градусов на девяносто. Игуменское направление позволяло удобное прямолинейное

движение. Как уже упоминалось выше, движение это должно было происходить по бездорожному лесисто-болотистому району, где организация тыла встретила бы, при наших скудных средствах, непреодолимые затруднения. Вот почему при выработке плана наступательных действий для главного удара были избраны Смоленские ворота.

III. ГРУППИРОВКА СИЛ

По плану Главного командующего, главная стратегическая роль выпадала на долю Западного фронта. Здесь, в районе Витебск, Толочин, Орша, сосредоточились крупные силы, перевозимые с различных ликвидированных фронтов. Выбранный Главкомом район сосредоточения развязывал фронтовому командованию руки в смысле выбора того или другого операционного направления. Можно было в несколько переходов подтянуть их к Смоленским воротам и в этот же срок сосредоточиться на игуменском направлении.

Состояние наших войск не могло быть приведено к общему уровню. Те войска, которые и ранее находились на Западном фронте, не вызвали к себе особого доверия. Они стояли здесь в течение нескольких лет в самом растянутом положении, причем более активные польские войска постоянными налетами и мелкими поисками тревожили и разлагали наши войска. Они теряли артиллерию, пулеметы и пленных. Вместе с тем ни с какой стороны крупных активных действий не применялось. Все это, а также и неудачи в борьбе с поляками в предыдущем году вселяли, как казалось, в наши войска некоторую робость и неуверенность. Наоборот, войска, прибывшие с других фронтов, которые только что были победоносно нами ликвидированы, были полны наступательного настроения и самого высокого состояния духа. Боеспособность их была, безусловно, велика.

Местные войска Западного фронта (48, 53, 8, 10, 17, 2 и 57-я стрелковые дивизии) занимали линию боевого фронта. Войска, перебрасываемые с других фронтов, сосредоточивались в вышеуказанном районе Витебск, Толочин, Орша. Армейских управлений на Западном фронте имелось только два — 15-й и 16-й армий. Между тем намечаемое сосредоточение (до 21 дивизии) требовало наличия не менее четырех-пяти армейских управлений. Технических войск, связи и железнодорожных на Западном фронте имелось самое ничтожное количество, совершенно недо-

статочное для мало-мальски серьезных боевых действий. Подтягивание этих войск, в общем, значительно отстало от сосредоточения основных родов войск, почему последующие операции и были поставлены в чрезвычайно тяжелое положение.

Польские войска кордонно растягивались по всей занимаемой ими линии более или менее равномерно. Каждая дивизия их старалась выделить резерв, и армии, в свою очередь, делали то же самое. Таким образом, равномерно расположенные войска по фронту более или менее равномерно эшелонировались и в глубину. Эта кажущаяся устойчивость польского расположения несла в самом существе своем и опасное положение, а именно то, что никакими усилиями польское командование не могло бы сосредоточить на любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов.

Эти ошибки польского расположения были нами учтены, и при организации наступления расчеты строились на том, чтобы сильным ударом превосходящих наших войск сразу же уничтожилась бы передовая польская линия. Для того чтобы получить наибольший успех в наикратчайшее время, начальникам дивизий было предложено вводить свои войска в дело сразу, не оставляя никаких резервов. Наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой польской линии. После этого последовательные контрудары резервов уже становились не страшны и резервы последовательно подвергались участи своей передовой линии.

Зато в строевом отношении состояние польских войск, в общем, было выше, чем наших. Вооружены и обмундированы они были также лучше.

Соотношение наших и польских сил по числу в случае окончания нами нашего сосредоточения уравнивалось. Полевой штаб считал даже, что мы будем сильнее. Но это происходило потому, что мы численность войск считали бойцами, а польские части учитывались штыками и саблями (таблица I), что сильно путало расчеты.

IV. МАЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Покуда происходило сосредоточение наших главных сил на Западном, поляки продолжали развивать свои успехи на Юго-Западном фронте. Эти успехи передались и к се-

Таблица I

Соотношение сил на Западном фронте к 15 мая 1920 года

Противник				Наши войска			
Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Войска вообще
8-я пех. див. 1-я Лит.-Бел. див.	4800 3500	400 400	} Боевой фронт	48-я стр. див. 164-я стр. бриг.	2028 1141	— —	4929 2320
Итого:	8300	800		Итого:	3169	—	7249
3-я див. легион. 6-я пех. див. (1 полк)	4800 1200	— —	} Глубоко рас- члененные ре- зервы, считая и части, стоящие против Литвы	15-я армия	5597	—	7923
10-я пех. див.	4800	—		4-я стр. див.	3162	—	6700
2-я Лит.-Бел. див.	4800	—		6-я —»—	2638	72	5999
Кав. див.	—	1800		11-я —»—	9863	605	13567
Итого:	15 600	1800		29-я —»—	3157	—	5142
				53-я —»—	2500*	—	5162
				56-я —»—	1144	—	1803
				Разные части 15-я кав. див.	—	1967	2351
				Итого:	28 061	2644	48 647
Всего:	23 900	2600		Всего:	31 230	2644	55 896

Большая часть дивизии на латвийской границе. Кроме того, бывает 18-я стр. див.

* Около

Направление Смоленских ворот

Противник				Наши войска			
Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Примечание
2-я пех. див. 6-я —»— (3 полка) 14-я В.-польск. див. 9-я пех. див.	4800 3400 4000 5000	400 600 600 1600	} Боевой фронт	16-я армия			
Итого:	17 200	3200		2-я стр. див. 8-я —»— 10-я —»— 17-я стр. див. 57-я —»— Разные части	2500* 4291 2730 6841 1580 302	— 991 — 301 57 —	6500* 7972 6930 11270 3230 595
17-я В.-польск. див. 16-я Поморск. див.	4800 4800	— —		Итого:	18 244	1349	* Около Кроме того, при- бывает 21-я стр. див.
Итого:	9600	—	} Резервы				
Всего:	26 800	3200		Всего:	18 244	1349	
Всего против Зап. фронта:	50 700	5800		Всего на Зап. фронте:	49 474	3993	

Южный район фронта

веру. Поляки заняли Мозырь и развили успешное наступление на Речицу. Поиски и действия мелких и средних частей польской армии стали усиленно развиваться по всему Западному фронту. Все говорило за то, что поляки накануне перехода в наступление. Для того чтобы сохранить наше положение и не дать возможности полякам втянуть нашу основную группировку в навязанные ей действия, необходимо было самим перейти от обороны к нападению. По этой причине и было предпринято наступление 14 мая.

Наступление это было начато тогда, когда еще не все наши силы успели сосредоточиться. На запоздавшие дивизии приходилось смотреть как на резерв. Вместе с тем нужно было считаться с тем, что успех нашего первого наступления, безусловно, должен быть своевременно разбит и не должен ограничиваться мелкими, временными задачами. План наступления предусматривал прорыв через Смоленские ворота, разгром левого фланга польской армии и прижатие остальных ее сил к Пинским болотам. Этот план имел за собой то преимущество, что он позволял в значительной мере экономить силы. Враждебная полякам Литва в случае нашего продвижения с успехом могла обеспечивать наш фланг и тыл. Дальше эту же задачу могла выполнять Восточная Пруссия, даже без всякого на то ее согласия. Таким образом, после первого же прорыва все наши силы могли быть использованы для активных действий против основных масс польской армии и лишь незначительное внимание мы должны были бы уделять своему правому флангу и тылу. На игуменском направлении действия 16-й армии (командарм Соллогуб, наштарм Баторский) должны были по форсированию Березины вцепиться с фронта в основную группировку белополяков и не позволить им маневрировать для противодействия главному удару 15-й армии.

Части 15-й армии, действовавшие севернее Западной Двины, были объединены под командой тов. Сергеева в Северную группу, подчиненную непосредственно фронту, задачей которой ставилось форсирование Западной Двины в районе к западу от Полоцка для действий во фланг и тыл противнику, ведущему бой с 15-й армией.

15-я армия (командарм Корк, наштарм Кук), как та-ран, обрушилась на слабые части Литовско-Белорусской дивизии, занимавшей примерно течение реки Улла. Части этой дивизии были разгромлены, деморализованы и рассеяны в первый же день. Последовательный ввод в дело польских резервов еще более усилил поражение и внес

еще больший развал в польскую армию. Наше наступление быстро и стремительно стало развиваться; 15-я армия без затруднения преодолела заворот в Смоленских воротах и продолжала движение в молодеченском направлении.

Успех был настолько решителен и настолько неожидан для поляков, что их главное командование проявило определенную неустойчивость и начало переброску сил с Юго-Западного на Западный фронт.

Ввод в дело этих свежих резервов сыграл свою роль примерно на линии Поставы, Будслав, Зембин. Наши войска встретили ряд согласованных контрударов и были остановлены. Неудача в переправе 16-й армии еще более усугубила положение. Необходимо заметить, что кроме объективных причин, помешавших наступлению 15-й армии, налицо была и некоторая разброска ее сил. Дивизии, растянувшись по трем направлениям (Поставы — Молодечно — Зембин), нигде не имели давящей группировки, а находившаяся в резерве дивизия не могла вовремя поспевать с одного направления на другое.

Наконец решительный удар поляков на поставском направлении решил участь операции. Части 15-й армии были здесь прорваны, и вся армия была вынуждена к поспешному отступлению. Как и всегда бывает после больших переутомлений и блестящих побед, опасная неудача на важном направлении с быстротой молнии передается по всему фронту, и устойчивость войск мгновенно падает. Начинается поспешное отступление.

Для того чтобы удержать откатывающиеся массы, было решено организовать оборону Смоленских ворот следующим образом: Северной группе было приказано занять район Германовичей и прочно запереть проход между озерами Белое, Ельно и Жадо. 15-й армии усилением своей Южной группы — запереть входы в Березинские болота на направлении Большой Черницы. Прочим силам 15-й армии — оборонять подступы к реке Мнюта. Дальнейшее продвижение польских войск в полоцком направлении попадало в клещи.

Польское командование, опасаясь прямого движения, решило разбить в первую голову нашу Северную группу. Против 18-й дивизии (вновь прибывшей в Северную группу) были двинуты 10-я пехотная дивизия и 7-я резервная бригада.

Целые сутки продолжался бой, и наконец 18-я дивизия с большими потерями была принуждена отступить. Зато и наступавший противник разбился и потерял способность

к дальнейшим решительным действиям. Это явилось переломным моментом в операции. Некоторая неустойчивость продолжалась еще значительное время, но, в общем, Смоленские ворота остались в наших руках вплоть до того момента, когда мы перешли во второе решительное наступление.

Выводы. Эта первая наша операция имела для нас очень важное значение. Войска наши увидели, что они могут побеждать поляков. Правда, польские войска в целом ряде боев показали себя по строевым качествам выше, но зато наша энергия, смелость и умение группироваться, в общем, доказали, что наши части тактически способнее польских, и это окончательно рассеяло ту неуверенность, которая еще имелась в некоторых частях. На будущие бои все смотрели с твердой решимостью и с полной уверенностью в победе.

Вторым важным следствием нашего первого наступления было то, что мы облегчили положение Юго-Западного фронта и заставили в самую тяжелую минуту для него снять часть польских войск с киевского направления.

Наконец, наиболее важным для нас результатом было занятие Смоленских ворот. Это позволило нам с гораздо большей легкостью организовать дальнейшее наступление и сразу ставило наши войска на железную дорогу Молодечно — Полоцк.

V. ПОДГОТОВКА ГЛАВНОГО НАСТУПЛЕНИЯ

В первой половине июня на всем Западном фронте установилось спокойствие... Несмотря на то, что все подкрепления наконец прибыли, нельзя было надеяться на решительное развитие главной операции. Необходимо было изыскать средства к пополнению наших поредевших частей.

Командованием фронта было намечено удвоение по числу штыков всех наших стрелковых дивизий.

Вставал при этой задаче очень трудный вопрос — укомплектования. В это время действовал еще Всероссийский главный штаб — учреждение глубоко бюрократическое, которое не умело выполнять возложенных на него задач. Работа в запасных частях, работа по мобилизации и по борьбе с бандитизмом велась формально, бездушно и никаких результатов не давала. В распоряжении Главного командования имелась запасная армия, на которую и выпадала основная тяжесть работы по укомплекто-

ванию наших действующих армий. Но и ее средства были ограничены и не могли удовлетворить всех наших потребностей.

При этом, надо заметить, обучение красноармейцев в запасных частях было поставлено очень невысоко. Не получая обмундирования, невозможно было правильно его поставить, ввиду весенних холодов, не позволявших заниматься босыми. Как только получалось обмундирование, немедленно сколачивались маршевые роты и батальоны, грузились в эшелоны и отправлялись на фронты.

В таком неприглядном состоянии находилось в тот период дело укомплектования наших армий. Всем фронтам и действующим армиям приходилось изыскивать свои собственные местные средства для того, чтобы пополнять убыль в частях. Конечно, эта задача нелегкая, вносящая разнობой в дело призыва, но никакого другого исхода не оставалось.

Кроме чисто технических возражений против местных укомплектований имелись и очень веские политические возражения. Было много сторонников того взгляда, что красноармейцы плохо дерутся в своих родных местах, что малейшая неудача ведет к дезертирству и распылению по родным очагам.

Однако жизнь, которая всех и всюду заставила прибегать к подобным местным укомплектованиям, доказала ошибочность этого осторожного взгляда. В случаях поражения обитатели самых отдаленных районов дезертировали так же легко, как и местные уроженцы. В этом разница была небольшая. Но зато все большие напряжения, все смелые операции и кампании почти всегда «выезжали» на местных мобилизациях и местных укомплектованиях. Так же случилось и в июне 1920 года. Малочисленность частей, необходимость срочного наступления и безнадёжное состояние центральных запасных частей заставило Западный фронт изыскивать пополнения своими собственными средствами.

По сведениям, имевшимся у нас, Западный фронт был переполнен дезертирами из числа призывных годов. Мы рассчитывали, что при правильно поставленной кампании можно будет извлечь из деревень до 40 000 дезертиров.

Был разработан тщательный план этой кампании, были брошены на это дело политические и административные силы, была поставлена в самых широких размерах суровая карательная власть, и кампания началась самым интенсивным темпом. Результат ее был сверх всяких ожи-

даний. Начались явки дезертиров добровольно. Особенно старались они под видом добровольцев являться в действующую часть. Только редкие элементы извлекались административным порядком. В течение июня месяца было изъято около 100 000 дезертиров, что в два с половиной раза превысило наши надежды.

Вся эта масса была двинута в нашу запасную армию и запасные полки действующих армий, где началась лихорадочная работа по подготовке ее для отправления в действующие полки. Затруднения в этом вопросе были очень велики. Полное отсутствие всякого обмундирования, недостаток казарменных помещений затрудняли обучение и понижали его качество.

Прибывшие к нам на фронт мобилизованные коммунисты и профсоюзники были двинуты в эту свеженавербованную массу, быстро обработали ее и влили в нее дух бодрости и решимости к борьбе с панской Польшей.

В общем, к концу июня благодаря несокрушимой энергии красноармейских работников эта колоссальная, почти неодолимая задача была выполнена, и пополнения тысячами потекли в наши дивизии. К концу июня намеченный план удвоения боевого состава частей был выполнен почти полностью. Этим самым предрешался наш будущий успех и достигалась возможность широкого и длительного развития операций.

Настроение наших войск было приподнятое. Сознание грозности положения и необходимости во что бы то ни стало отстоять Советскую Россию от нашествия польских панов охватило твердой решимостью воевать до конца не только красноармейцев наших частей, но и все местное рабочее и крестьянское население.

С таким же напряжением шла подготовка организации тыла наших будущих операций. Имевшиеся железнодорожные части (головные ремонтные поезда и железнодорожные дивизионы) были подтянуты и хотя и не соответствовали по числу предстоящим задачам, но все же давали возможность восстанавливать железные дороги по принципу сосредоточения сил.

Постройка моста через Западную Двину у Полоцка заканчивалась, и к началу операций мы имели железнодорожное сообщение до станции Зябки. Имея в виду трудность восстановления железнодорожного моста у Борисова (отверстием 75 сажень), мы начали заранее подготовку постройки этого моста. Агентурная разведка указала нам, что Березина в этом районе имеет около 22 сажень

ширины. Профиль пути нам был известен. Рассчитывая построить ряжевой мост на подъездных путях, мы заранее построили и сложили на платформы составные части этого моста. Такая предусмотрительность позволила нам при наступлении в пять суток восстановить этот мост с 75-саженным отверстием. Наши органы военных сообщений совершенно не верили в возможность столь быстрой постройки.

Учитывая недостаток транспортных средств в наших войсковых частях, пришлось пойти по пути широкой мобилизации обывательских подвод. 4-я армия мобилизовала их до 8000 штук, 15-я и 3-я — до 15 000 и 16-я — около 10 000. Конечно, это легло тяжелым бременем на местное население, но его страх перед панским нашествием позволил нам без труда осуществить эту меру. Такое большое количество транспортных средств позволило нашим войскам развивать свои быстрые и смелые операции с сохранением постоянно действующего и работающего тыла. Правда, в этой работе было много хаотического, но вместе с тем вплоть до подхода к Бугу и Нареву наши войска были довольно хорошо обеспечены всеми необходимыми им припасами.

Средства связи точно так же подтягивались со всех сторон, а частью были сформированы в запасной армии Западного фронта. Но как ни велико было напряжение в этой области, мы вышли в июльскую операцию слабо подготовленными в этом отношении. Нам не хватало средств, и самая операция в конечном счете погубила из-за их недостатка. Между прочим, впервые в июльской операции были применены планомерно оперативные пункты и линейные органы связи.

Командование белополяков точно так же не сидело сложа руки, а пополняло и усиливало свои войска.

Расположение польских войск, хотя и имело некоторую тенденцию к уплотнению против нашего правого фланга, все же не могло быть названо решительным и носило на себе следы кордонности и пассивности. Эти слабые стороны польской армии были нами учтены и использованы в июльском наступлении.

VI. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

План наступления был очень схож с майским планом. В основу его была положена та же идея упирания нашего правого фланга в Литву и Восточную Пруссию и от-

брасывания польских сил к болотистому Полесью. Таким образом, направление главного удара проходило опять-таки через Смоленские ворота. Зато теперь движение по «воротам» для нас было гораздо удобнее. Нам не приходилось загибать своего фланга, и можно было прямолинейно действовать во фланг польской армии, прочно оседлав действующую уже железную дорогу Полоцк — Молодечно.

Недостатки управления первой операцией были до некоторой степени изжиты. Мы имели четыре армейских аппарата и управление Мозырской группы. Правда, аппараты эти, кроме 15-й и 16-й армий, были очень слабы и лишены специальных технических средств связи. Но тем не менее прогресс в этом отношении был налицо.

На решающем направлении мы сосредоточили 3 наши армии: 4-ю (командарм Сергеев, наштамр Шубаев — бывшая Северная группа), 15-ю (командование прежнее) и 3-ю (командарм Лазаревич, наштамр Лисовский), 16-я осталась на игуменском направлении (командование прежнее), а Мозырская группа — на мозырском (командующий группой Хвесин). Такая группировка позволяла сосредоточить на глубокинском направлении подавляющие наши силы и вместе с тем сохранить прочное и гибкое управление ими.

4-я армия насчитывала (не считая 48-й стрелковой дивизии) около 14 000, 15-я армия — до 26 000 и 3-я армия — до 20 000 штыков и сабель; 16-я армия имела 25 000 и Мозырская группа — около 6000 штыков и сабель.

Таким образом, на нашем правом фланге против 30 000 с небольшим польских мы выдвинули до 60 000 наших штыков и сабель. При этом надо иметь в виду, что поляки держали свои силы глубоко эшелонированными, но без определенной группировки, передовая же их линия была кордонно растянута. Вместе с тем резервы их не могли составить, даже путем перегруппировки, какого-либо угрожающего для нас сосредоточения в случае нашего перехода в наступление. Они были для этого слишком малочисленны, раздробленны и разбросанны. Нашим планом опять-таки являлось одновременное введение в бой всех наличных сил для того, чтобы сразу же упразднить передовую боевую линию противника. Последующий ввод польских резервов шел бы уже не в их, а в нашу пользу, ибо позволял бы нам поочередно разбивать эти силы.

На участке 16-й армии соотношение сил было примерно одинаковое. Зато на неважном левом фланге (мо-

зырское направление) мы были в два с лишком раза слабее поляков.

Распределяя таким образом силы, командование фронта имело в виду обходное движение 4-й армии севернее озера Б. Ельна, фронтальный прорывающий удар 15-й армии на Глубокое и фланговый удар 3-й армии в парафьяновском направлении. 16-я армия сосредоточенными силами должна была наступать в игуменско-минском направлении, связывая весь центр противника. Мозырская группа, занявшая к этому времени город Мозырь, должна была содействовать 16-й армии в глусском направлении.

Приведенное выше распределение наших сил было отдано в приказе командзапа от 30 июня. В состав 4-й армии, не считая 48-й стрелковой дивизии, включались 12, 18 и 53-я стрелковые дивизии, 164-я стрелковая бригада и 3-й конный корпус, сведенный из 10-й и 15-й кавдивизий под командой тов. Гая. В состав 15-й армии включались 4, 11, 16, 33 и 54-я стрелковые дивизии; в состав 3-й армии — 5, 6, 21 и 56-я стрелковые дивизии; в 16-ю армию — 2, 8, 10, 17 и 27-я стрелковые дивизии; состав Мозырской группы — прежний.

VII. НАСТУПЛЕНИЕ 4 ИЮЛЯ

2 июля командзапом был отдан приказ о переходе в решительное наступление с рассветом 4 июля.

4-й армии была поставлена задача нанести главный удар к северу от озера Б. Ельна и 5 июля выйти в район Шарковщина, Лужки. Конные массы выбросить по левому берегу Западной Двины в свенцянском направлении.

15-й армии приказано было нанести удар в глубокинском направлении.

3-й армии ставилась задача занять 5 июля Докшицы, а 6-го отрезать противнику путь отступления по железной дороге в районе станции Парафьяново.

16-й армии — форсировать Березину с 5 на 6 июля для наступления в игуменском направлении.

Мозырской группе — содействовать 16-й армии ударами во фланг противника.

Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями — устье реки Ушач, местечко Лужки, Будичи; между 15-й и 3-й армиями — Дзвони, верховье Березины; между 3-й и 16-й армиями — озеро Пслик, верхнее течение реки Гайна.

Наступление развивалось очень успешно. 4-я армия двинула к северу от озера Б. Ельня 12-ю и 53-ю стрелковые дивизии и 164-ю стрелковую бригаду, за ними двинулся конный корпус; вдоль Десны наступала 18-я стрелковая дивизия.

Легко прорвав незначительные пехотные части противника, ударная группа 4-й армии быстро и решительно повела свое обходное движение. Однако на пути она встретила неожиданно для себя части 8-й польской пехотной дивизии. Мы имели еще и ранее сведение о том, что поляки сами готовятся к переходу в наступление и что первой задачей их является очищение от нас Десненского района. По-видимому, движение 8-й стрелковой дивизии от Германовичей по северному берегу озера Б. Ельня и являлось подготовкой этого маневра. Части 8-й дивизии были атакованы в походе, разбиты и потеряли всякую способность к сопротивлению. Но и наши части не достигли того, что могли бы извлечь из обстановки. Недостаток средств связи у командующего 4-й армией не позволял ему твердо держать свои части в руках, и поэтому действия 12-й и 53-й дивизий носили несколько разрозненный характер. Как бы то ни было, противник был разбит и наши части продолжали свое наступление, лишь немного не выполнив поставленной им задачи. 18-я дивизия вела упорные бои с противником, и лишь только обход ударной группы и успех соседней 15-й армии позволили ей сдвинуться с места.

15-я армия, против которой находились главные силы противника, целый день вела упорный, кровопролитный бой. Однако к вечеру на всем участке польские войска были разгромлены, развалены и с большими потерями опрокинуты на Глубокое. Были захвачены пленные, пулеметы и орудия.

3-я армия форсировала Березину, разбила стоявшие против нее польские части и к сроку заняла Докшицы и точно так же к сроку прорвала железную дорогу в районе Парافьяново. Противник, сбитый на этом направлении энергичным движением частей 3-й армии, должен был в беспорядке отступить в северном и северо-западном направлениях, отходя по болотистым местам, что севернее железной дороги.

Уже к 7-му числу выяснилось с полной определенностью, что войска противника подверглись полному разгрому в районе нашего главного наступления.

Действия 16-й армии точно так же были вполне ус-

пешны. Переправившись через Березину и разбивая встречавшиеся на ее пути польские части, она быстро продвигалась в игуменском направлении.

Мозырская группа своим наступлением в северо-западном направлении из района Глусска оказывала ей активную поддержку.

Чтобы еще более обеспечить успех 16-й армии, командование фронта 6 июля приказало поддержать ее движением 3-й армии в минском направлении.

7 июля отдается приказ, по которому 4-й армии ставится задача: к 9 июля выйти в район Твереч, Годушашки, Комай; 15-й армии 10 июля занять район станции Молодечно; 3-й, 16-й армиям и Мозырской группе — задача прежняя. Наступление на всем фронте развивается с полным успехом.

Конный корпус, далеко оторвавшись от главных сил своей армии и действуя севернее озерно-болотистого Десненского района, вышел в глубокий тыл армии белополяков и 9-го числа после успешного боя занял Свенцяны, нанеся противнику серьезный урон и захватив большую военную добычу. Деморализация, внесенная этим ударом конного корпуса по войскам противника, была настолько велика, что они даже не сумели оказать сопротивления главным силам 4-й армии по линии мощно укрепленных германских позиций. 9-го числа 4-я армия выполнила поставленную ей задачу. 15-я армия точно так же в назначенный срок заняла Молодечно. 3-я и 16-я армии, разбивая своим концентрическим наступлением всякое сопротивление противника, продолжали успешное наступление.

Нами были перехвачены польские приказы, из которых видно, что польское командование, видя свое полное поражение на северном участке, предписало планомерный постепенный отход на участке нашей 16-й армии. Однако предпринятый нами маневр совершенно спутал их карты, не позволяя им занять и удержать своевременно ни одного намеченного ими рубежа. Организация отступления их была нарушена и приняла характер полного беспорядка.

Теперь перед Западным фронтом встала новая стратегическая задача. По впадающей в Неман Березине с ее многочисленными притоками раскинулись труднопроходимые болота, покрытые густыми лесами и имеющие лишь несколько удобных для движения дорог. Верхнее течение Немана не представляет собой никакой серьезной преграды для наступающих войск. Зато от болотистого Березинского района он течет в западном направлении вплоть до

устья реки Щара и на всем этом протяжении представляет уже довольно серьезную преграду благодаря скорости течения и ширине русла. Таким образом, фронтовому командованию необходимо было решить вопрос, где оно поведет свои главные силы: севернее или южнее этой продольной преграды.

По основным соображениям упирания нашего правого фланга в границы враждебных Польше государств и по соображениям меньшей потери времени на перегруппировки было решено главное наступление повести севернее Немана. 9 июля отдается приказ, по которому 3-й армии надлежит сосредоточиться в районе Холхло, Першай, Раков 11 июля; 16-й армии приказано 11 июля занять Койдонов; Мозырской группе дано направление на Слуцк и Лунинец. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями — Будичи, озеро Нарочь, Ошмяны; между 15-й и 3-й армиями — местечко Илия, река Березина, станция Листопады; между 3-й и 16-й армиями — река Гайна, местечко Вольма; северным армиям продолжать дальнейшее наступление.

Части 3-го конного корпуса, поддержанные 164-й стрелковой бригадой, продолжали свое наступление от Свенцяи в виленском направлении. Стрелковые силы 4-й армии двинулись к реке Вилия для ее форсирования в направлении Михалишек. Здесь из-за недостатка средств связи и затрудненности управления вследствие этого частями армии произошла досадная задержка. Командование 18-й дивизии непроизводительно теряло время в районе озера Свирь, Михалишки, действуя разрозненно и разбросанно своими частями. Связи между отдельными дивизиями точно так же не было. Командарму лично пришлось выехать в штабы дивизий, получить от них необходимые сведения и на месте дать указания. Организованные, сосредоточенные усилия трех стрелковых дивизий наконец имеют успех и река Вилия форсирована. Противник, понесши здесь серьезный урон, начинает поспешное отступление.

3-й конный корпус точно так же не имел первоначально успеха. Несколько попыток его форсировать Вилию были каждый раз отражаемы пехотными польскими частями. Наконец при помощи 164-й бригады эта задача была выполнена, и части корпуса ворвались в предместье города Вильна. Некоторое время и здесь продолжались упорные бои, но 14-го утром Вильна уже нами была окончательно занята.

Как только литовцы почувствовали, что Красная Армия имеет совершенно определенные успехи, их нейтральная позиция немедленно сменилась на враждебные отношения к Польше, и литовские части ударили полякам по тылам, заняв Новые Троки и станцию Ландварово.

Стремительное обходное движение конного корпуса и помощь литовских войск отрезали северной польской армии путь отступления на Ораны и Гродно. Часть ее начала поспешный отход в направлении на город Лида. Таким образом, в этом направлении, куда концентрически двигались три наши армии, должны были отступать польские войска и с севера и с востока. Являлось жизненно необходимым удержать наступление 15-й армии на германских позициях для того, чтобы дать время отойти главным силам и тылам этих войск. Действительно, наступление 15-й армии встретило жестокий отпор по всей линии старой германской укрепленной полосы. Завязался упорный бой в районе Сморгони.

Чтобы дать скорейшее развитие событиям на правом фланге 15-й армии, связав ее действия с успешным наступлением 4-й армии, в направлении на Сморгонь была двинута 5-я стрелковая дивизия, выведенная из 3-й армии в резерв командзапа.

15-я армия несколько дней безрезультатно бьется на линии германских окопов. Однако обходное движение 18-й стрелковой дивизии 4-й армии наконец опрокидывает польское сопротивление в районе Сморгони, и части 15-й армии начинают последовательно справа налево овладевать германскими позициями. Наступление снова решительно продолжается, причем в задачу 15-й армии входит также помощь по последовательному очищению позиций от польских войск на участке 3-й армии.

Приказом от 12 июля 4-й армии поставлено задачей выйти в район Оран к 17-му числу; 15-й и 3-й армиям к этому же сроку приказано занять линию Жирмуны, Лида; 16-й армии к этому же сроку занять район Барановичей; Мозырская группа должна наступать в пинском направлении. Чтобы облегчить 16-й армии последовательное очищение германских окопов, начиная с правого фланга, к нему была направлена 2-я стрелковая дивизия, выведенная в резерв фронта. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями — Ошмяны, Вороново, Скидель; между 3-й и 15-й армиями — Листопады, Субботники, Лида, станция Мосты; между 3-й и 16-й армиями — Волма, устье Березины, Деречин. Таким образом,

3-й армии ставилась задача частично форсировать Неман и двигаться частью сил по его левому берегу. Эта мера должна была облегчить 16-й армии ее трудную задачу преодоления германских окопов на большом протяжении и дальнейшее ее продвижение к реке Щара.

Являлось вполне возможным предположить, что польское командование решит упорно обороняться на фронте 16-й армии, для чего использует линию германских окопов и течение Немана. В таком случае наша Северная группа была бы поставлена в положение, когда ей необходимо было бы остановиться. Предусматривая это, армиям было указано, что в случае задержки 16-й армии на германских позициях и в случае сосредоточения в районе к югу от Немана крупных польских масс задача 3-й и 15-й армий будет перемена их основного направления и удар с севера на юг, во фланг и тыл польским массам; 4-я армия должна была бы обеспечивать эту операцию наступлением в гродненском направлении. Однако это предположение не осуществилось. 16-я армия своими силами сумела сбить расстроенные части польской армии. Но самый факт маневрирования и готовность к маневру нашей основной группировки надо разобрать несколько подробнее.

При современных широких фронтах является совершенно невозможным наступать всюду с одинаковой насыщенностью. Смелое ведение операций непременно должно предусматривать сосредоточение больших войсковых группировок на решающих направлениях и оставление минимальных сил на направлениях второстепенных. В случае успеха, в случае благоприятного развития дальнейших операций перед командованием больших войсковых соединений встали бы неминуемо вопросы: надо ли продолжать операцию, сохраняя прежние группировки и прежнее операционное направление или надобно избрать новое? надо ли сохранять в боевой линии все двинутые в бой массы или их нужно разредить путем вывода части сил в резервы? не лучше ли продолжать преследование слабыми силами и лишь только тогда, когда обнаружится новая группировка неприятельских сил, обрушиться на нее сильными сохраненными резервами?

Эти вопросы являются решающими в современных операциях, так как, за редкими исключениями, нет возможности неприятельскую силу уничтожить одним быстрым, решительным движением. Неминуемо приходится вести операцию за операцией, удар за ударом, нанося противнику непрерывный урон. Ответить на эти вопросы раз на-

всегда пригодными формулами невозможно. Обстановка слишком разнообразна для того, чтобы к ней применять навсегда определенные правила. Но вместе с тем обычное развитие современных операций неизбежно заставляет сделать кое-какие определенные выводы. Во-первых, протяжение фронта общего наступления и неизбежное разрушение железных дорог отступающей армией не позволяют делать своевременные железнодорожные переброски, и потому раз принятое массирование войск, при условии быстро развивающегося наступления, может быть изменено лишь с большим трудом, и то частично. Во-вторых, оставление в боевой преследующей линии лишь небольших сил легко может позволить противнику сорганизоваться, остановить наше наступление и привести в порядок свои дезорганизованные части. Это вовсе не означает, чтобы неприятель сейчас же согласился с нами вступить в новое сражение. Наоборот, в целом ряде случаев он будет всячески избегать его, пока не организует нового мощного контрудара. В этом случае ввод в дело образованных нами крупных резервов для разгрома остановившегося противника может оказаться ударом по воздуху и не приведет ни к каким положительным результатам, но зато будет связан с неизбежной потерей времени. Невозможность при современных широких фронтах уничтожить армию противника одним ударом заставляет достигать этого рядом последовательных операций, которые стоили бы дороже последователю, чем нам. Чем стремительней будем мы его преследовать, тем меньше мы ему дадим времени на организованный выход из боя, тем более мы разложим его вооруженные силы и сделаем невозможным или очень затруднительным новое генеральное сражение. Словом, ряд последовательно ведомых уничтожающих операций, соединенных непрерывным преследованием, может заменить собой то уничтожающее сражение, которое было лучшим видом столкновения в прежних армиях, имевших не такое протяжение фронта.

Против подобного рода доводов возражают довольно основательно в том смысле, что такие образовавшиеся на решающем направлении таранные массы слишком ярко обнаруживают свою основную оперативную идею. Исчезает всякая возможность внезапности. Сама наступающая таранная группировка облегчает противнику заранее подготовить свой контрудар и в нужный момент из нужного района будет встречена его контрнаступлением.

Всякое дело очень сложно и разносторонне. И те не-

достатки таранного наступления, которые сейчас приведены, действительно соответствуют истине. Но, если вопрос рассмотреть шире, то мы увидим такие его стороны, которые эти недостатки в полной мере сглаживают. Во-первых, не надобно забывать, что разбитый противник в смысле располагаемых им вооруженных сил находится в худшем положении, чем победившая армия. Инерция подавленности и сознание безвыходности положения охватывают отступающего, если ему нигде не дают возможности зацепиться, не дают возможности перегруппироваться, заставляют его каждый день принимать бои и терять все новые и новые силы. Поэтому, если основная таранная группировка стоит на правильном направлении и правильно обеспечена на фланге и на второстепенных направлениях, то всякий переход противника в наступление является для этих масс не неприятностью, а желанной, заветной мечтой. У наступающего победителя всякое активное проявление со стороны противника может вызвать только радость, ибо оно дает ему наконец возможность настигнуть главные поколебленные силы врага и нанести окончательный, сокрушающий удар.

Скопление таранных масс, как и упоминалось уже выше, является неминуемым следствием характера современной войны. Германская армия на французском фронте в 14 году и целый ряд наших кампаний в период гражданской войны являются этому прямым доказательством. И на примере нашей кампании против белополяков в 20 году можно с большой пользой проследить вопрос об использовании таранных масс. Когда 16-й армии требуется помощь с севера, таранная масса в лице 3-й армии ведет ее немедленным наступлением на Минск. Если бы 16-й армии потребовалась помощь на линии старых германских окопов, то мощный удар не менее чем двух наших армий обрушился бы на фланг и тыл действовавших против нее польских войск. В дальнейший период операций, во время наших боев на Буге, могла возникнуть потребность в таком же маневре наших северных армий. И если бы она возникла, то, конечно, могла быть немедленно выполнена. Неудача нашей последней операции на Висле не должна путать существа вопроса и не должна вести к неправильным, легкомысленным выводам. Там имела место не ошибочность нашей основной ударной группировки, а наш пробел в деле ее флангового обеспечения. Об этом разговор будет дальше.

VIII. РЕВОЛЮЦИЯ ИЗВНЕ

Когда с полной и неизбежной ясностью обнаружился тот окончательный разгром, которому подверглись польские армии на Западном фронте, когда наши армии форсировали наконец германскую укрепленную полосу, беспокойство и паника охватили не только польскую буржуазию, но и ее европейских покровителей. Мы получили ноту Керзона, в которой предлагалось нам остановиться на достигнутых нами рубежах, с тем чтобы английское правительство стало посредником между нами и польским правительством об установлении между нами границ по Версальскому договору, т. е. по этнографической границе Польши. Конечно, этому выступлению дипломатии английского капитала доверять было невозможно. Уже мы имели одну такую попытку по посредничеству Англии между нами и Врангелем, окончившуюся укреплением и активным выступлением Врангеля из-под прикрытия английского посредничества. Но вместе с тем нота Керзона, хотя и вызванная нашими победами, имела в себе некоторые ультимативные стороны. В случае, если бы мы не согласились с английским предложением, нам угрожало бы активное выступление против нас английского капитала. В чем конкретно могло это выразиться — точно нам известно не было, но слишком очевидно становилось, что обстановка сгущается и схватка польского капитала с русской пролетарской революцией разрасталась в масштаб европейской.

Если мы отклонили посредничество Керзона, то тем самым бросался вызов европейскому капиталу и схватка должна была продолжаться не на живот, а на смерть. Было совершенно очевидно, что даже в случае полного разгрома панской Польши классовая война прекратиться не могла и неизбежно стихийно перекатилась бы в пределы Центральной Европы.

Каково было состояние западноевропейского пролетариата? Был ли он готов к революции? Смог ли бы он поддержать, воспринять революционную социалистическую лавину, которая катилась с востока для его освобождения? Последующие события дают, безусловно, благоприятный ответ на эти вопросы.

Еще до начала нашего наступления вся Белоруссия, находившаяся под гнетом польских помещиков и белопольских армий, бурлила и клокотала крестьянскими восстаниями. Мы знали, что, проходя по Белоруссии, мы най-

дем не только сочувственное отношение к себе, но и значительное подкрепление в виде мобилизованной красноармейской массы. Это предположение полностью оправдалось. Свыше 30 000 вполне надежных мобилизованных были нами призваны под знамена, обучены и влиты в ряды нашей Красной Армии. Характерный блестящий пример классового укомплектования.

Положение в Польше точно так же рисовалось в благоприятном для революции свете. Сильное пролетарское движение и не менее грозное движение батраков ставили польскую буржуазию в очень тяжелое положение. Многие польские коммунисты считали, что стоит только нам дойти до этнографической польской границы, как пролетарская революция в Польше станет неизбежной и обеспеченной. Действительно, когда мы заняли Белостокский район, мы встретили там самое горячее сочувствие и поддержку рабочего населения. На массовых митингах выносились резолюции о вступлении в Красную Армию. Крестьянство в первое время относилось к нам подозрительно под влиянием агитации ксендзов и шляхты, но очень скоро освоилось с нами и успокоилось. Батрацкое население определено нам сочувствовало. Таким образом, то, что мы видели в занятой нами части Польши, безусловно, сочувствовало социалистическому наступлению и готово было воспринять его...

Разговоры о пробудившемся национальном чувстве среди польского рабочего класса в связи с нашим наступлением являются, конечно, следствием проигрыша нами кампании. У страха глаза велики. Не надо забывать, что при подходе нашем к Варшаве рабочее население Праги, Лодзи и других рабочих центров глухо волновалось, но было задавлено буржуазными польскими добровольческими частями. Расчет на революцию в Польше как встречу нашего наступления, как следствие разгрома орудия принуждения в руках польской буржуазии имел под собой серьезные основания, и, если бы не наше поражение, он увенчался бы полным успехом.

Могла ли Европа ответить на это социалистическое движение взрывом революции на Западе? События говорят, что — да. Наше стремительное победоносное наступление взбудоражило, всколыхнуло всю Европу и заигнотизировало всех и вся, привлеки общие взоры на Восток. И рабочие, и буржуазные газеты были заняты только одним вопросом: наступление большевиков. Эта была общая мысль, общее напряженное внимание. Рабочие Германии

открыто выступили против Антанты, загоняли в обратную сторону эшелоны со снаряжением и вооружением, которые Франция пересылала в Польшу, не допускали разгрузки французских и английских кораблей с амуницией и вооружением в Данциге, сбрасывали поезда под откос и прочее — словом, вели активную революционную борьбу в пользу Советской России. Из Восточной Пруссии, когда мы соприкоснулись с ней, к нам потекли сотни и тысячи добровольцев, спартаковцев, беспартийных рабочих под знамена Красной Армии, формируясь в Германскую стрелковую бригаду.

Надо заметить, что польским Революционным комитетом было положено основание и польской Красной армии, которая начала усиленным темпом формироваться, но ко времени нашего поражения не поспевшая закончить свою организацию.

Итак, Германия революционно клекотала и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции.

В Англии рабочий класс точно так же был охвачен живейшим революционным движением. Комитет действия вступил в открытую борьбу с английским правительством. Позиция последнего положительно колебалась. Положение напоминало состояние царского правительства в дни Совета рабочих депутатов в 1905 году.

В Италии разразилась настоящая пролетарская революция. Рабочие захватывали фабрики, заводы и организовывали свое правление. И если бы не подлая деятельность социал-демократов, то революция вполне разрослась бы до громадных размеров.

Во всех странах Европы положение капитала зашаталось. Рабочий класс поднял голову и взялся за оружие. Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь европейский материк.

Конечно, когда война проиграна, очень легко находить политические ошибки, политические промахи. Но только что обрисованная обстановка говорит сама за себя. Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской.

IX. ФОРСИРОВАНИЕ НЕМАНА И ЩАРЫ

Дальнейшее наступление нашей основной Северной группировки развивалось безостановочно и с постоянным успехом. В районе Жормуны, Лида противнику было нанесено серьезное поражение и захвачено большое число пленных и артиллерии. 16-я армия и Мозырская группа точно так же успешно развивали свои действия.

18 июля фронтовым командованием была поставлена дальнейшая задача. 4-й армии было приказано 21 июля форсировать Неман в районе южнее Гродно, 15-й армии приказано форсировать Неман 22 июля, 3-й армии — форсировать главными силами Неман в районе устья Щары; 16-й армии — форсировать Щару в районе к северу от Слонима. Разграничительными линиями назначались между 4-й и 15-й армиями — Скидень, Индура; между 15-й и 3-й армиями — станция Мосты, Рось; между 3-й и 16-й армиями — прежняя.

Между тем польское командование со своей стороны точно так же организовало новую операцию. Имея намерение во что бы то ни стало удержаться на линии рек Неман и Щара, оно намеревалось сосредоточить ударную группу в шесть пехотных дивизий в районе Гродно для удара во фланг нашей главной армейской группировке. Для этой цели из района Лиды двигались на Гродно 5, 8 и 10-я пехотные дивизии, а сосредоточенные в Белостоке 9-я и 17-я пехотные дивизии и три уланских полка двигались через местечко Кузницы на Гродно с запада. 2-я Литовско-Белорусская дивизия уже находилась в этом районе.

Стремительные действия 3-го конного корпуса разбили все польские планы. Еще 19-го числа с налету была занята крепость Гродно. Литовско-белорусские части были потрепаны и в беспорядке отброшены на западный берег Немана. Части 15-й кавдивизии заняли Кузницы, а 10-я кавдивизия заняла местечко Скидель, ожидая подхода пехотных сил 4-й армии. Тем временем польская пехотная масса, придя к расположению наших кавдивизий, перешла в решительное наступление и успешно начала теснить эти части. В то время как на западном берегу Немана 15-я кавдивизия была потеснена в крепость и закрепились на берегу, 10-я кавдивизия вела упорный бой с развернувшимися дивизиями белополяков на подступах к Гродно со стороны города Лида. Тем временем пехотная масса 4-й армии дебушировала из Гродненской пущи и обруши-

лась на тылы и фланги наступающих польских дивизий. Они были смяты, раздавлены и в полном беспорядке отброшены к югу, на станцию Мосты. По дороге они были перехвачены подходившими частями 15-й армии, окончательно разбиты и деморализованы и отброшены на западный берег Немана. Так неудачно кончилась для поляков намеченная ими контрударная группировка. Наши войска продолжали решительное наступление и на всем фронте, после ряда боев форсировали Неман. 16-я армия по форсировании реки Щара на подступах к Волковыску встретила сильное контрнаступление польских частей. Это наступление было смято, причем поляки потеряли большое количество пленных и орудий. На всем фронте наступление наше продолжало развиваться.

После известия о взятии Гродно Главнокомандующим были даны директивы о занятии Западным фронтом Варшавы к 12 августа.

Вопрос о том, нужно было или не нужно останавливаться на этнической польской границе, является точно так же одной из любимейших полемических тем. Большая часть наших писателей указывает на то, что на этом рубеже было бы выгодней нам остановиться, организовать свои тылы, исправить связь и достроить железные дороги, влить в части пополнения, которые в количестве 60 000 человек уже находились в эшелонах и следовали за наступавшими войсками, и после этого, отремонтированным, укрепшим, начать новое наступление для окончательного уничтожения польской армии.

Такое предположение, конечно, очень соблазнительно. Куда приятнее наступать, когда железные дороги исправны, когда связь работает без перебоев, когда войска пополнены до положенного им по штату и когда противник вместе с тем разложен и деморализован. Но так ли на самом деле складывалась обстановка? Непрерывность нашего преследования вконец деморализовала польские войска. По свидетельству французских и польских офицеров, войсковые части потеряли всякую боевую устойчивость. Польские тылы кишели дезертирами. Никакой надежды на спасение не оставалось. Все бежали назад, не выдерживая ни малейшего серьезного боя. И эта неустойчивость царила не только в войсковых частях, но и в среде польского высшего командного состава.

Осталось бы это положение, при котором мы, даже численно слабейшие, все-таки оказывались бы сильнее противника, в том случае, если бы мы оставались на гра-

нице Польши? Конечно нет. Если для нас эта остановка дала бы возможность провести пополнение, укрепить свои тылы, привести в порядок весь организм наступающих армий, то, конечно, для поляков в этом смысле было бы гораздо больше возможностей. Не надо забывать, что на карту ставилось существование капиталистического мира не только Польши, но и всей Европы. Бесконечные транспорты и эшелоны с амуницией и вооружением следовали на помощь польской армии из Франции и Англии. Забастовки и активные противодействия германских рабочих в Данциге и на железных дорогах силою подавлялись французскими и английскими войсками, которые принимали на себя заботы о разгрузке и погрузке необходимого снаряжения. Польский капитал напрягал все свои силы, развивая бешеную агитацию против большевистского наступления. Ксендзы служили ему в полной мере и призывали польское население к национальной самообороне. Формирование буржуазных добровольческих частей проходило очень успешно. И если бы только мы дали полякам спокойно провести эту работу, то через две-три недели, потребные нам для устройства наших дел, мы встретили бы против себя значительно сильнейшие, чем наши, армии и должны были бы снова ставить на карту наше стратегическое будущее. При том потрясении, которому подверглась польская армия, мы имели право и должны были продолжать наше наступление. Задача была трудная, смелая, сложная, но задачами робкими не решаются мировые вопросы.

Х. БОИ НА НАРЕВЕ И БУГЕ

В конце июля начинаются наши бои на Нареве и Буге. Впервые после начальных боевых операций поляки оказали нам здесь упорное сопротивление.

На участке 4, 15 и 3-й армий нам необходимо было форсировать болотистые реки Бобр, Нарев и Нурец, которые имели очень мало переправ и представляли собой серьезную преграду. Поляки использовали ее и, устроив наскоро за нею свои войска, оказали нам очень серьезное сопротивление. Этому успеху их помогло и то обстоятельство, что средства связи наши неизменно оставались недостаточными и управление войсками было до чрезвычайности затруднено, что часто придавало боям несколько разрозненный характер и, конечно, замедляло успех. Особенно сказалось это обстоятельство на участке 16-й ар-

мии, которая занимала широкий фронт, около 80 верст, имея всего только пять стрелковых дивизий. Положение 16-й армии осложняло еще наличие на фланге Брест-Литовской крепости.

После форсирования Немана приказом от 23 июля было намечено дальнейшее наступление. Армиям фронта к 3 августа было приказано выйти на линию Остроленка, Остров, Коссов, Дрогичин, Бела, Влодава.

3-й конный корпус, продолжая выигрывать один-два перехода по отношению к главным силам 4-й армии, двинулся на Осовец и с боя занял эту крепость. Дальнейшее его движение продолжалось на Ломжу. Вслед за конным корпусом шла 12-я стрелковая дивизия. 18-я и 53-я дивизии, подойдя к берегам Нарева на участке Стренкова Гура, Бабино, завязали с противником решительные бои, форсировали реку, но бой развивался с переменным успехом, без существенных результатов.

15-я армия, выйдя на болотистые берега Нарева, точно так же повела безрезультатные фронтальные бои.

3-я армия, дойдя до болотистых берегов Нуреца, вела здесь довольно бестолковые бои. Командарм-3 тов. Лазаревич в это время заболел, не мог двигаться, и управление армией пришло в некоторое расстройство. По существу, 3-й армии давалась самая легкая задача, она не имела серьезных естественных преград перед собой и обладала достаточной ударной способностью.

Конный корпус, подойдя к Ломже, атаковал ее с севера 15-й кавдивизией и переправился на южный берег Нарева 10-й кавдивизией. Однако бои здесь привели к успеху не сразу, и лишь с помощью 12-й стрелковой дивизии удалось овладеть этой крепостцой 2 августа.

53-я дивизия 1 августа форсирует наконец Нарев в районе Стренковой Гуры, сбивая во фланг противника, сопротивляющегося перед 18-й дивизией.

18-я стрелковая дивизия форсирует Нарев в направлении Ежова и с упорным боем продвигается далее. Таким образом, на севере противник сбит по всему фронту 4-й армии и, обойденный, начинает отступление перед 15-й и 3-й армиями, которые по пятам преследуют его, досаждавая непрерывными арьергардными боями.

В 16-й армии дело сложилось не так благоприятно. Командование фронта, учитывая растяжку фронта этой армии, предлагало ей группировать свои главные силы к правому флангу, чтобы совместно с нашей основной фронтовой группировкой быстро сломить сопротивление про-

тивника. Но Брест-Литовская крепость привлекла к себе внимание 16-й армии и отвлекла на себя ее главные силы, хотя при наличном польском гарнизоне крепость нам не представляла никакой угрозы. Растянутые на громадном протяжении 27-я и 8-я стрелковые дивизии безрезультатно ведут бои по реке Западный Буг, не будучи в состоянии ее форсировать. Лишь только по занятии Брест-Литовска 16-я армия производит наконец указанную ей группировку и форсирует Западный Буг. Наступление снова начинает успешно развиваться. Мозырская группа, оказавшая поддержку 16-й армии в захвате Брест-Литовской крепости, точно так же форсирует Западный Буг и выполняет поставленную ей задачу.

Учитывая то, что 4-й и 15-й армиям придется вновь форсировать реку Нарев, а также принимая во внимание усилившееся сопротивление противника, разграничительные линии между 4-й и 15-й армиями от Замброва проводятся на город Остроленка, и, таким образом, вся 4-я армия беспрепятственно обходит реку Нарев.

Бои нашей главной фронтовой группировки на Нареве и Бобре затянулись в общей сложности с 28 июля по 1 августа. Это была первая наша серьезная задержка. Зато на участке 16-й армии дело обстояло гораздо хуже. В силу указанной выше разброски сил 16-я армия лишь 6 августа сумела форсировать Западный Буг.

Эта последняя задержка, основанная не на силе неприятельского сопротивления и не на трудности форсирования реки, а главным образом на недостатках в группировке сил, послужила причиной несколько различной оценки обстановки между командованием фронта и Главным командованием. В разговоре по прямому проводу от 8 августа мы видим мнение Главного командования, определяющее главные силы польских армий сосредоточенными по левому берегу Западного Буга и готовыми к принятию нового решительного сражения. Вследствие этого Главное командование находило более целесообразным прекратить густое наступление нашей Северной группировки на запад и обрушиться главной массой сил на левый фланг этой основной группировки противника, с тем чтобы еще до Вислы окончательно разгромить польскую армию.

По данным разведки Западного фронта, обстановка рисовалась совсем в другом виде. Главная группировка польских войск по-прежнему оставалась на направлении

нашего главного наступления. Соотношение сил видно из таблицы II.

Таким образом, естественной и единственно правильной задачей являлось стремление к разгрому основной северной группировки противника. И это было тем более естественно, что оно требовало менее всего сложных движений, менее всего потери времени и, главное, можно было с полной уверенностью уже чувствовать, что противник начал свое отступление за Вислу. Таким образом, снижение к югу нашего ударного тарана знаменовало бы собой удар по воздуху, потерю времени и вывод всей этой массы войск на самое труднопреодолимое варшавское направление. В силу этих соображений командование фронта оставило в силе данные армиям задачи и продолжало наступление.

Теперь, когда нам известно то, что происходило в то время на польской стороне, мы с полной достоверностью можем засвидетельствовать, что Западный фронт был прав в своих действиях. Еще 6 августа состоялся военный совет в Варшаве, на котором было решено оторваться от наших наседающих войск и, произведя за Вислой основную перегруппировку, перейти в контрнаступление. Конечно, вступить в решительное сражение до Вислы было бы для нас гораздо приятней, но противник отходил, и надо было готовиться к самому трудному, к самому тяжелому и к самому опасному действию — к сражению со всеми польскими силами, опирающимися на широкую, быструю и трудно переходимую Вислу.

Наши северные армии с боями среднего напряжения непрерывно продвигались вперед. 16-я армия и Мозырская группа легко, местами потеряв соприкосновение с противником, продолжали свое наступление.

Приказом от 3 августа армии ставилось задачей — к 8 августа достигнуть линии Прасныш, Маков, Вышков, Парчев.

Задача была выполнена.

XI. ОБСТАНОВКА НА ВИСЛЕ

Постоянные неудачи, непрерывное отступление окончательно сломили боеспособность польской армии. Это уже не были те войска, с которыми нам приходилось бороться в мае и в июле этого года. Полная деморализация, полное неверие в возможность успеха подрывали силы и командного состава, и солдатских масс. Отступали иногда без вся-

Соотношение сил на Нареве и Западном Буге

Белополяки				Наши войска		
Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли
2-я Лит.-Бел. див., 5-я див. (бригада), 9-я див. (бригада)	7300	1400	В общем	4-я армия 12, 18, 53, 54-я стр. див., 164-я стр. бр. и 3-й кон. корп.	9568	4861
10-я пех. див., 3-я рез. див., 17-я пех. див., 1-я рез. див., 8-я пех. див.	17 200	1550		14-я армия 4, 11, 16, 33-я стр. див.	12 729	465
1-я Лит.-Бел. див., 4-я див. (бригада), 6-я див. (бригада)	5100	900		3-я армия 5, 6, 21 и 56-я стр. див.	9205	914
Всего:	29 600	3850		Всего:	31 502	6240

Район севернее р. Зап. Буг

Белополяки				Наши войска		
Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли
15-я пех. див., 4-я див. (бригада), 2-я пех. див., 10-я пех. див., 14-я пех. див., 5 зап. батальонов	10 900	1000		16-я армия 2, 8, 10, 17 и 27-я стр. дивизии	10 584	244
1-я гор. див., 9-я пех. див. (бригада), группа Яворского, отр. Булак-Балаховича	4900	1000		Мозырская группа 57-я стр. див. и Сводный отряд	4193	—
Всего:	15 800	2000		Всего:	14 777	244

Район южнее р. Зап. Буг

Окончание табл. II

Белополяки				Наши войска		
Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли
	?	?	Прочие части обна- ружены быть не мог- ли, ввиду нахождения их в глубо- ком тылу			48-я стр. див. на латвийской границе
С польской стороны участвовало в боях	45 400	5850		С нашей стороны уча- ствовало в боях	46 279	6484 Без 48-й стр. див., в которой было 4262 шты- ка и 198 са- бель

Резерв.

кого повода. Весь тыл был забит дезертирами. Никакие репрессивные меры не могли восстановить порядка и провести дисциплину. К этому еще примешивались обостренные классовые взаимоотношения.

Мобилизацией всей польской буржуазии и интеллигенции рабочие центра были задавлены, но глухо волновались.

При поддержке французского генерального штаба и французского вооружения и снаряжения Польша при виде своего полного поражения принялась лихорадочно за воссоздание своей боевой силы. В это время польская армия еще не достигла своей окончательной структуры, но зато теперь формирование шло полным ходом. Второочередные дивизии с номеров полков от 101-го и выше одна за другой появлялись на нашем фронте. Наконец были обнаружены третьеочередные, так называемые добровольческие формирования. Эти формирования, несмотря на свою молодость и необученность, были достаточно боеспособны, ибо комплектовались в значительной мере буржуазными и интеллигентскими элементами, которые, понимая, что судьба их ставится на карту, проявили большую решительность и упорство. Словом, в тылу, за Вислой, шла усиленная подготовка новых сил, мобилизация и формирование. Все спешно сколачивалось и подтягивалось на главнейшие направления. Перед Варшавой возводились усиленные укрепления. Был создан очень сильный плацдарм от Новогеоргиевска на Варшаву и несколько южнее. К этому направлению подтягивались силы со всех сторон. Если во время наших боев на Немане и Щаре соотношение наших сил было еще в нашу пользу, то теперь положение наших сил резко изменилось. Западный фронт насчитывал в своих рядах едва лишь 40 000 штыков. Зато польские силы возросли до 70 000 с лишком, по нашим разведывательным данным того времени, а на самом деле они были еще больше.

Понимая всю безвыходность положения, польское командование, по-видимому не без участия французского генерального штаба, 6 августа принимает правильные, смелые решения об отрыве своих войск от наших наседающих частей и о коренной перегруппировке сил на всем польском фронте. Видя, что судьба Польши должна решаться на Висле, польское командование подтягивает сюда все свои силы. С львовского направления снимаются почти все польские части. Оставляются только украинские партизанские части армии ген. Павленко и остатки 6-й армии (согласно польским источникам, в составе лишь одной кавалерийской дивизии). Однако надо полагать, что хоть кое-что от пе-

хотных дивизий здесь да осталось. Задачей всей этой слабой группе ставилось — прикрытие нефтяного района. Все прочие польские силы перебрасываются по железным дорогам на северное направление. Польское командование рискует потерять Галицию, но надеется выиграть генеральное сражение и тем спасти буржуазную Польшу. И потому вся польская армия сосредоточивается на Висле.

С нашей стороны обстановка складывалась в следующем виде. Войска Западного фронта были истощены и ослаблены, но зато они были сильны духом и не боялись противника. Вдвое-втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления. Такова была инерция удара, инерция победы. Но если оценить наше общестратегическое положение, то дело рисовалось далеко не в розовом свете. Еще до начала польской кампании поднимался вопрос о том, чтобы объединить Западный и Юго-Западный фронты под общим командованием Западного фронта. Но тогда Главное командование считало такое объединение преждевременным и намечало его осуществление при нашем выходе на меридиан Брест-Литовска. Действительно, болотистое Полесье не позволяло непосредственного взаимодействия Западного фронта и Юго-Западного, поэтому такое решение было вполне допустимо. Но когда, по выходе нами на указанную линию, мы попробовали осуществить объединение, то оказалось, что оно почти невыполнимо в силу полного отсутствия средств связи. Западный фронт не мог установить связь с Юго-Западным. Мы, при тех несчастных средствах, которые имелись в нашем распоряжении, могли эту задачу выполнить нескоро, не ранее 13—14 августа, а обстановка уже с конца июля настойчиво требовала немедленного объединения всех этих войск под общим командованием. Мы находим в разговорах с Главнокомандующим по прямому проводу и в телеграммах непрерывное обсуждение этого вопроса и тех мер, которые предпринимались для его решения.

Рассчитывая со дня на день получить в свое подчинение 12-ю и 1-ю Конную армии, командование Западного фронта уже заранее определяло им подтягивания к левому флангу основных армий фронта, но дело затягивалось и эта задача осталась висеть в воздухе.

Силы Юго-Западного фронта не были во взаимодействии с основными силами Западного фронта. Особенно резко подчеркивалось это тем обстоятельством, что перед Юго-Западным фронтом вставала его местная и, сама по себе, чрезвычайно важная задача овладения центром Га-

лийской области — городом Львовом. Сюда-то и направлялись основные усилия Юго-Западного фронта, расходясь, таким образом, с усилиями Западного фронта не менее как на девяносто градусов.

Обстановка сложилась крайне неблагоприятно для Западного фронта. Выходя на подступы к Висле, он был предоставлен своим собственным силам, в то время как против него были сосредоточены силы всей польской армии. Это последнее обстоятельство было выяснено нами уже к началу наших боев на Висле. Разведка полевого штаба оспаривала наши указания на производившуюся польскую перегруппировку, считая, что все силы, бывшие на Юго-Западном фронте, остаются против него. По этому вопросу мы имели спор в разговоре по прямому проводу.

Во всем этом деле мешалось еще и то обстоятельство, что Юго-Западный фронт «смотрел» по двум направлениям — на Львов и на Крым, откуда в это время активно действовал Врангель. Непрерывные успехи Западного фронта вселили большую уверенность в нашем конечном успехе. Намечалось снятие целого ряда дивизий с Западного и Юго-Западного фронтов для переброски на крымское направление. Приходилось отстаивать неприкосновенность частей.

В общем, стратегическое положение можно оценить следующими словами: поляки совершали смелую правильную перегруппировку — рискнули галицийским направлением и сосредоточили все свои силы против решающего Западного фронта ко времени решающего столкновения. Наши силы к этому решающему моменту оказались раздробленными и «глядящими» по разным направлениям. Те усилия, которые были предприняты Главным командованием для перегруппировки основной массы Юго-Западного фронта на люблинское направление, к сожалению, в силу целого ряда неожиданных причин успехом не увенчались, и перегруппировка повисла в воздухе.

Французские и польские писатели любят сравнивать сражение на Висле с операцией на Марне. Однако на самом деле сходства в них нет никакого.

Напрашивается другое сравнение — с операцией в Восточной Пруссии в 1914 году. Там Ренненкампф задался целью взять Кенигсберг и двинул на север-запад всю свою армию, в то время как Гинденбург отходил на юго-восток, во фланг армии Самсонова. Это позволило ему сосредоточить безнаказанно все свои силы против половины русских войск, рассчитывавшей на взаимодействие соседа.

ХІІ. РЕШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Тем временем наше наступление развивалось безостановочно. Становилось очевидным, что не приходится думать о колебаниях, передышках, остановках, что настал момент, когда надобно завершать одним последним ударом далеко зашедшие вперед события. Неоднократно в этом направлении даются указания, и 12 августа они вновь подтверждаются директивой Главкома о необходимости возможно скорее занять Варшаву. Приказ тов. Троцкого носит тот же характер.

Для Западного фронта было совершенно очевидно, что главные силы противника сосредоточены против нашей основной группировки в районе Цеханов, Новогеоргиевск, Варшава. По нашим подсчетам, возросший в числе противник имел в этом направлении до 70 000 штыков и сабель. На прочих направлениях были гораздо меньшие силы. Лишь только Мозырская группа встречала на своем пути более упорное сопротивление белополяков.

Левый фланг, т. е. группировка Юго-Западного фронта, все время беспокоил Западный фронт. Ожидая с минуты на минуту передачи конной армии Западному фронту и установления с ней связи, проектировалось создать более сильное сосредоточение на люблинском направлении, сконцентрировав на нем главные силы 12-й и 1-й Конной армий. Как уже говорилось выше, обстановка создалась такая, когда необходимо было быстро и решительно действовать. Вместе с тем силы Западного фронта не превышали 40 000 штыков и сабель. Таким образом, пришлось атаковать противника вдвое сильнеешего и притом опирающегося на столь мощную преграду, как Висла. Было очевидно, что только на основе частной победы — на основе первоначального разгрома одного из участков польского фронта можно было выиграть решающее сражение.

При направлении главного удара приходилось думать не только о тактических удобствах сражения, но и об основных жизненных магистралях противника. Нанесение удара в центр, в варшавском направлении, было для нас непосильной задачей. Оставался разгром одного из флангов — правого или левого. Выходя на левый фланг противника, мы тем самым угрожали его сообщениям с Данцигом. Учитывая, что революционное движение в Германии прекращает нормальный подвоз из Франции снаряжения и вооружения для польской армии, что главной артерией является данцигская коммуникация, это движение выводило

нас не только во фланг основной польской группировке, но и угрожало основной линии польской коммуникации. Дальнейшим преимуществом этого направления являлось то, что наши войска для совершения этого удара не должны были делать никаких существенных перегруппировок, чем выгадывалось время и сверх того не приходилось менять своей основной коммуникации. Эта последняя направлялась у нас от Вильны и Лиды к юго-западу.

Невыгодой этого направления было то, что обходящие части становились несколько тылом к границе с Восточной Пруссией и, таким образом, оперативная свобода их, в случае неудачной операции, значительно уменьшалась и даже подвергалась угрозе.

Атака правого фланга основной польской группировки, по существу, ставила армии Западного фронта перед задачей прорыва всего польского стратегического фронта, что кроме основных трудностей самих по себе при превосходстве в силах противника усложнялось еще необходимостью форсировать в этом же месте Вислу. Кроме того, это наступление требовало довольно сложных перегруппировок наших сил и неизбежную перемену коммуникации на Клецели и Брест. Было очевидно, что противник, значительно усилившийся, не позволит нам безнаказанно произвести такую манипуляцию. Наступление двумя группами для нас являлось совершенно невозможным ввиду нашей численной слабости. Итак, оставалось решиться на атаку польского левого фланга, выставив заслон на ивангородском направлении и рассчитывая на подтяжку в период выполнения операции сил Юго-Западного фронта на люблинское направление.

8 августа командованием фронта отдается приказ об атаке польских сил и форсировании Вислы, каковое назначается на 14 августа. Главный удар намечается в районе севернее Варшавы. 4-я армия выставляет некоторый заслон в торнском направлении, а главными силами форсирует Вислу в районе Плоцка; 15-я армия форсирует ее в ловичском направлении; 3-я армия форсирует Вислу в районе Вышгород, Новогеоргиевск; 16-я армия, выставя заслон в гарволинском направлении, главными силами форсирует Вислу севернее Варшавы. Мозырская группа продолжает наступление для форсирования Вислы в районе Ивангорода. Она усилена по просьбе Западного фронта 58-й стрелковой дивизией из состава 12-й армии Юго-Западного фронта. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями — Маков, Ойржен, Плоцк, Пионтек;

между 15-й и 3-й армиями — Брок, Нассельск, Вышгород, Сохачев; между 3-й и 16-й армиями — Медзна, Новогеоргиевск, Блоне; между 16-й армией и Мозырской группой — Брест-Литовск, устье реки Вепрж. Между Западным и Юго-Западным фронтами Главнокомандующим назначена линия Влодава, Новая Александрия.

Таким образом, против правого фланга польской основной группировки мы направили не менее четырнадцати наших стрелковых дивизий и 3-й конный корпус. Учитывая моральное превосходство наших войск, мы имели полное право рассчитывать здесь на победу.

Обращает на себя внимание очень глубокий обход наших армий. Однако таковой имел под собой твердую почву. Если бы противник встретил нас контрнаступлением на правом берегу Вислы, то наша группировка оставалась бы очень плотной и охватывающей. Если же белополяки не были бы в состоянии вступить с нами в открытый бой и отошли бы за Вислу, то для удобства форсирования этой чрезвычайно трудной переправы необходимо было совершать ее на широком фронте. К этому особенно вынуждало отсутствие у нас понтонных средств.

6 августа, на два дня раньше этого решения, поляки принимают в своей главной квартире следующий план действий.

На люблинском направлении оставляются только украинские партизанские части и польская конная группа в полторы дивизии. Все остальные силы перебрасываются на Вислу и распределяются по пяти армиям.

Против нашего правого фланга сосредоточивается 5-я армия, в составе трех пехотных дивизий, пехотной бригады и большого числа пограничных частей и разных новых формирований, общей численностью в 29 000 штыков и сабель. Район действий — Новогеоргиевск, Маков. Задачей ей ставится: недопущение дальнейшего наступления большевиков за Буг и Нарев.

1-я армия, в составе четырех пехотных дивизий, одной пехотной бригады и большого числа добровольческих и различных случайных формирований, сосредоточивается на варшавском предместном укреплении и насчитывает в своем составе до 40 000 штыков и сабель.

2-я армия, в составе двух пехотных дивизий и различного рода мелких частей, обороняет участок Вислы к югу от Варшавы до Ивангорода и насчитывает в своем составе 16 000 штыков.

4-я армия, в составе трех пехотных дивизий, сосредоточивается в районе юго-западнее реки Вепрж с целью на-

несения удара во фланг нашим наступающим главным силам. Сосредоточение 4-й армии прикрывает 3-я армия, составленная из трех пехотных дивизий и одной кавбригады, действующих на люблинском направлении. Численность этих двух армий простиралась до 22 000 штыков.

Оценивая эту группировку белополяков, надо признать ее полную целесообразность в условиях сложившейся обстановки. Однако думается, что, несмотря на то что она результатом своим дала полную победу, все-таки на решающем направлении (люблинском) было сосредоточено недостаточно сил, и в случае отсутствия ошибок с нашей стороны в сосредоточении люблинского заслона эта группировка не только не могла бы проявить себя активным образом, но даже была бы раздавлена.

Итак, на участке наших 4, 15 и 3-й армий, имевших в своем составе двенадцать пехотных и две кавдивизии, поляки могли выставить всего только три с половиной пехотных дивизий, правда полного состава, плюс разношерстные мелкие части. Мы имели полную возможность нанести здесь противнику сокрушительный удар и оголить его левый фланг и коммуникацию. 16-я армия атаковывала с фронта самую мощную польскую группировку и должна была связать ее в продолжение развития всей операции. Зато наш левый фланг был в невыгодном соотношении сил. Против двух дивизий Мозырской группы и трех дивизий 12-й армии, действовавших на люблинском направлении, поляки выставили шесть пехотных дивизий, доведенных до полной численности, и, таким образом, имели здесь перевес. Если бы только мы сосредоточили своевременно на люблинском направлении части конной армии, то и здесь наша группировка была бы угрожающей для белополяков и они не могли бы помышлять не только о наступлении из района Ивангород, Люблин, но были бы сами поставлены в очень тяжелое положение и неминуемо были бы отброшены на западный берег Вислы. Это обстоятельство с полной убедительностью доказывает, что мы могли и должны были решиться на наше наступление за Вислу и что это наступление имело полное основание на успех, если бы с нашей стороны не имел место недочет в стратегическом сосредоточении.

5-я польская армия не в состоянии выполнить своей задачи. Она сбита решительным наступлением наших северных армий и принуждена отступать на западный берег реки Вкра. 16-я армия завязывает бои на варшавском направлении.

В это время на стыке 4-й и 15-й армий имеет место инцидент, незначительный по существу, но сыгравший решающую роль в ходе всей нашей операции и положивший начало ее катастрофическому исходу.

Полевой штаб 4-й армии, перешедший при наступлении в город Цеханов, был неожиданно атакован прорвавшимися между 4-й и 15-й армиями мелкими частями противника и должен был поспешно сняться и уехать на запад, к своим частям. Таким актом нарушалась связь между штабом фронта и 4-й армией, которая больше не восстанавливалась вплоть до начала нашего отступления, что, конечно, произошло благодаря полному отсутствию в нашем распоряжении каких бы то ни было средств стратегической связи.

Сам тактический инцидент был очень скоро ликвидирован. 15-я армия посылает на стык свою резервную дивизию, быстро восстанавливает положение, и наше наступление продолжается. Однако, как показал дальнейший ход событий, это происшествие не было простой случайностью. 5-я польская армия, оттесненная за реку Вкра, получила приказ о переходе в наступление и начала его по всему фронту 15-й и 3-й армий.

Уже пять недель продолжалось наше безостановочное наступление, пять недель стремились мы найти живую силу врага, для того чтобы в решительном ударе окончательно уничтожить его живую силу. Пять недель белопояски неизменно уклонялись от решительного столкновения в силу расстройств своей армии, и лишь только на Висле, подкрепленные новыми формированиями, рискнули они на это дело. Заранее мы не знали, где встретим главное сопротивление противника — на Висле или за Вислой. Но мы знали одно — где-нибудь мы его главные силы найдем и разгромим в решительном столкновении. И вот теперь противник сам давал нам возможность осуществить эту задачу. 5-я польская армия, слабейшая по числу единиц и слабейшая духом, перешла в наступление против наших 15-й и 3-й армий, когда над ее оголенным левым флангом нависли самые свежие, самые боеспособные наши части 4-й армии. Радость этого события для фронтового командования была чрезвычайно велика, и оно отдало приказ 15-й и 3-й армиям на всем фронте встретить наступление противника решительным контрударом и отбросить его за реку Вкра; 4-й армии, оставив заслон в торнском направлении, всеми своими силами атаковать перешедшего в наступление противника во фланг и тыл в новогоргиевском направлении из района Рационж, Дробин.

Казалось, гибель 5-й армии противника была неминуемой, уничтожение ее повлекло бы самые решительные последствия в дальнейшем ходе всех наших операций. Однако полякам повезло. Наша 4-я армия, где новый командарм потерял связь со штабом фронта, не отдавала себе ясного отчета в складывавшейся обстановке. Не получая приказов фронта, она выставила в районе Рационж, Дробин какой-то бесформенный полужаслон и разбросала свои главные силы на участке Влоцлавск, Плоцк. 5-я армия противника оказалась спасенной и совершенно безнаказанно, имея на фланге и в тылу у себя нашу мощную армию из четырех стрелковых и двух кавдивизий, продолжала наступление против наших 3-й и 15-й армий. Такое положение, чудовищное по своей несообразности, помогло полякам не только остановить наступление 3-й и 15-й армий, но и начать шаг за шагом оттеснять их части в восточном направлении.

16-я армия тем временем решительным ударом потеснила польские части и совсем было подошла к переправам на Висле, но контрудар последних заставил ее осадить назад. Она снова переходит в наступление, и здесь завязываются бои с переменным успехом, без решительных результатов.

На левом фланге 16-я армия без боя выходит на линию реки Висла; правый фланг Мозырской группы точно так же, без затруднения, достигает ее. Зато на парчевском направлении она завязывает безрезультатные бои.

13 августа в подчинение командзапа передается наконец 12-армия.

Главное командование, учитывая необходимость консолидации левого фланга Западного фронта, 11 августа в 3 часа отдает Юго-Западному фронту директиву о необходимости изменить группировку сил Юго-Западного фронта и в самом срочном порядке двинуть конную армию в направлении Замостье, Грубешов. Расчет времени и пространства показывает, что эта директива Главного командования могла быть, безусловно, выполнена до перехода южной польской группировки в наступление. Если бы выполнение несколько и запоздало, то польские части, перешедшие в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного разгрома, получив по тылам удар нашей победоносной конной армии.

Однако в силу сложившейся в Галиции обстановки, где проводившиеся последовательные группировки были до сего времени направлены на Львов, выполнение этой ди-

рективы задержалось. 12 августа Главнокомандующий в разговоре по проводу указывает на полную непонятность для него отсрочки в выполнении его директивы, и им дается подтверждение этого указания. Когда было приступлено к его выполнению, то время было уже в значительной мере потеряно. Но хуже всего было то, что наша победоносная конная армия вязалась за эти дни в ожесточенные бои за обладание Львовом, где бесплодно потеряла время и силы на укрепленных его позициях в борьбе против пехоты, конницы и мощных воздушных эскадрилий. Эти бои засосали конную армию, и она приступила к выполнению перегруппировки с таким запозданием, что ничего полезного на люблинском направлении сделать уже не могла.

Между тем 12-й армией был перехвачен приказ по 3-й польской армии, из которого было ясно, что поляки готовятся к переходу в наступление против нашего левого фланга из района реки Вепрж. Между прочим, этот приказ вызвал большое сомнение в полевом штабе, что и высказано в разговоре по проводу и указано, что, по данным разведки, все названные нами части к нам не переброшены, а продолжают действовать на Юго-Западном фронте. К сожалению, приказ был верен.

16-я армия продолжала свои безуспешные атаки севернее Варшавы. Обстановка слагалась так, что необходимо было усилить наш левый фланг и вместе с тем дать возможность 16-й армии проявить себя на менее укрепленных направлениях. В связи с этим 14 августа командованием фронта отдается приказ о том, чтобы 16-я армия искала переправы южнее Варшавы и чтобы одну стрелковую дивизию она выделила в резерв фронта в район города Луков, к выполнению чего и было приступлено.

ХIII. ПОЛЬСКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Когда эти перегруппировки осуществлялись, польская армия перешла в наступление. Части Мозырской группы были легко разбиты и рассеяны и начали беспорядочное отступление. 16-я армия стала попадать под фланговые удары, что усугублялось еще производившейся перегруппировкой и тем, что связь дивизий с командованием армии была нарушена в силу слишком далекого расстояния полештарма от боевой линии. Такая обстановка явилась для нас чрезвычайно грозной, особенно в связи с тем, что конная армия упорно продолжала свои действия в львовском направлении вместо люблинского.

К сожалению, о польском наступлении командование фронта узнало всего только 18 августа из разговора по прямому проводу с командармом-16. Последний об этом узнал только 17-го. Мозырская группа совсем ничего не донесла о происшедшем.

Командарм-16 в своем разговоре по проводу, докладывая о сложившейся обстановке, высказал свое мнение о необходимости отойти для того, чтобы укрепиться, но считал наступление белополяков не серьезным и предвидел возможность ликвидировать его. Однако сопоставление разведывательных данных о противнике с тем наступлением, которое началось из-за реки Вепрж, заставляло взглянуть на это обстоятельство другими глазами, и командование фронта немедленно дает приказ о резком изменении задачи армиям фронта.

На нашем левом фланге обстановка слагалась угрожающе. На нашем правом фланге вследствие непонятности действий 4-й армии не было никакой возможности быстро покончить с наступавшим противником. Наоборот, 4-я армия, прорвавшись к Влоцлавску, попадала заранее в очень тяжелое положение.

Приказ отдается следующего содержания: 4-й армии в своем полном составе, оказывая по пути поддержку 15-й армии, к 20 августа во что бы то ни стало сосредоточиться в районе Цеханов, Прасныш, Маков. Телеграммой начштабфронта 4-й армии указывалось, что если содействие 15-й армии будет ее задерживать в движении, то его надлежит избегать, имея основной целью сосредоточение в назначенный срок в указанном выше районе. 15-й и 3-й ставилось задачей сдерживание противника и обеспечение сосредоточения в резерве 4-й армии; 16-й армии — отступление на реку Ливец; Мозырской группе — обеспечение левого фланга 16-й армии. 12-й армии приказано перейти в наступление для сковывания противника, наступающего из-за реки Вепрж. 21-ю дивизию 3-й армии и одну дивизию 16-й армии приказано было форсированным маршем направить в резерв фронта в район Дрогичин, Янов.

Было очевидно, что, упустив время и возможность нанесения противнику поражения, мы сами попали в тяжелое положение и принуждены были отступить. Зная характер боев и операций при наших прерывчатых, разреженных фронтах, для командования фронта не являлось секретом, что мы не удержимся и что отступление будет продолжаться, вероятно, до линии Гродно, Брест. Здесь мы имели возможность влить те 60 000 пополнения, которые уже двига-

лись в эшелонах и шли походным порядком в запасные батальоны наших армий. Здесь мы могли оправиться, устроиться и перейти в дальнейшее наступление. Но основным условием для этого являлся безболезненный вывод наших армий из сложившейся обстановки. Оторванность 4-й армии вселила в этом отношении некоторое беспокойство, и ей были поставлены жесткие сроки отхода.

Однако наши несчастья на этом не кончились. Отсутствие средств связи и бестолковые путешествия 4-й армии по данцигскому коридору, по-видимому, не позволили получить командарму-4 отданного приказа вовремя. В довершение всех несчастий командарм-4, оторванный от штаба фронта и от соседних армий и не представлявший в силу этого общей обстановки на фронте, считал ее вполне благоприятной и отступление находил совершенно несвоевременным. 19-го числа, случайно поймав командзапа по проводу, он изложил ему эти свои соображения, но получил категорическое подтверждение ранее отданного приказа. Само собой разумеется, что времени 4-й армией было потеряно столько, что своевременно она ни в коем случае не могла выполнить поставленной ей задачи. А это обстоятельство, в связи с тем что расстройство Мозырской группы и 16-й армии достигло крайних пределов и что противник, научившийся у нас смелости, наступал здесь с бешеной быстротой, заранее обрекало 4-ю армию почти на верную гибель. Надежда могла еще быть только на то, что противник для устройства своих тылов хоть на время задержится или замедлит темп своего наступления. Но этого он не сделал. К 20 августа, отбрасывая в беспорядке части 16-й армии и расчлененно сбивая во фланг части 3-й и 15-й армий, противник занимает линию Прасныш, Маков, Остров, Бельск, Брест.

Тем временем 4-я армия еще только двигается к Праснышу и находится в районе Цеханова. 22 августа противник выходит на линию Остроленка, Ломжа, Белосток. 4-я армия еще только приближается к первому пункту. Части 15-й и 3-й армий напрягают все свои силы, чтобы сдержать наступление противника и позволить 4-й армии пройти в узком коридоре между Наревом и восточнопрусской границей. Но эта задача остается невыполнимой. 3-я и 15-я армии в неравных боях в самом невыгодном для себя положении теряют значительную долю своих сил и 4-й армии спасти уже не в состоянии. Большую часть ее противник прижимает к восточнопрусской границе и заставляет перейти на германскую территорию.

Так кончается эта блестящая наша операция, которая заставляла дрожать весь европейский капитал и которая своим финалом позволила ему наконец свободно вздохнуть.

Поляки, выпалив в свою контроперацию весь остаток своей энергии, выдохлись и не могли развить достигнутых ими успехов. Наши части в самом жалком виде подтягивались на линию Гродно, Волковыск и отсюда распределялись по своим армиям. Снова закипела работа. Пополнения были влиты в оставшиеся кадры, и через каких-нибудь две-три недели силы фронта были снова восстановлены. Однако восстановление это было условное. Прибывшее пополнение было не обмундировано, не обуто, а на дворе стояла осень.

О наступлении можно было говорить только по получении обмундирования. А без наступления нельзя было говорить о боеспособности войск. Если бы противник перешел в наступление ранее нас, то никакого не могло бы оставаться сомнения в том, что мы были разбиты. Все же войска были настроены твердо. Проигранная операция толкала их на желание нового наступления. Мы имели все шансы на то, чтобы снова повернуть счастье в свою сторону. Вопрос был только в том, кто раньше подготовится и кто раньше перейдет в наступление. К сожалению, хозяйственное положение Республики не позволило нам осуществить нашей задачи. Поляки перешли в наступление первые, и наше отступление стало неизбежным.

Конная армия, прибывшая на люблинское направление с большим запозданием, была двинута Главным командованием в глубокий рейд на Замостье, но это уже было поздно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной вывод из нашей кампании 20 года необходимо сделать тот, что ее проиграла не политика, а стратегия. Политика поставила Красной Армии трудную, рискованную и смелую задачу. Но разве может это означать неправильность?! Не было ни одного великого дела, которое не было бы смелым и не было решительным. И если сравнивать Октябрьскую революцию с нашим внешним социалистическим наступлением, то, конечно, октябрьская задача была гораздо смелее, гораздо головоломнее. Красный фронт имел возможность выполнить поставленную ему задачу, но он ее не выполнил. Основными причинами гибели

операции можно признать недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки управления войсками. Технические средства имелись в недостаточном количестве в значительной степени потому, что им не было уделено должного внимания. Далее, неподготовленность некоторых наших высших начальников делала невозможным исправление на местах недостатков технического управления. Расхождение ко времени решительного столкновения почти под прямым углом главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предрешило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу. Несуразные действия 4-й армии вырвали из наших рук победу и, в конечном счете, повлекли за собой нашу катастрофу.

Рабочий класс Западной Европы от одного наступления нашей Красной Армии пришел в революционное движение. Никакие национальные лозунги, которые бросала польская буржуазия, не могли замазать сущности разыгравшейся классовой войны. Это сознание охватило и пролетариат, и буржуазию Европы, и революционное потрясение ее началось. Нет никакого сомнения в том, что если бы только мы вырвали из рук польской буржуазии ее буржуазную шляхетскую армию, то революция рабочего класса в Польше стала бы совершившимся фактом. А этот пожар не остался бы ограниченным польскими рамками. Он разнесся бы бурным потоком по всей Западной Европе. Этот опыт революции извне Красная Армия не забудет. И если когда-либо европейская буржуазия вызовет нас на новую схватку, то Красная Армия сумеет ее разгромить и революцию в Европе поддержит и распространит.

Ю. П И Л С У Д С К И Й

1920 год

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию русского читателя книга Юзефа Пилсудского, бывшего главнокомандующего польской армией во время нашей войны с белополяками в 1920 году, не является ни историей, ни даже воспоминаниями наподобие, скажем, воспоминаний Людендорфа, Гинденбурга и др. Книга эта носит чисто полемический характер. Она написана по поводу брошюры тов. Тухачевского «Поход за Вислу». «...Мною же, — пишет Пилсудский в своем предисловии, — было получено приглашение от польских издателей этой книжки дать для польского общества свою оценку этого небольшого произведения и *противопоставить мыслям и оценке обстановки в каждом отдельном случае, высказанным командующим одной из борющихся сторон, мысли и такую же оценку командующего с нашей стороны*»¹.

Этим обстоятельством фактически определяется как содержание книги Пилсудского, так и метод ее изложения. На всем своем протяжении от начала до конца все изложение носит исключительно полемический характер. Автор старается доказать, что тов. Тухачевский не только как командующий фронтом во время войны с Польшей допустил целый ряд крупных ошибок, но что он эти ошибки повторил и в своих лекциях, читанных в военной академии об этой войне, что он в своем изложении или слишком пристрастен к своим действиям, или неверно освещает факты, или строит неверную теорию там, где на основании опыта этой войны пытается делать кое-какие обобщения. Идя по этому очень неблагоприятному пути, Пилсудский слишком часто переводит вопрос на личную почву и кидает по адресу тов. Тухачевского разные эпитеты, которые не делают чести самому Пилсудскому. Впрочем, в оценке личности тов. Тухачевского Пилсудский очень колеблется. То он называет тов. Тухачевского человеком с «абстрактным мышлением», «доктринером», то указывает что тот является командующим с сильной волей, большой энергией, умением заразить своих подчиненных и этой

¹ Курсив везде наш. — В. Т.

энергией и настойчивостью, является командующим с признаками крупного полководца, способного на смелые планы и их энергичное выполнение. Наш советский читатель может легко определить, чем вызывается то неприязненное отношение польского главнокомандующего к «советскому генералу», которое местами пропитывает весь труд Пилсудского. Большого внимания заслуживает вопрос, насколько можно книгой Пилсудского пользоваться как историческим материалом.

Сам Пилсудский неоднократно пытается показать, что, не в пример «абстрактно мыслящему» Тухачевскому, он дает анализ событий, он пишет историю, а не агитационную брошюру. По существу же, Пилсудский нигде не дает ни анализа обстановки, ни исторического освещения фактов. Анализа боевых действий у Пилсудского фактически мы нигде не находим. Он нигде не считает себя обязанным остановиться детально на *научном рассмотрении* той обстановки, в которой эти боевые действия протекали. Даже в подсчете сил, участвовавших в этой кампании, Пилсудский допускает большую небрежность: так, например, для него безразлично и не играет особенной роли, участвовало ли со стороны поляков в Варшавском сражении 120 тысяч или 180 тысяч человек.

Читатель сам видит, что между этими двумя цифрами «дистанция огромного размера», что нельзя так легко отделяться от тяжелой обязанности историка добросовестно анализировать исторические явления и ограничиваться красивыми фразами.

Во многих местах Пилсудский ударяется в гадания и рассуждения о том, что было бы, если бы поступили не так, а иначе, и так как он не освещает как следует конкретной обстановки данного случая, то рассуждения его теряют всякую убедительность и становятся гаданием на кофейной гуще. Даже там, где Пилсудский пишет о вопросах, к которым он относится с особой любовью — например, о Варшавском сражении, — он не в состоянии оторваться от фельетонного рассказа и стать на почву научного рассмотрения вопроса. Поэтому вся книга его полна многими лирическими отступлениями, рассуждениями на темы, не относящиеся к существу вопроса, но такими, которые могли бы выпятить фигуру этого злополучного маршала на передний план, рассуждениями, которые могли бы показать польскому читателю, что «спасителем родины» в такую критическую минуту явился он, маршал Пилсудский, который в настоящее время из-за

разных политических интриг оказался не у дел и вынужден заниматься историей.

Еще слабее оказывается Пилсудский там, где он старается касаться политических вопросов. Здесь он совсем не далеко уходит от обыкновенного обывателя, который не способен видеть классового характера современного государства, и отделяется по этому поводу шуточками, стремясь доказать, что Польское государство — это что-то особенное, на другие государства не похожее, что в нем могут волк и ягненок жить рядом и не чувствовать вражды друг к другу. Между тем сам Пилсудский в нескольких местах своего труда указывает на то, что под влиянием наших успехов в Польше за внешним фронтом уже создавался «фронт внутренний», т. е. осуществлялось как раз то, к чему стремилась летом 1920 года Красная Армия. Пилсудский в своей книге называет себя социалистом, он пишет о том, что социальными вопросами интересовался еще тогда, когда у его оппонента, советского генерала Тухачевского, молоко на губах не обсохло. Несмотря на столь давнее увлечение Пилсудского социальными вопросами, он в них разбирается очень слабо. Он не видит разницы между царской Россией и Россией Советской, он не видит разницы между взаимоотношениями Польши и Советской России в 1920 году и отношением царской России к Польше до революции. Для него Россия является «казацкой» и в 1920 году. Он не видит, что после Октябрьской революции роли переменились, что после нее Россия стала играть *прогрессивную роль в истории*, а Польша, которая когда-то была прогрессивной силой, стала теперь консервативной, что она уже смотрела не вперед, а назад. Этого существа вопроса «социалист» Пилсудский, конечно, не в состоянии увидеть.

Книга Пилсудского встречена даже в самой Польше не особенно дружелюбно. По поводу нее есть отзывы, показывающие, что даже польская общественность не склонна видеть исторические явления в том освещении, в котором их дает бывший глава Польского государства. Польские авторы не согласны с Пилсудским ни относительно той роли, которую он себе приписывает, ни относительно той оценки, которую он дает двум фактам: пребыванию французской миссии в Польше в 1920 году и той волне добровольного вступления польской молодежи в ряды армии, которую мы наблюдали в период, когда пушки загрохотали непосредственно на подступах к Варшаве. Польские авторы считают, что перелом в настроении об-

щественного мнения произвел именно факт присутствия генерала Вейгана, этого соратника маршала Фоша, в те тревожные дни в Варшаве, что перелом в настроении армии произвела именно эта волна добровольцев, хлынувших в ее ряды в августе 1920 года.

Не особенно лестно отзываються польские авторы и о самом труде бывшего своего главнокомандующего. В их оценке труд Пилсудского «1920 год» недалеко ушел от тех трудов, о которых сам Пилсудский в конце своего предисловия пишет, что «некоторые наши исторические издания — увы! — стоят настолько низко, что не могут явиться ни хорошим источником, ни выдержать сравнения с работой в этой области наших бывших противников, а часто, чересчур часто, создают впечатление работы школьника, который, зная, что провалился, кичливостью и притворным весельем старается обмануть сурового учителя — историю».

Несмотря на то что Пилсудский очень часто в своем труде отзывается о Красной Армии с пренебрежением, все же он вынужден местами останавливаться и на положительных сторонах ее работы. Так, мы из этой книги узнаем о том, что и наша конница заставила поляков проникнуться должным уважением к себе. Первоначально Пилсудский относился к нашей конной армии с пренебрежением. «Мне казалось, — говорит он, — просто невозможно, чтобы мало-мальски хорошо вооруженная пехота с приданными ей пулеметами не смогла справиться с кавалерией при помощи своего огня... Я просто пренебрегал этим новым противником». Только под конец июня Пилсудскому стало ясно, что ему не удастся добиться быстрого успокоения на южном фронте и что поэтому его проект, основанный на игнорировании ценности конницы, должен быть изменен; в другом месте он пишет, что 4 июля «пришел к убеждению, что должен изменить свою точку зрения на стратегическое положение, которое создали успехи конницы Буденного на юге». Оказывается, что под влиянием успехов этой конницы, по словам Пилсудского, *«начинала разваливаться государственная работа, вспыхивала паника в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, начинал организовываться наиболее опасный для меня (Пилсудского. — В. Т.) фронт — внутренний»*.

Довольно ярко у Пилсудского освещены и результаты нашего марш-маневра от Двины и Березины к Висле. Он совершенно открыто сознается, что как самый этот марш,

так и его организация достойны восхищения. Этот марш даже на очень испытанных генералов «производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, в котором каждый день является какое-то новое положение, с новыми названиями географических пунктов, перемешанными с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства. *Под влиянием этого марша колебались характеры, размякали сердца солдат, создавался за внешним фронтом фронт внутренний*».

Таким образом, несмотря на то что Пилсудский старается на всем протяжении своего труда показать, что в Польше не было никаких предпосылок социальной революции, что наша война с поляками являлась войной чисто национальной, мы видим, что сам он вынужден во многих местах, сам того не сознавая, открывать нам ту истину, что победы Красной Армии несколько раз приводили к возможности создания внутри Польши второго фронта, «фронта внутреннего», т. е. к революции. К сожалению, Пилсудский не хочет понять, что Красная Армия как раз к этому и шла, что для этого она и наступала в глубь Польши, и если, несмотря на ее героизм, все же окончательной цели не достигла, то на это есть другие причины, лежащие за пределами намерений ее вождей. Эти причины и должен вскрывать серьезный исторический труд.

Интересно и то обстоятельство, что вопреки распространенным у нас мнениям о нашем тыле в период Варшавского сражения Пилсудский отзывается об этом тыле с восхищением. Для него совершенно непонятно, каким образом при том быстром темпе наступления, которое вела Красная Армия, к моменту нашего подхода к Висле польские железные дороги до меридиана Седлеца были большей частью уже перешиты на нашу колею и на железнодорожных станциях в этом районе можно было уже найти наши вагоны. Конечно, Пилсудский не знает о тех затруднениях, которые мы испытывали в паровозах и вагонах. При наличии подвижного состава мы во время этой войны имели бы более удовлетворительный тыл.

Совершенно ясно, что в труде Пилсудского очень много исторических неточностей и еще больше тенденциозности. Читатель должен иметь в виду это обстоятельство при чтении книги...

В. ТРИАНДАФИЛЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

1920 год надолго останется памятным в истории по меньшей мере двух государств и народов. На обширной арене между Днепром, Березиной и Двиной с одной стороны и Вислой — с другой путем вооруженной борьбы решались судьбы нашего государства и соседней с нами Советской России. Исход борьбы решил одновременно на известное время и судьбы миллионов человеческих существ, которые были тогда представлены сражавшимися на этом огромном пространстве армиями и их командующими. Я не хочу вдаваться в исследование вопроса, распространялось ли значение веденных в этом году боев на значительно более широкие круги, нежели те, какие определялись границами обоих находившихся в вооруженной борьбе государств. Несомненно, однако, что напряжение нервов во всем цивилизованном мире было необычайно велико и на нас, тогдашних солдат, было направлено много взоров, наполненных то тревогой, то надеждой, то слезами горечи, то улыбкой счастья. Поэтому-то нет ничего удивительного, что любопытство все еще требует выяснения загадок и сомнений, которые некогда удручали людей. Понятным также является и наше, как главных действующих лиц тогдашних исторических событий, любопытство в отношении действий, мыслей и даже всех подробностей работы тех, с которыми мы скрещивали тогда шпаги. Г-н Тухачевский (не могу подобрать иного выражения, ибо опасаясь, как бы определением по рангу не задеть чем-нибудь своего бывшего противника) издал недавно брошюру под названием «Поход за Вислу»; мною же было получено приглашение от польских издателей этой книжки дать для польского общества свою оценку этого небольшого произведения и противопоставить мыслям и оценке обстановки в каждом отдельном случае, высказанной командующим одной из борющихся сторон, мысли и такую же оценку командующего с нашей стороны. Считаю,

что издатели подали в данном случае удачную мысль, ибо такое одновременное наблюдение, сделанное обеими бо-
рящимися сторонами, дает наибольшее приближение к
действительной правде и может послужить очень хорошей
основой для всякого серьезного исторического исследова-
ния. Безусловно, г-н Тухачевский имеет преимущество
первенства, так сказать преимущество инициативы, ибо
начал первым. По этой-то причине, согласно с целями из-
дательства, я заранее связан как построением труда г-на
Тухачевского, так и его методом и конструкцией; в
работе же литературной, равно как и в работе военной,
такое первенство является немаловажным преимуществом.
В силу того, однако, что и в нашей военной встрече судьба
благоприятствовала не мне, а стороне противной, я охот-
но согласился на предложение издателей, ибо самый спо-
соб изложения г-на Тухачевского необычайно благоприят-
ствует удовлетворению широко ощущаемой у нас потреб-
ности освещения многих явлений, так глубоко нами пере-
житых в решительный для нашей родины 1920 год. А
именно: г-н Тухачевский, издавая под вышеуказанным
названием свои лекции, читанные им на дополнительном
курсе военной академии в Москве, пошел по пути ограни-
чения их содержания так далеко, что заполнил их иск-
лючительно, как сам указывает во вступлении, «общим
стратегическим обзором операций», а «рассмотрения стра-
тегических деталей и тактических действий различных
войсковых соединений» решил совершенно избегать. Вви-
ду этого небольшое произведение г-на Тухачевского стано-
вится доступным широким кругам читающей публики. Ибо
стратегия, понимаемая в столь общих формах, без более
тесной связи с ее деталями и с рассмотрением тактичес-
ких действий войск, освобождает пишущего или говоряще-
го от тяжело перевариваемого широкими кругами анализа
военной обстановки, не требует трудных для уразумения
средним читателем схем и карт и вместе с тем переносит
читателя или слушателя в ту область, где зачастую на-
чинают неотразимо господствовать не осязаемые для точ-
ного анализа чары военного искусства. В области же вся-
кого искусства среднеразвитый человек ориентируется от-
носительно свободно и, по крайней мере, свободно себя
чувствует: когда мы имеем выставку картин, все не пи-
шущие таковых совершенно свободно рассуждают о ху-
дожниках и их методах, когда же перед нами выставка
войны — нет более широко обсуждаемой темы, чем стра-
тегические ошибки и мероприятия главных актеров вой-

ны, уделом которых, собственно, и является область стратегического военного искусства. Поэтому-то, когда наш Станчик говорит, что в мире больше всего имеется врачей, дающих больным советы, я позволю себе возразить знаменитому соотечественнику, утверждая, что во время войны больше всего имеется «мудрых стратегов», свободно оперирующих в области стратегических операций. Ввиду того что отзвуки минувшей войны еще носятся в воздухе, что неоднократно старые и молодые участники еще столь недавних поражений и побед болтают среди охотных слушателей о своих походах, я благодарен Тухачевскому, что он методом своей работы пробудил во мне желание скрестить с ним еще раз шпаги, в данном случае невинно, на бумаге, в надежде, что таким путем мы оба будем способствовать более глубоким и более обоснованным рассуждениям среди любителей стратегии наших родин.

Говоря о скрещении шпаг и отмечая преимущество г-на Тухачевского — ибо он имеет право выбора, — спешу сразу же отметить, что я имею свои преимущества, которыми не замедлю воспользоваться. Первым из них является тот факт, что исторические события поставили меня выше г-на Тухачевского. Правда, он командовал большей, но, однако, только частью советских войск, сражавшихся тогда с нами, в то время как я являлся главнокомандующим всей польской армией. Поэтому-то, когда он, как подчиненный, неоднократно, в силу необходимости, был стесняем в своих намерениях приказом начальников и выделением ему средств для борьбы, которую он вел, я этого стеснения не испытывал. В силу этих причин вопросы самых общих стратегических действий я, по необходимости, должен был охватывать шире и понимать и применять военное искусство более широко, нежели г-н Тухачевский.

Утешаю себя тем, что это естественное преимущество совершенно отрицается самим г-ном Тухачевским, ибо он делает меня в своих суждениях также подчиненным — то генеральному штабу Антанты, то капиталистам всего мира.

Остается рассмотреть еще другое мое преимущество, из-за которого я продолжительное время колебался, должен ли я вообще браться за работу, о выполнении которой меня просили.

Если г-н Тухачевский, как уже мною упоминалось, сознательно ограничив себя самым общим стратегическим обзором им же веденных операций, стал благодаря этому

доступным относительно широкому кругу читающей публики, то одновременно тем же самым он нанес себе ущерб, ибо, читая лекции и издавая книжку о своей исторической деятельности по командованию большим количеством войск, он свел эту книжку к описанию одних только функций командующего, создавая этим зачастую впечатление ветряной мельницы, вращающейся в пустом пространстве. Я не хочу этим оскорблять или чем-либо умалять достоинства г-на Тухачевского, однако чрезмерная, по моему мнению, абстрактность лекций отделяет г-на Тухачевского от войск, коими он командовал, столь далеким и до такой степени ничем не заполненным пространством, что только при условии большого усилия над собой я мог бы идти по его следам и приноровить свою работу к его методам и к его приемам изложения.

Поэтому-то я по нескольку раз перелистывал страницы его брошюры, колеблясь все время, выполнять ли взятую на себя работу или же отказаться от нее совершенно, ибо я не мог решиться и писать об исторических событиях и о вещах, которые реально совершались на войне, таким образом, как это сделал г-н Тухачевский.

Было бы еще понятным и метод г-на Тухачевского имел бы оправдание, если бы вопрос шел об изложении курса общей стратегии или известной ее части и в качестве примеров, иллюстрирующих мысль лектора, были бы взяты те или иные исторические факты. Однако ни само содержание изданной брошюры, ни способ трактования темы не дали мне возможности отнести труд г-на Тухачевского к такой именно категории трудов. По существу, здесь содержанием является история руководящей идеи командующего советскими войсками, стоявшими против нас на фронте к северу от Припяти во время неоспоримо красивой операции 1920 года. И едва лишь одну эту незначительную часть лекций г-на Тухачевского, а именно — его рассуждение о действиях таранными массами, можно было бы отнести к трудам теоретического характера, для коих понадобилась бы историческая иллюстрация. Но так как указанная часть во всей брошюре является кратким эпизодом, а остальное представляет собой историю в точном смысле этого слова, я, поскольку решился бы идти по следам г-на Тухачевского, не мог бы заставить себя отречься от прав действительного командования и отвергнуть права истории, тяготеющей всегда над командующими.

Несомненно, для всякой истории войны необходимей-

шим источником является история духовной работы каждого из командующих. Влияние, какое имеет эта работа на судьбы войны, является настолько большим, что история войны без нее делается непонятной, зачастую странной смесью крупных и мелких фактов, находящихся вне всякой системы, и поэтому нельзя охватить победы и поражения причинной связью, и висят эти явления в какой-то абстрактной пустоте, неизвестно для чего украшая лаврами головы одних и обливая краской стыда лица других.

Поэтому-то брошюра г-на Тухачевского является, несомненно, историческим источником: в ней г-н Тухачевский исповедуется в своих мыслях командующего и дает объяснение своей работы по командованию.

Но тогда эта необычайная абстрактность труда дает нам образ человека, который, как я уже говорил, перемалывает только свои собственные мысли, свои душевные переживания, отказываясь или не умея командовать войсками в их повседневных действиях, а между тем последние не только не всегда соответствуют мыслям и намерениям командующего, но неоднократно противоречат им, и притом под давлением неприятельских войск.

Я не хочу этим сказать, что г-н Тухачевский именно так командовал, я не хочу в полной мере пользоваться даваемым мне таким образом преимуществом, но все же не могу не поддаться впечатлению, что весьма много явлений в операциях 1920 года объясняется не чем иным, как большой склонностью г-на Тухачевского командовать войсками именно таким абстрактным способом. Ввиду того что в своем способе командования я никогда не находил этой склонности и о своей работе по командованию, когда вопрос идет об истории, не мог бы так писать и думать, — решившись в результате взяться за предложенную мне работу, я не отрекаюсь совершенно от этого естественного преимущества в нашей возобновленной на бумаге борьбе, преимущества, которое дает мне анализ, связывающий мои мысли и мою мозговую работу с работой войск и командиров, которые были мне тогда подчинены.

Если я так долго задержал читателя на вступлении, не переходя к содержанию, то сделал это для того, чтобы освободить себя от многих примечаний, которые я вынужден был бы делать, следуя при разборе операций 1920 года шаг за шагом за г-ном Тухачевским.

Поскольку я сейчас уже занят устранением затрудне-

ний, встреченных мной в моей работе, мне хотелось бы устранить попутно еще несколько из них. Во-первых, я не хочу также идти по следам г-на Тухачевского в отношении стиля, в котором он написал свою работу. Несомненно, г-н Тухачевский издал книжку не для поляков и польских солдат, но своим, если можно так выразиться, сильно публицистическим стилем вовсе не украсил своей работы. В его стиле имеется как будто желание агитировать своих слушателей и читателей и постоянная попытка оскорбления своих противников. Не говоря уже о том, что лично я не имею никаких претензий к г-ну Тухачевскому за колоритные определения масс, боровшихся с ним в 1920 году, где явно сквозит желание предать нас общественному презрению, — в своем ответе я буду избегать даже такого обычного у нас определения, как «большевик», поскольку, несомненно, определение это получило у нас оттенок пренебрежения и оскорбительности. Это еще вовсе не исключает того, что в отношении социально-политических взглядов г-на Тухачевского я должен буду занять свою позицию; частично они разбросаны эпизодически в разных местах лекций, но главным образом сосредоточены в одной специальной главе, под названием «Революция извне». Противопоставление моих взглядов взглядам г-на Тухачевского мне кажется обязательным, ибо, несомненно, социально-политические факторы оказали весьма существенное влияние как на характер самой войны, так и в дальнейшем на суждения ее вождей.

Наконец, тут же, во вступлении, отмечу, что, не найдя в лекциях г-на Тухачевского, как это я указывал уже выше, ответа относительно работы его, связанной с командованием в целом, я старался добыть иные источники, которые устранили бы этот недостаток и заполнили бы пробелы. Нашел я их, правда в недостаточном количестве, в ряде исторических работ, изданных нашими бывшими противниками. С истинным удовольствием констатирую, что как в отношении метода, так и в отношении изложения они могут выдержать сравнение с самыми выдающимися трудами мировой литературы этого рода. Истинным же перлом в этом отношении в этой литературе является книга г-на Сергеева под заглавием «От Двины к Висле», которая дает историю действий 4-й советской армии, а также работы ее командующего — автора книги.

Я пользовался усиленно этой книгой при всех моих попытках исторического анализа отдельных операций и обстановки кампании 1920 года, и — увы! — она дает

возможность иллюстрировать ту истину о командовании г-на Тухачевского, которую я высказал выше.

Закончу вступление сожалением, что некоторые наши исторические издания — увы! — стоят настолько низко, что не могут ни явиться хорошим источником, ни выдерживать сравнения с работой в этой области наших бывших противников, а часто, чересчур часто, создают впечатление работы школьника, который, зная, что провинился, кичливостью и притворным весельем старается обмануть сурового учителя — историю.

Юзеф ПИЛСУДСКИЙ

I. СИЛЫ СТОРОН

Анализ труда г-на Тухачевского я должен начать не по плану его построения, а со специальной военной работы, которой он не выделил в особую главу, а привел в разных замечаниях в тексте или же в отдельных таблицах. Речь идет о численном подсчете своих и неприятельских сил, который должен вестись во время войны всеми командующими и штабами. Работа эта не является столь простой, как это зачастую многим кажется. В каждом штабе имеются специально для этого выделенные офицеры, которые не ведут никакой иной работы, кроме постоянного подсчета и сопоставления сил, находящихся в распоряжении сторон для ведения боевых действий. Как доказательство, насколько сложными и запутанными бывают эти подсчеты, приведу тот факт, что военные историки, приступающие к своей работе с таким изобилием материалов, каким, наверно, никто не располагал во время войны, очень часто расходятся между собой в подсчетах при исследовании одного и того же боя или операции.

Г-н Тухачевский, производя подсчет наших сил и, очевидно, зная, что его легко можно упрекнуть в неточности, тут же наперед оправдывается, утверждая, что система нашего подсчета была неясной, так как за основу принимала число штыков и сабель. По странному стечению обстоятельств в исторической литературе, касающейся действия войск, коими командовал г-н Тухачевский, я встретил подсчеты, сделанные как раз таким же способом — на штыки и сабли. Г-н Сергеев, о котором я упоминал, таким именно способом подсчитывает свои силы. В одной из

советских дивизий (2-я), описывая взятие ею в период этой же кампании Бреста, производят подсчет своих сил тем же методом. И если в подсчетах советской армии обычным являлось исчисление не только по штыкам и саблям, но и по количеству бойцов, то мы пробовали иным способом подсчитывать то, что является сущностью современных боев, а именно — силу огня. Во всяком случае, мне показался странным тот факт, что г-н Тухачевский не захотел понимать нашего подсчета по штыкам и саблям, в то время как возглавляемые им войска не отличались в этом отношении от нас. Когда же я постарался более обстоятельно проанализировать приведенные г-ном Тухачевским таблицы, у меня невольно возникло предположение, что затруднения, какие находил г-н Тухачевский при подсчете наших сил, были, по меньшей мере, преувеличены, и, вероятно, преднамеренно, чтобы в конечном итоге получить цифры, выравнивающие численность его сил с нашими или же дающие даже численный перевес нам, а не ему. Это невольно бросается в глаза. Сознаюсь, что этот публицистический способ подсчета почти совершенно лишил меня охоты серьезного продумывания каждой цифры, приведенной г-ном Тухачевским.

Для примера, однако, хочу привести несколько первых попавшихся цифр из подсчета г-на Тухачевского, чтобы доказать этим, как он, если так можно сказать, играет с составными частями своих подсчетов. В первой таблице, представляющей собой как бы приложение к описанию операции, которая велась в середине мая 1920 года, на нашей стороне указана 2-я Литовско-Белорусская дивизия численностью в 4800 штыков, в то время как эта дивизия совершенно не принимала участия в указанной операции...

Комическое впечатление производят также мелкие ошибки при сопоставлении таблиц. Так, например, неизвестно, по какой причине в первой таблице одни из наших пехотных дивизий облагодетельствованы конницей в 400 сабель (постоянно повторяющаяся цифра), в то время как другие дивизии этого благодеяния не получают...

Этот странный и испещренный поразительными ошибками подсчет наших и советских сил мог бы явиться весьма прискорбным свидетельством работы советских штабов, подчиненных г-ну Тухачевскому, если бы не обнаруживалась определенная тенденция в подсчетах, тенденция агитационно-публицистического характера, вовсе не увеличивающая достоинств произведения г-на Тухачев-

ского. Тенденция эта выражается в том, чтобы в конечном подсчете, в сумме, выведенной внизу столбца цифр, тенденциозно увеличить наши силы и, наоборот, уменьшить свои. Г-н Тухачевский не связывает себя в этой работе тем обстоятельством, что в тексте при описании своих действий как вождя он весьма часто противоречит цифрам, приведенным им же в таблицах. При описании подготовительных к главной операции работ г-н Тухачевский устанавливает, что «благодаря несокрушимой энергии красноармейских работников... пополнения тысячами потекли в наши дивизии». Благодаря этому был выполнен план удвоения боевого состава, однако в подсчетах, приведенных в таблицах, этого удвоения мы не замечаем. Далее г-н Тухачевский еще раз устанавливает, что во время похода от Березины и Двины к Висле более 30 000 вполне надежных людей было мобилизовано и влило в ряды командуемых им армий. В подсчетах же и исчислениях состава армии мы опять-таки совершенно не замечаем следов нового пополнения. Поэтому естественно возникает вопрос, где, собственно, кроются преувеличения г-на Тухачевского — в агитационном ли цифровом подсчете, приведенном в таблицах, или же в публицистической похвале красноармейским работникам и системе классового комплектования войск.

В силу всего этого не представляется возможным принять цифры Тухачевского и составленные им таблицы за исторический материал, и поэтому я решил во всех своих выводах и анализах пройти мимо них. Однако не хочу обойти молчанием общих подсчетов, которые я составлял для себя во время кампании 1920 года.

Наши силы представляется возможным исчислить на основании периодических донесений о численном составе командиров отдельных единиц. Предостерегаю, однако, каждого, кто бы захотел опираться единственно на эти данные. Прежде всего, как любитель исторических исследований, я должен подтвердить, что каждое донесение, независимо от его содержания, историк может принимать за верный источник только после критического анализа, ибо каждое донесение составляется для начальника и всегда имеет целью не только отчет, но и желание склонить начальника к тем или иным мыслям в отношении составляющего это донесение. Если это явление имеет место в армиях с долголетней традицией и продолжительным обучением, то что говорить о нашей армии, совершенно заново созданной и составленной в отношении

командиров из людей, почти случайно собранных из разнообразнейших армий и школ. По этим именно причинам я никогда не относился чересчур серьезно к точности наших донесений о численном составе, а всегда вводил в эти донесения одну суммарную поправку, а именно: в нашей армии весьма распространена была система откомандирования множества людей из боевых линий в более близкие или далекие тылы для нужд войск и командиров и для разных хозяйственных работ. В донесениях же эти откомандированные люди никогда или же почти никогда не принимались во внимание и для начальников указывались они как постоянно пребывающие в полках. Снисходительность в этом отношении в нашей армии шла неизменно далеко, и я почти не знаю случая, чтобы кто-либо из командиров применил в этой области более строгие дисциплинарные меры. Поэтому всегда при получении периодического донесения о численном составе армии в общий подсчет, составленный для меня, я вводил суммарную поправку, основанную на том, что, по меньшей мере, третья часть людей, дающих количество штыков и сабель, не должна быть мною учитываема как боевая сила. Для некоторых дивизий эту поправку я значительно увеличивал, принимая во внимание только половину цифры, указанной в донесении.

Не хочу утверждать, что советская армия не была знакома с подобными хозяйственными откомандированиями штыков и сабель. Я даже уверен в том, что это имело место. Однако я вынужден обратить внимание на то обстоятельство, что дисциплина у противника бывала так беспощадна, а предпринимаемые для ее удержания средства столь необыкновенными, что я сомневаюсь, нужно ли было командующему нашего тогдашнего противника прибегать к столь грустным исчислениям, какие это делал я. С завистью прочел в описании действий 27-й дивизии под Варшавой о том, что командир ее 10 августа на Ливце увеличил боевой состав своей дивизии путем влития в ее ряды тыловых команд и части красноармейцев обоза. Могу уверить читателя, что подобного случая в нашей армии не знаю.

Мне хотелось бы также устранить из мыслей читателя преднамеренно, как я уже указывал, ошибочные подсчеты г-на Тухачевского относительно запасных батальонов и эскадронов. Согласно существовавшей тогда у нас организации запасные батальоны и эскадроны не только служили для укомплектования состава армии, но и имели

также задачей охранение всего имущества полков, находящихся на фронте. Поэтому-то при отступлении — а это было нашим уделом вплоть до Вислы — все запасные батальоны и эскадроны не выполняли своей первой задачи — комплектования действующих полков, а были заняты работой по эвакуации всего этого имущества и оборудования. Таким образом, по отношению к ним может идти речь исключительно об организационной работе в глубоком тылу. При стремительном нашем отступлении, которое я проанализирую в дальнейшем, я формально запретил давать пополнение до тех пор, пока армия не отойдет к Бугу, ибо, о чем укажу ниже, после отхода с линии Вильно, Барановичи я совершенно не надеялся, чтобы командовавший этим фронтом ген. Шептицкий задержал где-либо неприятельское наступление. На Буг же и Нарев было выслано больше десятка батальонов пополнения, которые явились, таким образом, первой помощью, оказанной войскам, отступавшим от Двины и Березины.

Не имея в данный момент под рукой всех материалов даже о войсках, находившихся под моим командованием, я не хочу идти по следам г-на Тухачевского и противопоставлять приведенным им таблицам свои, которые не дали бы достаточной исторической гарантии. В отношении же неприятельских сил также не хочу приводить наши тогдашние подсчеты, по существу вещей еще более обманчивые.

Самой надежной в этой работе у нас считалась следующая система подсчета: на основе показаний пленных составлялся численный состав роты или эскадрона, и на основе этого прилагались старания сконструировать численный состав батальона, полков и дивизий. Система эта казалась наиболее соответствующей, ибо советская армия отличалась, по нашим наблюдениям, чрезвычайной пестротой в отношении численного состава не только высших соединений, как дивизия и бригада, но даже полков одной и той же бригады и батальонов в одном и том же полку.

Приведу еще один суммарный способ, которым я неоднократно пользовался, желая ориентироваться в тех силах, какими, собственно, я мог располагать для боевых операций. За основу при этой системе мною принимались все те силы, какие находились в стране под оружием. Из этой общей цифры, возможно наиболее надежной, я старался на основе знакомства с военной работой суммарно определить процент, составляемый теми людьми, которые

ми можно было располагать для боевых действий. Процент этот в разные периоды был разный и зависел от момента отправки на фронт пополнения. Согласно моим подсчетам он у нас никогда не превышал цифры 12—15. Такое печальное состояние нашей военной организации являлось последствием чересчур поспешной и, следовательно, весьма не обстоятельной работы по созиданию армии, работы, которую мы начали только в 1918 году почти что с круглого нуля. Одновременно с этим необычайное влияние имел тот факт, что громадное большинство нашей военной администрации попросту избегало, как какого-то греха, применения более суровых дисциплинарных средств как внутри самой армии, так и вне ее. Такое чрезвычайное попустительство в отношении работы тылов давало в результате факт, который я всегда характеризовал словами, что громаднейшая часть людского материала постоянно уплывала сквозь пальцы администрации. Я всегда шутил, говоря, что мы не можем перестать быть добровольческой армией, ибо у нас дерется только тот, кто хочет или кто глуп.

Судя по собственным словам г-на Тухачевского и зная дисциплинарную систему нашего противника, доведенную до чрезвычайной беспощадности, я не допускаю мысли, чтобы в этой области наш враг находился в столь же скверном положении, как это было у нас. Поэтому-то разрешаю себе вышеприведенный в отношении нас процент увеличить для г-на Тухачевского, по меньшей мере, на 10%, доведя таким образом процент боевых сил в отношении к общему составу армии до 25%. Полагаю даже, что это чересчур мало, ибо наш процент исчислен от общего количества людей, находящихся под оружием во всем государстве, в то время как в отношении г-на Тухачевского я исчисляю его от цифры, связанной только с силами его фронта.

К счастью, изучая нашего противника, я наткнулся на цифру, определяющую списочный численный состав людей и лошадей на август месяц 1920 года. Цифра эта для войск, находившихся под командованием г-на Тухачевского, составляет 794 645 людей и 150 572 лошадей.

Следовательно, если применим наш суммарный подсчет, то окажется, что боевая сила, какой располагал г-н Тухачевский в начале августа — и приблизительно такой же и в июле, — достигала 200 000 человек.

Беру на себя смелость решительно утверждать, что у нас в течение всей нашей войны цифра эта никогда не до-

стигала 200 000 не только на той части фронта, которая была противопоставлена г-ну Тухачевскому, но даже на всем фронте. Поэтому полагаю, что с момента, когда против нас развернулись в июле 1920 года все советские силы, в боевой линии численный перевес был постоянно у противника. Пишу об этом не для того, чтобы этим особенно хвастаться; наоборот, я считаю эти факты печальным явлением, плохо свидетельствующим о нас. Замечание это тем более окажется справедливым, если добавить, что общий характер войны 1918—1920 годов не выявлялся в кровавых боях, требующих героизма в буквальном смысле этого слова, ибо потери, которые наша армия понесла в этой войне, были ничтожно малы в сравнении с процентом потерь в так называемой мировой войне.

Заканчивая главу, приведу свой — увы! — весьма общий подсчет, который я в свое время производил, но на котором не хочу даже настаивать. Боевую численность противника, возглавляемого г-ном Тухачевским, в начале операции 4 июля 1920 года я исчислял в 200 000—220 000 человек. Г-н Тухачевский в приводимой им таблице определяет эту численность в сумме 160 188 человек. Боевые силы ген. Шептицкого, который командовал фронтом против г-на Тухачевского, исчисляю самое большое в 110 000—120 000 человек.

При последнем эпизоде войны на Висле боевые силы г-на Тухачевского я исчислял в 130 000—150 000. Наши же силы, принимая во внимание единственно только те из них, которые могли быть использованы в так называемой битве под Варшавой, мною исчислялись в 120 000—180 000 человек. Если последние цифры даны мною с такими колебаниями, то это объясняется тем, что у нас тогда царил весьма большой организационный хаос и что в те времена нельзя было и думать о введении в бой всего того, что было вооружено и готово к походу.

II. ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. ГРУППИРОВКА СИЛ

Как это обычно бывает перед началом операций более крупного значения, г-н Тухачевский, а одновременно и его начальники останавливались на рассмотрении значения территории предстоящих операций, а также группировки своих и неприятельских сил. В соответствии с этим и в своей книжке г-н Тухачевский посвящает II и III гла-

вы этим двум темам. Не стану задерживаться на описательной части местности, которая в полной мере соответствует действительности и относится к области почти что чистой географии. Остановлюсь несколько дольше только на некоторых моментах географических рассуждений г-на Тухачевского, ибо по всему тому, что он написал о своей работе по командованию, сужу, что они сыграли выдающуюся роль при принятии решений военного характера. Это является для меня тем более приятным, что одно из определений, повторяемое г-ном Тухачевским как бы с известной любовью, является определением польским, и по этой причине я как бы имею право на применение этого определения в том смысле, как оно создалось, а не в том, признаться, довольно странном, в каком его употребляет г-н Тухачевский, а именно: г-н Тухачевский утверждает, что, предпринимая операцию с далеко поставленной целью, он имел для выбора два основных направления для своих главных сил; одно из этих направлений он называет игуменским, ведущим прямо к Минску, другое, как пишет сам, «поляки называют Смоленскими воротами». Г-н Тухачевский для своих операций избрал это второе направление.

Как я уже отметил, наше определение означает совершенно иной, более приближенный к самому названию участок местности. В самом деле, две главные реки в существовавшей некогда между Польской республикой и государством царей приграничной полосе — Двина и Днепр — образуют своим верхним течением сравнительно узкий коридор, закрытый у своего выхода к востоку крупнейшим в данной местности городом — Смоленском. Поэтому-то все набеги и походы, будь то с польской или русской стороны, по необходимости натывались на Смоленск. Он был как бы воротами, в которые прежде всего приходилось стучаться, когда дело касалось операций более крупных размеров. Смоленск в течение веков в каждом случае, когда дело шло о более крупных войнах, захватывался той или другой стороной. В наши времена, во время похода Наполеона на Москву, опять-таки одно из крупных сражений произошло за обладание этими действительными воротами. Поэтому-то Смоленск до сего времени носит на себе весьма выразительные следы своего значения, прекрасно сохранив, что редко бывает в иных местах, свои стены и валы. Г-н Тухачевский, однако, переносит это наименование на совершенно иной район, не имеющий, по моему мнению, никакой связи ни со Смолен-

ском, ни с одной из рек, характеризующих эти ворота, — с Днепром. Более того, как бы для уменьшения крупного исторического значения Смоленска он переносит все его значение на местечко Ореховно. Сознаю, что это неожиданно появившееся название неизменно меня поразило. Как главнокомандующий польской армией, я в течение двух лет обсуждал много разнообразнейших возможностей, принимал во внимание много разнообразнейших движений, как со своей, так и неприятельской стороны, однако ни разу у меня не возникало мысли, что в течение известного времени я обладал столь важным стратегическим пунктом, которого к тому же с моего согласия мы лишились при окончательном установлении границы во время Рижского трактата. Я готов даже подозревать, что еврейское население этого местечка преднамеренно старалось о принадлежности своей к государству Советов, ибо, собственно, по причинам его настояний мы сделали эту опасную уступку.

Исходя из изложения и рассуждений г-на Тухачевского, поскольку уж он весь этот район называет «Смоленскими воротами», я позволил бы себе предложить местечко Ореховно, расположенное у самой нашей границы, называть уже не воротами, а «калиткой», «смоленской калиткой».

Но шутки в сторону — Ореховно, как оно изображено в труде г-на Тухачевского, сыграло, однако, крупную роль. Командующий советскими войсками полагал, что именно в районе Ореховно он должен изменить свою операционную линию, заходя, как пишет, правым плечом на девяносто градусов, т. е. изменяя ее под прямым углом. По этой-то причине, несмотря на то что он потерпел поражение при первой своей попытке, которую называет «майским наступлением», он утешает себя тем, что «Смоленские ворота остались в наших руках до момента, когда мы предприняли второе, главное наступление»¹.

Если во вступлении я говорил о чрезмерно абстрактной трактовке г-ном Тухачевским предмета, то воистину трудно найти лучшего доказательства тому, что эта абстрактность мысли г-на Тухачевского существует реально, если он с такой легкостью может связывать свое дело

¹ У тов. Тухачевского говорится следующее: «Наконец, наиболее важным для нас результатом было занятие Смоленских ворот. Это позволило нам с гораздо большей легкостью организовать дальнейшее наступление и сразу ставило наши войска на железную дорогу Молодечно — Полоцк». — *Примеч. перевод.*

командования со столь незначительными до комизма пунктами на карте.

Если для него был важен столь действительно сложный и отнимающий много времени маневр захождения под прямым углом тем или иным плечом более крупного количества войск, то нельзя было связывать этого с какими-то незначительными пунктами, хотя бы и лежащими на главных путях. Одинаково хорошо можно было этот трудный маневр выполнить и вне таких пунктов, на которых вообще не следует никогда упорствовать. География и геометрия! Сколько засад кроется в них для командующих!

Военная история знает не один такой пример. Задерживая в конце мая наше контрнаступление, я не подозревал, что г-н Тухачевский ломал перед этим «Смоленские ворота» и под конец операции, боролся за удержание в своих руках, по крайней мере, их суррогата — «калитки» Ореховно. Напоминает это мне весьма хорошо известный и неоднократно мною штудированный большой январский бой в 1905 году между армиями Куропаткина и Оямы. Русские, атаковавшие японцев, называют этот бой «боем под Сан-де-Пу». Называют его так потому, что одинаково как генерал Куропаткин, так и командующий 2-й армией Гриппенберг развитие всей операции ставили в зависимости от успеха при взятии этого Ореховно того театра войны. Это так тесно связывалось с их мыслями, с их планами действий, с их тревогами и надеждами, что этот воображаемый узел дал свое название крупной операции. Японцы же, перешедшие в контратаку, назвали этот бой совершенно иным именем. Бой этот они называют «битвой под Хей-Кау-Тай» — именем другого Ореховно, которое их больше поразило и где, имея дело с отборными войсками, они пережили больше всего хлопот, тревог и проявили наибольшие усилия. В своих лекциях я всегда любил цитировать этот пример, называя его «комедией ошибок» и примером комичного недоразумения. Поэтому я всегда предостерегал своих слушателей, чтобы в военных операциях, как малых, так и больших, они старательно избегали ловушек, скрытых в географии и геометрии. Пусть извинит меня мой уважаемый противник в войне 1920 года, если теперь наряду с Сан-де-Пу я буду приводить и пример Ореховно. Когда я перейду к анализу военных действий, полагаю, что мне удастся доказать, что подобное топтание мысли командующих вокруг подобных воображаемых узлов почти неизбежно ведет всегда к та-

кому же топтанию земли, но уже войсками, с потерей времени и усилий.

Я так долго задержал внимание читателя на этой части рассуждений г-на Тухачевского потому, что, собственно, сам г-н Тухачевский не дал при разборе своих основных планов ничего иного, кроме маневра поворачивания главной массы своих сил под прямым углом с момента овладения, как он утверждает, «Смоленскими воротами». Является очевидным, что планы г-на Тухачевского были сильно связаны с этим намерением. Маневр этот он выполнил два раза: один раз во время майского наступления, второй раз в июле, при проведении главной операции, закончившейся под Варшавой. Это связывалось с желанием использовать железную дорогу Полоцк — Молодечно как коммуникационную линию, наиболее отвечающую всем потребностям главной массы сил г-на Тухачевского.

Мысль простая и понятная, но овладение и прикрытие главной операционной линии совершенно не требует фактического, если можно так выразиться, вытаптывания ее массой собранных сил и привязывания их к географическим пунктам, лежащим на ней. Такое мысленное связывание себя географическими названиями и геометрическими фигурами, повторяю, в результате всегда дает загадку, основанную не на чем ином, как на удалении разбора главного препятствия, каковым на войне являются силы неприятеля и их работа, на второй план. Эти же последние не обязательно связывают свою деятельность именно с теми самыми географическими пунктами и геометрическими фигурами и чаще всего имеют свои Ореховно, не совпадающие с Ореховно противника. Буду иметь случай припомнить эти выводы в дальнейшем изложении, при анализе действий г-на Тухачевского.

Когда г-н Тухачевский разбирает стратегическое распределение своих и неприятельских сил, то разбор этот очень сжат, когда он говорит о себе, и значительно обширнее, когда говорит о нас. О себе он говорит немного — в этом отношении он выступает как подчиненный, связанный решениями своего главнокомандующего. Последний выбрал для него район главного сосредоточения войск и определил то их количество, которое должно идти в бой под командованием г-на Тухачевского. Над этими интересными в историческом отношении подробностями г-н Тухачевский почти что не останавливается. Он только устанавливает, что сферой его действия был район сосредото-

точения, ограниченный Витебском, Оршой и Толочином, и что под его командованием решено было сосредоточить до 21 дивизии.

И действительно, когда мы подсчитаем число дивизий (вместе с двумя кавалерийскими), с которыми г-н Тухачевский начал свою главную операцию в июле, получим именно это заранее определенное количество выделенных в его распоряжение войск. Однако первая попытка проведения операции, начатая в мае, проводилась только 13 дивизиями, — следовательно, недоставало более одной трети сил, намеченных для этой операции.

Принцип группировки своих сил г-н Тухачевский устанавливал путем изучения группировки сил противника. В общих чертах мнение его о нашей группировке сводится к следующему: поляки растянулись в более или менее равномерную линию — в кордон.

Сильно сожалее, что некоторую часть своих стратегических размышлений, представляющих украшение всей его книжечки, г-н Тухачевский поместил в совершенно ином месте, а именно — при обсуждении главной, июльской, операции. Возможно, что причиной этого было нежелание задерживаться дольше над неудавшимся майским наступлением; однако должен сознаться, что, со своей стороны, я с известным усилием согласился на конструирование и моего труда столь нелогичным способом. Я сомневаюсь, чтобы г-н Тухачевский, который свою майскую попытку задумывал так же широко, как и июльскую, не имел тогда в виду тех самых принципов действия тараном, которые он так красноречиво развивает только впоследствии. Для меня это было бы гораздо выгоднее, ибо несправедливой, по моему мнению, критикой нашей стратегической группировки, а также и моих личных по этому вопросу приказов он значительно затруднил мне возможность высказать пару слов относительно себя самого.

Итак, характеризуя наш кордон, г-н Тухачевский утверждает, что эта равномерность кордона не позволяла нам, несмотря на усилия, «сосредоточить в любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов». Основываясь на этом, г-н Тухачевский предполагал, что он сможет поставить дело так, чтобы «наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой поль-

ской линии. После этого последовательные контрудары резервов уже становились не страшны»...

Когда я читал и вторично перечитывал эти рассуждения г-на Тухачевского, мне вспоминались мои же рассуждения по этому самому вопросу. Если определения и разные мотивы не были похожи на те, которые приводит г-н Тухачевский, то выводы, к которым я всегда приходил, были совершенно аналогичны и нашли в сжатом виде выражение в окончательном моем решении, принятом мною еще в конце 1919 года. Я полагал, что, кто энергично наступает, всегда будет иметь успех и пробьет в выбранном им пункте кордон или линию. Поэтому-то я всегда искал выхода, как говорил в те времена, в маневре, хотя бы это был обратный маневр, связанный с отступлением армии. Признаюсь, что именно поэтому меня до известной степени задело суждение г-на Тухачевского, что польское командование противопоставило ему весной 1920 года ничтожный кордон, с которым он так легко полагал справиться.

Прежде всего г-н Тухачевский забывает об основной разнице ролей, какие были возложены на него самого и на его непосредственного противника. В то время как ему приказано было удерживать в своих руках инициативу и атаковать противника, польские войска на северном фронте, противопоставленные г-ну Тухачевскому, наоборот, имели приказ об обороне. При обороне же первая, ближайшая к противнику, составная часть построения никогда не может иметь иного характера, нежели именно кордона, именно тонкой, неглубокой линии. Даже чисто позиционная война, дающая как бы за основу линию чистейшего вида, в своем развитии привела к необходимости выдвижения вперед слабого по силе, легко сокрушимого передового кордона, выставленного единственно для целей наблюдения и прикрытия. Кордон или линия при обороне являются обязательными, в противном случае невозможно выяснить ни сил наступающего противника, ни его действительных намерений, ни направления его ударов. Это первое, что должно было прийти на мысль г-ну Тухачевскому, если бы он пожелал глубже вникнуть в положение своего противника. Поэтому кордон был, и в кордоне, что я и утверждаю, стояло тогда на всем фронте против г-на Тухачевского шесть дивизий пехоты и две бригады конницы (8-я дивизия, 1-я Литовско-Белорусская, большая часть 3-й дивизии легионеров, 2-я дивизия легионеров, 14-я и 9-я дивизии).

Можно было бы спорить о том, следовало ли выделять шесть дивизий для столь неблагодарной службы, и, наоборот, можно было бы утверждать, как это и делали мои подчиненные, что при столь значительном протяжении фронта силы эти абсолютно недостаточны даже для тщательного наблюдения, — но факт остается фактом, и если вопрос идет о кордоне, то он был уделом только этой части польских войск. Наконец, да будет мне позволено отметить, что в сентябре того же года, когда я перешел в наступление против того же г-на Тухачевского, я нашел его войска растянутыми кордоном за прикрытием рек Немана и Щары. Он находился в состоянии обороны, а это последнее, несмотря на то что он был горячим критиком всяких кордонов и линий, принудило его принять столь же «нецелесообразную» группировку, какую он приписывал нам в мае.

Перехожу к вопросу о резервах и сразу же отмечу, что эти последние своей группировкой отрицали какой бы то ни было принцип кордона.

Начиная в апреле месяце наступление на южном фронте на Украине, я старательно рассчитывал, каким образом смогу оказать помощь северному фронту в случае, если бы он был атакован. На этом вопросе — возможности контратаки со стороны противника — я останавливался неоднократно, причем мое мнение расходилось с мнением моих ближайших сотрудников. А именно: ген. Галлер, тогдашний мой начальник штаба, полагал, что контрнаступление должно произойти в том же самом районе, где мы переходили в наступление. По его мнению, именно на юге тогда были сконцентрированы крупнейшие силы противника, которые ликвидировали деникинский фронт, где нарастала новая опасность в виде крымской попытки Врангеля. Поэтому ему казалось вполне логичным, чтобы оттуда ожидать и контрудара, в неизбежности которого мы вообще не сомневались. Что же касается меня лично, то я склонялся к тому мнению, что контрнаступления следует ожидать на том фронте, где концентрация наших войск слабее. Если бы я избрал для весеннего наступления северный фронт — контратаки ожидал бы на юге; избравши же юг, я больше считался бы с ударом противника на севере. Поэтому тем более я должен был старательно рассчитать, чем буду парировать удар противника.

В силу этого в резерве на северном фронте были представлены: в районе Осиповичей — 6-я пехотная дивизия

как резерв 4-й армии; в Полесье, в состав той же 4-й армии, направлялась 16-я дивизия; обе эти дивизии были переданы в полное распоряжение командующего 4-й армией ген. Шептицкого. Далеко в тылу, в Лиде, была расположена 17-я дивизия, которую я оставил в своем непосредственном подчинении.

Рядом с этим на наблюдательном фронте против Литвы, где не было никаких боев, в нашей 7-й армии я имел две дивизии, из состава которых постоянно находилось в резерве более чем половина дивизии; силы эти были пригодны для использования их в любой момент в каком-либо ином направлении. Таким образом, на одном только северном фронте я мог рассчитывать как на резерв на три с половиной дивизии. Если же исключить 16-ю дивизию, которая немедленно была втянута в развивавшиеся в Полесье бои, то останется две с половиной дивизии.

Составляло это почти половину сил, растянутых в оборонительном кордоне, противопоставленном г-ну Тухачевскому; находились же эти дивизии настолько далеко, что не могли оказаться в первые дни наступления г-на Тухачевского под его ударом и были, вопреки его мнению, пригодны для переброски их в направлении, совершенно свободно выбранном его противником.

Еще в большей мере это относится к резервам, более удаленным и более глубоким.

Значительно дальше, в глубоком тылу, я имел 11-ю дивизию, которая находилась в стадии реорганизации, а также формирующуюся так называемую 7-ю резервную бригаду трехполкового состава. Таким образом, в глубоком резерве, недоступном для г-на Тухачевского, мы имеем уже около пяти дивизий, т. е. силы, почти что равные тем, которые находились в кордоне.

Мало того, при разработке плана наступления на Украину мною было приказано стягивать, начиная уже с третьего дня операции, в мой непосредственный резерв 4-ю дивизию в Коростень, а с четвертого дня операции — 15-ю дивизию в Казатин и Бердичев, что же касается еще одной дивизии, которую я хотел иметь готовой для отправки на место ожидавшегося контрудара, а именно — 5-й, то я ставил это в зависимость от степени реорганизации 18-й дивизии, которая в первые дни операции была отведена в резерв, ибо реорганизация ее являлась необходимой. Дело в том, что в равной степени как 11-я, так и 18-я дивизии, формировавшиеся в Италии и Франции, были укомплектованы пленными старых возрастов. Это

столь отрицательно отражалось на моральном состоянии этих двух дивизий, что без проведения реорганизации они были непригодны для боя.

Подчеркиваю, что действительно для парирования майского наступления г-на Тухачевского 4-я, 15-я и половина 5-й дивизии прибыли своевременно.

Итак, резервы, на которые я рассчитывал, ожидая контрнаступления, мною исчислялись к началу наступления на Украину в количестве восьми дивизий. Из них две могли быть использованы для усиления угрожаемого фронта и для попыток задержать противника, а шесть или пять можно было использовать для формирования ударной группы, которая могла бы действовать в любом пункте или направлении.

Поэтому-то мне и кажется несправедливой сделанная г-ном Тухачевским оценка нашей стратегической группировки. Я склонен допускать, что эта ложная оценка вытекает из сравнительно узкого поля наблюдения г-на Тухачевского, который выводы относительно всего польско-советского фронта предоставлял делать своему начальнику — главнокомандующему. Оправдание это в моих глазах, однако, недостаточно, ибо сам г-н Тухачевский пишет, что главная роль в войне с Польшей планом главнокомандующего отводилась ему и находившимся под его командованием войскам. А в этом случае обязанностью г-на Тухачевского было более широко охватить как свою задачу, так и те расчеты, которые он должен был производить. Майское наступление г-на Тухачевского не увенчалось успехом и совершенно было парировано не посредством чего-либо другого, а именно посредством сосредоточения из глубоких резервов всех указанных мною сил¹, что прямо-таки идет в разрез с рассуждениями г-на Тухачевского.

Вопрос о кордоне и линейном расположении войск заслуживает, по моему мнению, дальнейшего его рассмотрения — мы еще встретимся с ним и при дальнейшем анализе операций 1920 года. В течение прошлой войны я, как

¹ По какому-то странному стечению обстоятельств критика г-ном Тухачевским нашей стратегической группировки почти совершенно совпадает со многими поверхностными, но зато очень публицистическими критическими выводами относительно моего командования, сделанными польскими стратегическими силами, которые никогда ничем не командовали, или же теми, которые командовали, но скверно. Мысль эта неоднократно появлялась у меня при чтении труда г-на Тухачевского.

и г-н Тухачевский, был принципиальным противником кордона. Выхода из всякой обстановки я всегда искал посредством маневра, иногда, как это утверждают, что и сам я признаю, весьма смело сконструированного и требующего как со стороны командующего, так и со стороны войск большого напряжения моральных и физических сил. По моему мнению, именно благодаря применению маневра я привел нашу двухлетнюю войну к счастливым для нас результатам. Я не хочу, однако, утверждать, что наблюдения г-на Тухачевского относительно нас не имеют известного обоснования, когда он свои планы и предположения в значительной степени выводит из нашей склонности к кордонам и линиям. Вопрос заключается в том, что все польские командиры, не исключая и меня, начиная войну с Советами, находились под впечатлением и влиянием продолжительной позиционной войны, являвшейся подтверждением победы линейной стратегии над устарелой, казалось, стратегией живого движения и маневра. Если мы посмотрим на множество оперативных приказов, изданных нашими командирами в течение 1919 года и, наверное, даже в 1920 году, то увидим, что эти приказы пестрят от множества линий рек, речек, озер и даже ручейков, как основы стратегического мышления. Неоднократно при просмотре представляемых мне донесений, при чтении копий разных приказов и, наконец, при разговорах, которые мне приходилось иметь с подчиненными об обстановке, вспоминались мне веселые анекдоты тех времен, когда я командовал еще бригадой легионеров. Мы часто смеялись тогда, сидя в окопах, над всякими опасениями и тревогами наших соседей, австрийцев, по поводу ста- или двухсотметровых, удобных для прорывов мест, которых не захотел укрепить ленивый легионер.

Знаю также хорошо, что подобные опасения и тревоги овладевали многими из наших командиров, когда отсутствовала уверенность, что в каком-либо направлении, хотя бы и наименее правдоподобном, противник не встретит хоть какого-нибудь, хотя бы самого малого, сопротивления.

По этой причине карты подробного расположения войск выглядели всегда чрезвычайно богато снабженными разными «заставами» и «постами», неуклонно растягивающими войска в ничтожные кордоны. Если же мы возьмем громадное, тысячекилометровое, протяжение фронта и сопоставим его с количеством войск, которое на этом пространстве можно было выставить, — легко будет по-

нять, сколько удобных для прорывов мест, уже не ста- и не двухсотметровых, но значительно больших, должно было будить тревогу и убеждение в своем бессилии среди командиров, не способных отрешиться от линейных понятий. Вследствие этого-то в донесениях и рапортах чаще всего повторяющейся фразой, обращенной ко мне, как к главнокомандующему, была просьба о предоставлении помощи для устранения тревог и опасений. Вследствие этого-то возникали беспрестанные советы, которые я выслушивал в течение войны: «Faites une ligne forte»¹, — как выводы наиболее знающих и наиболее опытных зна-токов войны.

Эти привычки мысли, эти тревоги, я уверен, не могли не отразиться и на деталях расположения наших войск, которые видел г-н Тухачевский. Повторяю, однако, что, когда в конце апреля он задумал обосновать свой план действия на такой именно кордонной болезни, он совершил ошибку, которая отомстила ему неудачей широко задуманного наступления. К анализу именно этого наступления я и перехожу теперь.

III. МАЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

На майской наступательной операции г-н Тухачевский, как я уже указывал, останавливается весьма ненадолго. Он дает только ее общую обрисовку, уклоняясь от всяких подробностей, как будто бы они не имели большого значения. Однако тут он противоречит сам себе, так как говорит, что план операции предусматривал прорыв через «Смоленские ворота», поражение левого фланга польской армии и оттеснение остатка ее сил на Пинские болота. Итак, план предусматривал широкую операцию и намечал полное уничтожение нашего фронта и устранение его из дальнейшей игры почти до Припяти. Следовательно, это была операция не малого значения.

В истории нашей войны эта операция сыграла действительно свою выдающуюся роль. Прежде всего, она перетянула большую часть наших сил (до четырех дивизий) на северный фронт, что, естественно, отозвалось на всем дальнейшем ходе войны. Затем, являясь как бы репетицией большого июльского наступления Советов, она дала много знаний и опыта войскам обеих сторон, и мне неприятно от-

¹ Образуйте укрепленную линию. — *Фр.*

мечать, что этот опыт был использован нашими противниками с большим умением, чем нашими войсками. Наконец, в отношении нашего противника она оказала то влияние, что на нее была израсходована значительная часть его физических и моральных сил, что нетрудно нам будет усмотреть при анализе первого периода июльского наступления. Поэтому-то я хотел бы несколько задержаться на естественно возникающем вопросе, который я не раз задавал себе как во время войны, так и после нее: из каких, собственно, соображений было предпринято это первое, как бы пробное, наступление? Этот вопрос является тем более естественным, что, как мы знаем, начато оно было до окончания намеченной концентрации сил, так что, согласно произведенному мною подсчету, противнику недоставало более чем одной трети сил, предназначенных для главной боевой операции.

Я хорошо помню тот момент, когда были получены первые сообщения об ожидавшейся мною контратаке на северном фронте. Телеграмму об этом я получил в Житомире перед самым отъездом в Варшаву; факт этот, как я уже говорил, почти что заранее был мною учтен. Более того, еще за неделю до этого я вызвал в Калинковичи ген. Шептицкого и там обсудил с ним мой план расширения и на север нашего удачного южного наступления. Я думал тогда о нанесении удара из Полесья на Речицу (что в то время фактически и выполнялось), и одновременно в направлении на Жлобин и Могилев. Я полагал, что, имея 4-ю дивизию в резерве на юге и значительный перевес сил в Полесье (9, 16, 14-я дивизии), можно попробовать ликвидацию концентрации, начинавшейся в направлении, которое г-ном Тухачевским названо игуменским и на которое обращал мое внимание ген. Шептицкий. На южном фронте было тогда затишье, так как обе оперировавшие там советские армии были сильно нами побиты, а приближавшейся к нам конницей Буденного, признаюсь откровенно, я пренебрегал.

Ввиду изложенного, когда на Житомирском вокзале начальник моего штаба ген. Галлер принес мне в вагон только что полученную телеграмму, я сразу пустил в движение то, что уже заранее мысленно подготавливал. Я тотчас же приказал протелеграфировать ген. Шептицкому, чтобы он принял пока что командование и над 1-й армией, передал в его распоряжение 17-ю дивизию, стоявшую в Лиде, и приказал немедленно приступить к переброске 4-й дивизии из Коростеня, а затем 15-й из Фастова. У меня мелька-

лю в голове намерение начать контратаку сразу на обоих флангах: со стороны Полесья и со стороны крайнего северного фланга. Самый факт наступления г-на Тухачевского не вызвал во мне ни на мгновение какого-либо беспокойства, ибо отступление 1-й армии из-под Глубокого, о чем сообщали мне прочитанные телеграммы, не было для меня чем-либо значительным, так как, признаюсь с сожалением, Ореховно я никакого значения не придавал, а «ворот» ни Смоленских, ни каких-либо иных я там не усматривал.

По приезде в Варшаву я нашел новые телеграммы, звучавшие более тревожно, — телеграммы ген. Шептицкого, который полагал, что положение является весьма серьезным, и требовал по возможности ощутительной помощи. К такого рода телеграммам я был достаточно приучен, и все-таки, о чем в настоящее время сожалею, я значительно сократил размах моего контрудара. А именно: я отказался от более глубокой контратаки со стороны Полесья и, ввиду тревожных донесений ген. Шептицкого, решил обеими дивизиями, прибывающими с юга, подкрепить прежде всего Минск, который, по мнению ген. Шептицкого, был прежде всего угрожаем со стороны Игумена. Таким образом, контратака могла быть произведена единственно по западному берегу Березины, а не по восточному, как это я был намерен сделать ранее.

Открыто признаюсь, что тогда, при чтении телеграмм, я не видел никакого повода для беспокойства и, в частности, наступление главных сил г-на Тухачевского в направлении на Молодечно меня тревожило менее всего. Я даже выжидал несколько дней для определения места сосредоточения войск для контрудара в восточном направлении. Я не мог в то время уяснить себе, каковы, собственно, намерения неприятеля, и ввиду этого я не был уверен, является ли возможным и достаточно безопасным сосредоточение в районе Свенцяи. К тому же ген. Шептицкий не облегчил мне задачу, так как в его телеграммах, как я уже указывал, очень много места занимали мелкие происшествия в районе Игумена, которые, казалось, беспокоили его гораздо более, чем что-либо иное. Ну а те данные, которые сообщали мне из войск, сражавшихся с главными силами г-на Тухачевского, звучали для меня весьма успокаивающе. Судя по этим данным, мне казалось, что после первого относительно сильного удара противника сила его наступления значительно уменьшилась и как бы расплылась в попытках наступать в самых различных направлениях. Систему работы г-на Тухачевского я в то время объяснял себе

следующим образом: или все эти атаки имеют только местный характер, не имея более серьезного значения, или же неприятель ориентируется после первого успеха, выбирая пути для дальнейших действий. Действия г-на Тухачевского были в то время столь неопределенны, что уразуметь их действительную цель я был не в состоянии. Из донесений же моих подчиненных я не мог ее достаточно выяснить и признаюсь, что по прибытии в Варшаву я до принятия решения в течение нескольких дней колебался.

Ибо, если неприятель, как я рассуждал в одной из своих гипотез, имел намерение произвести наступление местного значения — на Игумен и Глубокое, с целью принудить меня заняться более севером, чем югом, я чересчур сыграл бы ему на руку, поведя большими силами контрнаступление единственно местного значения, я бил бы, таким образом, как бы впустую. Я очень сожалел в то время, что дал себя, так сказать, спровоцировать ген. Шептицкому благодаря игуменским его страхам и чересчур сузил намеченную ранее задачу контрудара. Наоборот, если бы неприятель действовал, как мне казалось по второй гипотезе, выжидательно, единственно с целью выяснения обстановки и выискивания при помощи предварительных боев путей и способов для дальнейшего развития своих действий, — я опасался бы слишком рано выбросить свои резервы для действий в обоих пунктах неприятельского выхода, так как, судя по тревожным и беспокойным сведениям, которые я усматривал в представлявшихся мне донесениях, после прибытия резервов должно было бы последовать раздробление удара. Ген. Шептицкий уже начал действовать этим способом. 6-я дивизия, которую он имел в резерве, была уже частью израсходована в боях под Игуменом, частью же совершала марш на левое крыло всего стратегического расположения.

В конце концов я решил сформировать особую армию в районе Свенцяи, с тем чтобы она могла быть использована независимо от местных тревог и беспокойств. Сосредоточение должно было происходить под прикрытием 8-й дивизии, которая отступила из-под Полоцка. Для этой так называемой резервной армии я предназначил все части войска, вызванные из глубоких резервов. От Минска же я приказал ударить силами, подходившими с юга. Я поставил себе целью только местную ликвидацию наступления, идущего в направлении из Молодечно, для того чтобы после завершения этой местной операции я мог бы всю бывшую 1-ю армию, минимум три дивизии, отвести в резерв

и, таким образом, получить полную свободу дальнейших действий в любом направлении.

Из этого моего объяснения становится очевидным, что в действиях неприятеля было нечто такое, что делало для нас довольно трудным ясное их понимание. В истории войн такие недоразумения встречаются часто, так как на войне действия происходят в атмосфере опасности и неизвестности, как говорит старый Клаузевиц.

Однако в описываемой мною операции всегда, как мне казалось, были черты, делавшие из нее ту комедию ошибок, о которой я перед тем говорил. Даже после окончания операции, когда я объединил все свои впечатления, у меня все-таки осталось что-то невыясненным, что-то, что мне все время твердило, что неприятель сам хорошо не знал, что он делает. И когда уже после окончания войны, разбирая этот ее эпизод, я старался объяснить действия г-на Тухачевского, у меня всегда являлось предположение, что единственной причиной этого, как я называл, пробного наступления было желание выравнять шансы войны путем устранения какой угодно ценой того морального эффекта, который был произведен нашим неожиданным и успешно проведенным наступлением на Украине. Поэтому-то я с огромным любопытством искал у г-на Тухачевского, как и у г-на Сергеева, объяснения этой загадки.

Увы, оба они очень сильно расходятся в мнениях по этому вопросу. Г-н Сергеев очень близок к моей гипотезе и довольно дает следующее объяснение: «Инициатива наступления принадлежала полякам. Широко развившееся движение польской армии на Юго-Западном фронте, захват Киева и переправа через Днепр застали войска Западного фронта еще неготовыми к переходу в наступление, некомплектованными, плохо снабженными, почти без обозов и крайне малочисленными. Но ответить ударом на удар и отвлечь внимание поляков от Юго-Западного фронта было необходимо, и вопрос о наступлении Западного фронта был определенно решен в штабе Главкома. Направление удара определилось не сразу. В центре сначала склонились к нанесению удара вдоль северной части Полесья, от Мозыря на Брест-Литовск».

Г-н же Тухачевский утверждает, что главной причиной перехода от обороны к наступлению было впечатление, что поляки сами находятся накануне перехода в наступление. И вот, дабы не дать возможности неприятелю втянуть главные группировки сил в навязываемые им действия, было решено перейти в наступление 14 мая. Ввиду указа-

ния этих столь противоречивых мотивов я не нахожу для себя возможным разрешить историческое положение дела по существу. Однако я склонен допустить, что г-н Сергеев более прав, чем г-н Тухачевский.

Но, несомненно, г-н Тухачевский, в соответствии со своим темпераментом вождя, расширил значение поставленной ему оперативной задачи и, переходя в наступление, поставил себе цель, столь же далекую, как и впоследствии, при выполнении главной операции, когда он был значительно сильнее и в численном отношении, и в отношении технических средств. В этом откровенно признается и сам г-н Тухачевский. Несмотря на недостаточность сил, он не хотел ограничиться малыми задачами и стремился к их максимальному расширению, искал решительных ударов, считая прибывающие во время операций войска резервами. Читатель припомнит, вероятно, смелые планы г-на Тухачевского разгрома нашего левого крыла и оттеснения остальных сил в Пинские болота.

При так намеченном наступлении должно казаться странным, что действия советских войск не были с нашей стороны поняты именно таким образом. Ни в одном донесении обоих командующих армиями, сражавшихся с нашей стороны против г-на Тухачевского, нет ни следа объяснения действий советских войск, сходного с тем, какое дает г-н Тухачевский. О своих колебаниях и о своих гипотезах, основанных на наблюдении за боевой работой моего противника, я уже говорил выше.

Откуда же это странное недоразумение? Откуда же эта комедия ошибок?

Г-н Тухачевский в своем описании этого дела так скуп на факты и данные из своей майской операции, что с трудом удастся воссоздать историю действий подчиненных ему войск. Значительно более богатым подробностями и значительно более точным является труд г-на Сергеева, который посвящает в нем две длинные главы анализу боевых действий во время этой операции и в приложениях приводит свой доклад от 12 июня, излагающий кратко опыт, полученный им во время неудачного майского наступления.

Читатель, вероятно, помнит основные черты маневра, который г-н Тухачевский хотел выполнить: прорыв «Смоленских ворот» у Ореховно и захождение правым плечом главной массой войск на девяносто градусов в целях изменения западного направления наступления на северо-западное. Этот маневр, по существу вещей, требует много времени, так как при захождении для перемены направления

правому флангу приходится описать относительно большую дугу, в то время как левый вынужден стоять на месте или же двигаться медленно, выжидая выравнивания линии фронта войск для совместного оперирования в новом направлении. Естественно также, что, чем больше войск участвует в таком маневре, тем больше он потребует времени. Такой маневр имеет и еще иные неудобства. Предоставляя противнику выигрыш во времени, он одновременно подвергает заходящее крыло, в данном случае правое, опасности удара путем захвата — если применю здесь обычное выражение — *in flagranti* (на месте преступления) маневрирующего еще противника. Поэтому-то здесь является необходимым прикрытие маневра особо выделенными для этой цели силами. Вот что пишет об этой операции г-н Сергеев: «Таким образом, на обеспечение фланга нам пришлось израсходовать около трети всех сил; но этих сил оказалось далеко не достаточно для парирования сильного контрудара поляков».

Чтобы дать читателю представление о времени, которое понадобилось для выполнения маневра г-на Тухачевского, укажу даты по труду г-на Сергеева. Наступление началось утром 14 мая, и лишь утром 18 мая, следовательно, четыре долгих дня спустя, началась группировка, соответствовавшая намерениям г-на Тухачевского. Тогда только именно 6-я советская дивизия, находившаяся на крайнем правом фланге, была снята с прежнего направления и поставлена в качестве резерва для дальнейших операций за правым флангом той части армии, которая должна была вести операцию уже в измененном на девяносто градусов направлении, и только утром 19-го 53-я дивизия получает приказ охранять угрожаемый с запада фланг. *Итак, четыре или пять дней я выиграл не по причине действий наших войск, а только благодаря сложному маневру, предпринятому г-ном Тухачевским, который вследствие этого не мог использовать это время для преследования нашей отступавшей 1-й армии*¹. Это был как раз тот период времени, когда, возвратившись из Житомира в Варшаву, я колебался, не будучи в состоянии понять действий моего противника. Тем временем мои резервы, как из глубоких тылов, так и с Украины, двигались в десятках поездов и быстро приближались к назначенным пунктам для проведения еще только намечающейся контратаки.

¹ Курсив здесь и далее редакционный.

При анализе начала операции более крупного масштаба — операции июльской я буду иметь случай еще раз вернуться к этой навязчивой идее г-на Тухачевского и надеюсь доказать тогда верность моих слов, *что в географии и в геометрии имеется много капканов* для командующих. Здесь ограничусь лишь констатированием того факта, что наша контратака выиграла во времени и силе благодаря маневру, которым г-н Тухачевский, по-видимому, гордится. Я не мог читать без некоторой усмешки строки: «Наше наступление быстро и стремительно стало развиваться; 15 армия без затруднения проделала заворот в Смоленских воротах». Странное противоречие имеется в этой фразе: «быстро» — когда теряется несколько дней, отданных противнику; «стремительно» — когда значительная часть армии топчется мелким шажком на неупотанной земле, выжидая выравнивания заходящего крыла, которое одно только находится в движении, но не имеет соприкосновения с неприятелем; от последнего, кроме того, она должна охраняться путем выделения все больших сил из состава главной операционной группы. Этот воображаемый узел «Смоленских ворот» в Ореховно, этот геометрически начерченный маневр наглядно свидетельствует об абстрактности стратегического мышления моего уважаемого противника в 1920 году. Я не хочу сказать, что благодаря этому майская операция г-на Тухачевского оказалась относительно легко разбитой и сведенной к нулю, но, несомненно, благодаря этому были созданы условия, великолепно облегчившие отражение попыток осуществить простиравшиеся так далеко намерения г-на Тухачевского. Главной его ошибкой, которая уже почти что заранее обрекла г-на Тухачевского на неудачу в его больших планах, была ошибка в подсчете своих сил и сил противника, в подсчете, сделанном без другого хозяина войны, которым всегда является вождь противной стороны. Расчет был сделан в надежде найти у нас кордонное и линейное расположение войск в чистом виде, а на самом деле все намерения и план разбились и оказались сведенными на нет посредством глубоких и подготовленных мною заранее резервов, совершенно не затронутых вступительными действиями г-на Тухачевского. Поэтому-то с полной решительностью оспариваю право г-на Тухачевского гордо говорить: «Успех был настолько решителен и настолько неожидан для поляков, что их главное командование проявило определенную неустойчивость и начало переброску сил с Юго-Западного на Западный фронт»... Из моего предыдущего точного исторического изо-

бражения положения дел видно, что г-н Тухачевский после неудачной операции не имеет никакого права на это довольно кислое утешение.

Такое же более или менее недоразумение я усматриваю при анализе завершения наших контрдействий в первых числах июня. Г-н Тухачевский, встревоженный возможностью новой потери столь возлюбленных им «Смоленских ворот», вынужденный отовсюду отступать, организовал в конце операции оборону этой обетованной земли. И вновь он возносит великие заслуги своей 18-й дивизии, которая вблизи Германовичей обороняла 7 июня подступы к Ореховно.

В этом бою, согласно показаниям г-на Сергеева, дивизия потеряла до 70% своего состава и вынуждена была отступить. Но зато, пишет г-н Тухачевский, противник потерял способность к дальнейшим решительным действиям, и взлелеянное в его мечтах Ореховно осталось в руках г-на Тухачевского. Это, добавляет г-н Тухачевский, был переломный момент в операции. Между тем в действительности с нашей стороны ничего подобного не было. Прежде всего мне, пожалуй, не потребуется еще раз доказывать, что в продолжение всей операции мне ни разу не приходило в голову завидовать г-ну Тухачевскому в обладании им в Ореховно великими историческими «воротами», называемыми «Смоленскими». Не из-за них я сражался. Главной и единственной целью было закрытие ворот совсем иных. Для меня было важно сомкнуть у истоков Березины и Вилии, при выходе из-за обширного болотного пространства, два фланга моих контратакующих с юга и с запада войск, ибо таким образом отрезались все пути отступления прорвавшимся до Молодечно главным силам г-на Тухачевского, а вдобавок вся подорванная в своей силе наша 1-я армия механически выходила в резерв. План этот мне удался только отчасти, так как скорость ударов обеих контратакующих групп была в течение всей операции слишком неравномерна.

Ген. Соснковский, идя со своей резервной армией от Свенцяи и Постава, ударил быстро и решительно. Наоборот, Южная группа, шедшая от Минска параллельно берегу Березины, двигалась значительно медленнее и методичнее.

Предвидя это заранее, я назначил начало наступления Южной группе на целый день раньше. Однако, как только неприятель заколебался, 1-я армия перешла из-под Молодечно во фронтальную контратаку и во фронтальном же преследовании дошла до болот Березины значительно рань-

ше, чем Южная группа успела пройти дороги, ведущие к ним. По этой причине части 1-й армии оказались втянутыми в общую линию фронта, уменьшая, таким образом, имевшийся в моем распоряжении резерв.

С момента подхода к этим болотам я приказал приостановить действия, вовсе не будучи вынужден к этому противником. При выборе же общей линии фронта я руководствовался главным образом двумя мотивами, которые как раз были противоположны какому-либо желанию конкурировать из-за «Смоленских ворот».

Во-первых, я искал возможности включить в свой фронт самое большое количество болотистых пространств, дающих экономию живой силы при занятии передовой линии и облегчающих увеличение резервов. Во-вторых, я хотел иметь как можно менее труда при охране левого фланга, охране, которая должна была растянуться вдоль Двины. Это последнее я признавал более важным, чем держать под близким наблюдением Полоцкий железнодорожный узел, что, конечно, имело также немалое значение. Выслушав по этому вопросу мнения обоих командующих, ген. Сосновского и ген. Шептицкого, — мнения, как всегда в таких случаях, противоречивые, обусловленные личными впечатлениями и частными интересами, — я высказал свое решение и приостановил всякое дальнейшее преследование.

Я привожу здесь этот исторический факт не для того, чтобы опорочивать мнение г-на Тухачевского, что приостановку нашего удара следует приписать действиям именно его войск, ибо суждения такого рода естественны и являются обычными в историях войн, они сплошь да рядом встречаются в рапортах командующих, которые после проигранного боя сумели задержаться, не преследуемые дальнейшим натиском неприятеля. Это хотя и маленькая, но характерная иллюстрация тех трудностей, какие вырастают перед каждым командующим при попытках обрисовать обстановку и намерения противника.

Выводы г-на Тухачевского из майской операции сводятся к трем пунктам: один касается морального состояния его войск, которое будто бы значительно поднялось; другой пункт говорит об уменьшении наших сил на юго-западном фронте, что облегчило положение противника, и, наконец, третий, рассматриваемый г-ном Тухачевским как важнейший, — это занятие излюбленных «Смоленских ворот». Оставляя пока в стороне третий пункт, о котором я буду иметь еще случай высказаться при рассмотрении июльской операции, я останавлиюсь несколько на первых двух пунк-

тах, противопоставляя тогдашнюю мою оценку оценке обстановки г-ном Тухачевским.

Удовлетворение г-на Тухачевского по поводу морально-го улучшения подчиненных ему войск связано с его оценкой морального состояния тех дивизий, которые дрались с нами в течение 1919 года — до прибытия г-на Тухачевского. Он говорит, что эти войска не внушали ему большого доверия, так как вследствие боевых неудач они отличались некоторой неуверенностью и убеждением в своей слабости по сравнению с польскими войсками. Признаюсь, что не совсем понимаю, каким, собственно, образом явные неудачи майской операции могли повлиять на указываемое повышение морального состояния. Сомневаюсь, чтобы в рядах Красной Армии любовь к «Смоленским воротам» была бы настолько всем понятна, что несчастное Ореховно могло заслонить как потери, понесенные войсками, так и впечатление проигранного сражения. Поэтому-то совершенно иначе пишет об этом г-н Сергеев, являющийся более точным наблюдателем армии. По его данным, в 53-й дивизии после боев осталось 1500 штыков, в 12-й — 1200, в 18-й — 2000, тогда как перед началом операции они имели: 53-я дивизия — 3157, относительно 12-й данных не имею, 18-я — 5000 штыков. Соответственно с этим г-н Сергеев утверждает, что 53-я и 12-я дивизии были настолько потрясены тяжелыми боями, что несколько раз откатывались назад почти в панике при самом незначительном нажиме со стороны противника. Упадок боевого духа давал себя чувствовать и в 18-й дивизии. Затем он прибавляет, что при организации армии для новой операции Тухачевский приказал самые лучшие дивизии из числа тех, которые принимали участие в майской операции, оставить в 15-й армии, а «слабые численно и морально потрясенные дивизии (53, 12, 6 и 56-я) передать в соседние, вновь формирующиеся армии».

Это свидетельство в совершенно ином освещении представляет тот моральный выигрыш, о котором пишет г-н Тухачевский. Отражение этого «поднятия морального состояния» усматривается в начальных действиях главной операции в июле этого же года. Признаюсь, что с этой точкой зрения, думаю, правильнее засчитать в актив на польской стороне, и утверждаю, что наступление г-на Тухачевского, предпринятое до окончания сосредоточения, с целями, поставленными чрезмерно далеко для собранных сил, в результате исчерпало физические и духовные силы войск, принимавших участие в этой операции. Что же касается второго пункта, то, по моему мнению, г-н Тухачевский в

своих выводах слишком узко поставил этот вопрос, говоря о влиянии майской операции на общее стратегическое расположение нашей армии. Операция эта имела более глубокое значение. Что касается уменьшения наших войск на участке фронта южнее Припяти, то оно было незначительно, и если оттуда были сняты две с половиной дивизии (4-я, 15-я и половина 5-й — эта последняя прибыла к самому концу нашего контрнаступления), то почти сейчас же на этот фронт были направлены 3-я дивизия легионеров и три вновь сформированных резервных полка, так что уменьшение было едва лишь на одну неполную дивизию. Значительно большее значение имело введение в боевую линию всех глубоких резервов и расположение ген. Шептицким всех отведенных в резерв войсковых частей на расстоянии едва лишь 15—30 километров за линией фронта. Расположение войск, таким образом, приобретало форму того кордона, на котором базировался и на слабую сторону которого рассчитывал в своих подсчетах г-н Тухачевский.

Я не хочу таким путем сваливать ответственность с себя на моих подчиненных и искать оправдания перед историей ссылками на их ошибки. Я стараюсь единственно только быть возможно более точным исторически. Будучи принципиальным противником линейного расположения войск, с его одеревенелой, трудно применимой для маневра формой, я бы, безусловно, заставил свои войска применить иной метод, если б не имел на своей совести основной ошибки в оценке обстановки во время первой половины нашей кампании в 1920 году. К этой моей тогдашней оценке я и перехожу.

Если, как я уже писал, при выезде моем из Житомира, когда г-н Тухачевский начинал свое майское наступление, я был совершенно спокоен за положение дел на юге, то за время моей работы на севере обстановка на южном фронте стала изменяться не в нашу пользу. Во время своего отъезда, в середине мая, я имел перед собою на этом фронте две советские армии: 12-ю и 14-ю. Первая из них была мною настолько сильно разбита во время наступления, что уже до конца войны не могла подняться до такого морального уровня, чтобы стать для нас опасной. Во всяком случае — что в то время я записывал себе на приход, — должно было пройти много времени, прежде чем она стала бы способной без прилива новых и свежих сил сражаться с нами с надеждой на какой-либо успех. Вторая из них, 14-я армия, менее потрепанная, была настолько

слаба численно, что ее «под шахом» держала только одна наша дивизия (12-я). Правда, к нам приближалась конница Буденного. О ее движении я имел относительно довольно точные и верные сведения. Она совершала большой поход откуда-то из-под Ростова-на-Дону в составе четырех дивизий, причем все данные относительно их численного состава казались мне сильно преувеличенными. Как мною уже отмечалось, я в то время пренебрегал этим новым противником.

Как известно, военное значение конницы даже до 1914 года в понятиях многих падало все ниже. Ей предназначалась вспомогательная роль, как, например, разведке или охранению флангов, и никогда не предполагалось поручать ей самостоятельные, решающие задачи. Вместе с развитием силы огня в период огромных боевых запасов в Европе роль конницы попросту упала до нуля. Лошадей передали в артиллерию, кавалеристов поспешно переучили в пехотинцев. *Поэтому-то мне казалось просто невозможным, чтобы мало-мальски хорошо вооруженная пехота, с приданными ей пулеметами и артиллерией, не смогла бы справиться с конницей при помощи своего огня.* Впрочем, у меня имелось и личное воспоминание, когда в 1916 году моя бригада легионеров, стоявшая почти изолированной на фронте, уже прорванном вокруг меня, была атакована многочисленной русской конницей на полях под Костюхновкой и Волчецком. Почти без артиллерии, ибо стреляла всего одна лишь батарея, ружейный и пулеметный огонь пехоты в каких-нибудь десять минут попросту смел атаковавшую конницу, пытавшуюся помешать нашему спокойному отходу. Я не мог себе представить в те времена, чтобы могли иметь место случаи, свидетелем которых мне пришлось быть впоследствии. С равным недоверием приглядывался я к методу использования конницы чуть ли не по способу номадов, способу, сильно напоминающему старые времена, так хорошо известные нашим праотцам времена татарских набегов. Конница, проходящая, если можно так сказать, большие пространства, не имея организованных тылов, производящая людей и лошадей единственно уничтожением, подобно саранче, того, что находит на месте, влекущая за собою огнеприпасы на долгие сроки, чего не требовалось возить татарам, вооруженным дротиками и луками, — такая конница, сформированная в отдельную армию, *мне казалась и кажется еще и теперь некоей стратегической нелепостью.* Повторяю, что я не придавал ей большого значения, и ее успехи на других советских фронтах, о

чем я имел данные общего характера, я приписывал более внутреннему разложению сражавшихся с нею войск, чем действительной ценности этого способа ведения войны.

Не видел я также основания менять свое мнение даже после первых успехов конницы Буденного, которые совпали с окончанием нашего контрнаступления против г-на Тухачевского: ведь я нигде не видел разбитых ею наших войск. Первые попытки прорыва наших общих линий на восток от Казатина были отбиты частями нашей 13-й дивизии. Я вовсе не удивился и тогда, когда конница Буденного прорвала — если можно применить это не вполне соответствующее действительности определение — наш фронт, что, впрочем, было легко сделать, и оказалась в нашем, хотя и не глубоком, тылу. Я предполагал, что нам относительно легко удастся при помощи совместных действий пехоты и конницы разбить, хотя бы по частям, конницу Буденного и принудить ее к отходу. Будучи же совершенно не заинтересованным в том, чтобы упорно удерживать тот или иной участок занятой территории, я ставил себе задачей свободно маневрировать, не связывая себя удержанием какого-либо пункта того или иного куска пространства. Меня несколько беспокоила сильная паника, охватившая тылы, но я не видел еще какого-либо серьезного морального влияния этих действий неприятельской конницы на войска, находившиеся на фронте.

Поэтому-то, когда при окончании нашего контрнаступления на севере я расценивал обстановку и делал окончательный вывод для своих решений, слишком легко обходя вниманием действия конницы Буденного, я решил не искать в этот момент развязки на северном фронте, а постараться возможно скорее покончить с конницей Буденного и затем уже перебросить побольше сил на север, чтобы перейти в решительное наступление там, где собирались самые большие силы противника. Не рассчитывая на быстрое, в ближайшие месяцы, приведение в порядок неприятелем своих сил на севере, где он только что потерпел поражение, я полагал, что, не приступая к реорганизации своего северного фронта, а лишь придав ему новые силы, я успею вовремя начать решительную операцию. Вследствие этого я бросил на юг одну из лучших наших дивизий — 3-ю, которая была отведена в резерв, а ген. Шептицкому поручил пока что создать фронт, казавшийся мне тогда только временным.

IV. ПОДГОТОВКА К ИЮЛЬСКОМУ НАСТУПЛЕНИЮ

После того как мною было задержано контрнаступление на севере, г-н Тухачевский начал готовить новый, более сильный удар. Глава, трактующая об этой подготовке, написана г-ном Тухачевским с большой любовью и, как видно из содержания, с основательным знакомством с этой подготовительной работой и ее результатами. Действительно, нужно признать, что работа велась с большим размахом и с большой затратой умственных усилий и энергии. В книге г-на Сергеева также можно заметить, что г-н Тухачевский умел своей энергией и настойчивостью, направленной к определенной цели работы, заразить и своих подчиненных. Это прекрасное проявление воли всегда будет свидетельствовать о способностях г-на Тухачевского как полководца, способного на смелые решения и на энергичное их выполнение.

Я останавлиюсь несколько на некоторой части решений г-на Тухачевского по организационным вопросам, так как это имело большое влияние на его военную работу; в этом случае я главным образом основываюсь на данных, почерпнутых мною из книги г-на Сергеева. А именно: речь идет о распределении сил и средств между отдельными армиями, которое было произведено г-ном Тухачевским во время подготовки к решительным операциям, законченным под Варшавой. Г-н Тухачевский весьма определенно одну из армий, а именно 15-ю, поставил во всех отношениях в привилегированное положение.

Я уже раньше отметил, что г-н Тухачевский не был хорошего мнения о тех дивизиях, которые уже целый год сражались на нашем фронте и приобрели в течение этого года известное, если можно так сказать, почтение к противнику. Они проявляли в отношении к нам известную робость. Ни одна из этих дивизий не была назначена в 15-ю армию, а большинство из них было включено в состав 16-й армии, стоявшей против нашей 4-й армии на Березине. Уже этим самым Тухачевский обрекал направление Игумен, Минск на второстепенную, подчиненную роль. То же самое он сделал и с полесским фронтом, где им были оставлены минимальные силы, истощенные перед этим продолжительными и безуспешными боями. Теперь, после неудачи майской операции, он выбросил наиболее морально потрепанные дивизии в 4-ю армию, которая должна была действовать севернее 15-й, и в 3-ю армию, расположенную южнее той же избранной 15-й армии.

По словам г-на Сергеева, это привилегированное положение сказывалось и на снабжении 15-й армии, которая в значительно большей степени была обеспечена вспомогательными средствами. Были ли это средства связи, или перевозочные средства в виде собранных повозок, или же, наконец, снабжение отдельных дивизий техническими средствами — всегда 15-я армия получала больше всех по сравнению с другими. Даже несмотря на то что г-н Тухачевский собирал на своем крайнем северном фланге большой отряд кавалерии, именуемый 3-м конным корпусом, он не усилил его отдельной кавалерийской бригадой, а оставил ее при 15-й армии.

Такая постановка вопроса заранее, если можно так сказать, предreshала, что в планах г-на Тухачевского главная роль отводилась армии, поставленной в столь явно привилегированное положение. Отмечая это, я совершенно не думаю этого критиковать, ибо, ясное дело, полководец, составляя свои планы и проекты, должен иметь полное право выбирать войска в соответствии с поставленными им задачами и снабжать их средствами, отвечающими этим задачам. Мне, однако, этот факт бросился в глаза, *ибо из хода операции русских в том виде, как я ее наблюдал с противной стороны, я всегда приписывал наибольшую роль самой северной, 4-й, армии.* Поэтому-то я с известным интересом следил за описанием развития неприятельской операции, ища всюду участия в ней привилегированной 15-й армии, а также причин, благодаря которым у меня сложилось впечатление, не соответствующее, как оказалось, намерениям и целям командующего неприятельскими войсками.

Помимо этого замечания я хотел бы еще только отметить энергичное проведение подготовительных мероприятий для возможно быстрого восстановления железных дорог вслед за продвигавшимися вперед войсками. Проявленная в этом отношении г-ном Тухачевским энергия поражала меня во время операции в июле и в августе 1920 года. Достаточно указать, что после одержанной мною победы под Варшавой я нашел в Малкино — станции, расположенной в 80 километрах от Варшавы, — вагоны широкой колеи, оставленные противником при поспешном отступлении.

Это быстрое продвижение вперед, с восстановлением железных дорог и открытием по ним движения после произведенных нами сильных разрушений, составляет одно из видных качеств нашего противника, и, несомненно, в

значительной степени он этим обязан и предусмотрительности г-на Тухачевского.

При оценке положения противной стороны перед своим главным наступлением г-н Тухачевский так скуп на слова, что мне в конце концов кажется неправдоподобным такое малое внимание к этой столь необходимой работе. Мне кажется, что эта лаконичность является результатом двух обстоятельств. Во-первых, г-н Тухачевский не пишет истории и не пытается даже соблюдать историческую точность; во-вторых — что, мне кажется, соответствует действительности, — г-н Тухачевский оценивал положение перед началом нового наступления в июле через ту же призму, что и в начале мая. Он ставил себе ту же цель, хотел работать теми же методами и... даже идти теми же путями. Разницу он видел только в том, что на этот раз он был сильнее и имел больше средств для выполнения своих планов. *Он производит на меня впечатление полководца, склонного к абстрактному мышлению, но наделенного волей и энергией и редко встречаемым у людей упорством в работе согласно намеченным им самим методам.* Такие полководцы редко бывают способны на более широкий анализ, ибо связывают себя, если можно так сказать, всем своим существом единственно только со своей задачей, но зато представляют гарантию того, что взятую на себя работу они выполнят без колебания. И если г-н Тухачевский для этой исключительной поглощенности самим собой может найти оправдание в том, что в войне с Польшей на него была возложена главная роль, то, однако, — повторяю это еще раз — нежелание или неумение анализировать обстановку на всем фронте, несомненно, значительно сузило кругозор его мысли в течение всей руководимой им кампании.

Уже при анализе майской операции я указывал, что г-н Тухачевский, основывая свои действия на якобы существующем в нашем стратегическом расположении кордоне, ошибся и был разбит подготовленными мною резервами. Я полагаю, что *это же самоуглубление повлияло и на конечную неудачу всей операции, которая постигла г-на Тухачевского под Варшавой.*

Своими силами г-н Тухачевский распорядился весьма искусно, и каждый легко заметит признаки полководца большого масштаба в смелом и последовательном распределении им сил. Приняв решение согласно своим планам, связанным с любовью к «Смоленским воротам», наносить

главный удар через них, он не пренебрег ничем, чтобы ценой других участков своего фронта увеличить свои силы в решительном направлении. Поэтому-то с полной правотой он утверждает, что достиг в пункте, который сам избрал на своем правом фланге, крупного перевеса над противником. Он сосредоточил там три армии, из коих одну, именно в «Смоленских воротах», снабдил наилучшим образом и выделил в ее состав наилучшие войска. Далее, к югу г-н Тухачевский ослаблял свои силы или численно, или же путем выделения туда менее боеспособных частей. Наконец, на своем крайнем левом фланге, на Припяти, он оставил очень слабые силы, которым, несмотря на их слабость, приказал еще оказать помощь соседней к северу 16-й армии в направлении, как он пишет, Глуска. Это направление намечает действия вдоль шоссе Бобруйск — Слуцк и, следовательно, на север от Полесья.

Что же касается нас, то г-н Тухачевский излагает свое мнение кратко, говоря, что хотя мы и увеличили по сравнению с предыдущей операцией свои силы, стоявшие на линии его главного удара, однако это не носило определенного характера и сохраняло все признаки кордона и пассивности. Перевес, как совершенно справедливо говорит г-н Тухачевский, мы имели только на «маловажном левом (неприятельском) фланге» (мозырское направление), где согласно своим расчетам он расположил силы, в два раза меньшие сосредоточенных там наших сил.

Подобное распределение сил соответствует главному принципу войны, гласящему, что быть сильным — это значит быть сильным там, где решается бой. Этот принцип, столь часто всеми повторяемый, весьма редко, однако, осуществляется полководцами в действительности, ибо, несмотря на свою простоту, его применение весьма трудно, и преимущественно по причинам психологического характера. На войне, как справедливо говорил ее великий знаток Наполеон, «le simple est le plus difficile»¹. Вместо простоты обыкновенно является сложность вследствие слабости духа вождей, которые хотят быть сильными всюду, а это последнее, будучи недостижимым идеалом, в результате приводит к обратному явлению — повсеместной слабости.

Я должен признать, что этим часто встречающимся у полководцев недостатком г-н Тухачевский не обладал.

¹ Простое — это самое трудное. — *Фр.*

Должен я также признать в данном случае правильность данной им оценки стратегического расположения наших действующих против него войск.

Это действительно был кордон почти в чистом его виде. Резервы были, но, за исключением каких-нибудь одного-двух полков, все они стояли, как того и хотел г-н Тухачевский, в 10—12 километрах за передовыми частями польских войск. Более глубокими резервами, кои могли бы быть использованы для контрманевров, Северный фронт не располагал совершенно. Как мною уже упоминалось, в устройстве Северного фронта после окончания контрнаступления в начале июня я никакого участия не принимал. И хотя на мне, как главнокомандующем, в данном случае, несомненно, лежит большая доля ответственности, я ради исторической точности отмечаю, что северному фронту начал уделять серьезное внимание только незадолго перед началом наступления г-на Тухачевского, после того как мои неоднократные попытки добиться на юге победы над конницей Буденного не привели ни к каким результатам. Приблизительно под конец июня мне стало ясно, что добиться быстрого решения на южном фронте мне не удастся и что поэтому мой предыдущий план, основанный на недооценке конницы, должен быть изменен, ибо в противном случае я не мог рассчитывать на немедленное выделение войск из состава южного фронта для создания маневренной группы и для попытки нанесения решительного удара на севере.

Ввиду этой перемены в оценке мною обстановки я хочу кратко изложить мотивы, которые меня к этому привели, и вывод, к которому я пришел перед 4 июля, т. е. днем, когда г-н Тухачевский начал свою решающую операцию. Как мною уже упоминалось, я не придавал особенно серьезного значения факту нахождения конницы Буденного близ тылов известной части наших войск на Украине. Конница Буденного не проявила особенно большой активности в этой обстановке, так что, несмотря на ее нахождение уже на фланге и даже в непосредственном тылу левого фланга нашей наиболее южной 6-й армии, Казатин, где находился этот фланг, долгое время не ощущал давления находящейся весьма недалеко конной армии. Наиболее изолированной и наполовину отрезанной казалась 3-я армия, стоявшая в Киеве и его окрестностях; командующий ею ген. Рыдз-Смиглый, *игнорируя, как почти все в это время, действия неприятельской конницы, все время настойчиво требовал, чтобы легкая, как ему ка-*

залось, задача ликвидации находящейся у него в тылу конницы была бы выполнена без отступления его войск с линии Днепра. Сильнее всего пострадал, численно слабый впрочем, центральный участок фронта, которому, однако, сейчас же было выслано подкрепление в виде 3-й дивизии и трех резервных, вновь сформированных полков.

Первая моя попытка поэтому заключалась в том, чтобы объединить части для удара по коннице Буденного, пока она еще находилась между этими частями, в Житомире и его окрестностях. План этот сошел на нет. Я отдал определенный приказ ген. Рыдз-Смиглому оставить излишнюю при данной обстановке стоянку в Киеве и отступить со своими главными силами вдоль шоссе Киев — Житомир, нанеся таким образом удар по главным силам Буденного около Житомира. В этом случае он мог бы быть поддержан в бою левым флангом 6-й армии и сосредоточенной около Казатина нашей конницей. Даже слабая поддержка подходящих с запада частей, по моему мнению, могла бы принести пользу. *По непонятным до сих пор для меня причинам моя телеграмма не дошла до ген. Рыдз-Смигло, и он отвел свои войска в северо-западном направлении вдоль линии Киев, Коростень, Сарны, т. е. вдоль Южного Полесья, как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного.* Отмечаю, что при этом одна из дивизий, а именно 21-я, вышла на Южное Полесье, под Мозырь, увеличивая таким образом наши силы на «маловажном», по определению г-на Тухачевского, фланге армии, находившейся под командованием ген. Шептицкого.

После этого случая предпринятые мною несколько раз попытки организовать удар против конницы Буденного с двух сторон таким образом, чтобы получить возможность с пользой ввести в дело нашу значительно более слабую по сравнению с противником конницу, не привели ни к чему из-за какой-то роковой невозможности согласовать действия нескольких войсковых единиц для совместного проведения маневра. Последней такой попыткой были почти комические события под Ровно перед 4 июля, когда сначала 18-я дивизия 6-й армии вела атаку с юга, а 2-я армия в это время отступала на север, а затем наоборот — 2-я армия перешла в наступление, ее 1-я дивизия ночной атакой овладела городом Ровно, а 18-я дивизия отступала в направлении Дубно. Я не могу утверждать, чтобы эти смешные теперь кадрили очень деморализующе вли-

яли на сражавшиеся на юге войска, ибо, за исключением нескольких частей, большинство их вполне сохранило свою боеспособность и, не поколебленное неудачами, все время было в боях. Однако, несомненно, постоянные неудачи не могли не отразиться и действительно отражались на общем настроении, выражавшемся в мысли о необходимости введения какого-то нового метода для задержания и нанесения поражения неуловимому до сего времени противнику. Таким мероприятием, по всеобщему мнению, с чем и я был согласен, считалось введение в действие с нашей стороны большего числа конницы. *К организации этого средства борьбы было приступлено немедленно и энергично.* Заранее, однако, можно было предполагать, что импровизация в столь трудном деле не дастся так быстро и легко и пройдет много времени, пока работа даст очевидные результаты.

Сильнее всего, однако, сказывались эти события не на самом фронте, а вне его — на тылах. Паника вспыхивала в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов: в ней можно было заметить какой-то неуверенный, колеблющийся пульс. Вместе с необоснованными обвинениями наступали моменты непреодолимой тревоги с нервными потрясениями. Я наблюдал это постоянно вокруг себя. *Новое оружие борьбы, каким оказалась для наших не подготовленных к этому войск конница Буденного, становилось какой-то легендарной, непобедимой силой.* И можно сказать, что, чем дальше от фронта, тем влияние этого непобедимого рассудком гипноза было сильнее и непреодолимее. Таким образом начинал организовываться наиболее для меня опасный фронт — фронт внутренний.

Именно при такой обстановке я расстался с выработанным ранее планом и, зная из донесений и данных разведки о концентрации неприятеля на севере, набросал себе весьма общий план действий на фронте против г-на Тухачевского. Именно ввиду постоянного обнажения правого фланга войск, расположенных к северу от Припяти, все отступающим южным фронтом я согласился на добровольное, без давления неприятеля, отступление всего северного фронта примерно до линии немецких окопов в центре, при одновременном формировании сильных маневренных групп на обоих флангах. Не хочу в данном ме-

сте затрагивать вопроса, почему я не сделал этого своевременно, так как вернусь к нему позднее. Высказав, однако, здесь мою основную мысль, перехожу к попытке подробного анализа начала главной кампании 1920 года, т. е. наступления советских войск 4 июля.

V. ДЕЙСТВИЯ СТОРОН МЕЖДУ 4 и 6 ИЮЛЯ

Анализ первых дней решающей операции г-на Тухачевского создал мне много затруднений. Я наталкивался всякий раз на все новые противоречия, выяснение которых заняло у меня много времени. Одни из этих противоречий возникали из-за недостаточно приведенных у нас в порядок дат и данных о действиях войск в этот период, отчего произошло неправильное, ошибочное представление о положении вещей. Иные же противоречия выявлялись, когда я сравнивал данные во всем, что описывает г-н Тухачевский, с данными, исподволь установленными мною в отношении наших войск, а также данными, которые я находил у г-на Сергеева в отношении войск, предводимых г-ном Тухачевским. Все противоречия здесь так разительны, а реальная историческая обстановка была так причудлива, что я долго не мог примириться с фактами, непрерывно производя проверку своих взглядов на основе новых мелких деталей, добываемых от отдельных участников боев этого периода. Скажу, что еще и теперь, давая свой анализ, я не могу избавиться от некоторых сомнений, так как он слишком уж противоречит всему тому, что говорит г-н Тухачевский, у которого на фоне чрезвычайной абстрактности труда рассыпаны публицистически преувеличенные определения, как, например, «разгромленный», «размозженный» и т. д.

Перелистывая по несколько раз небольшой труд г-на Тухачевского, я хотел выработать у себя определенный взгляд на руководящую его идею и всегда приходил к убеждению, что г-н Тухачевский наметил себе план с далеко выдвинутой целью, надеясь, что ему и находившимся под его командованием войскам окончательное решение намеченной операции удастся найти далеко от того места, где он ее начинал, старательно устраняя естественное, впрочем, желание немедленно искать местных, частичных успехов. Все, что говорит г-н Тухачевский при описании операций, как майской, о которой я говорил выше, так и июльской, казалось бы, свидетельствует, что он

принадлежит к людям, хотя и абстрактно мыслящим, но, во всяком случае, умеющим широко смотреть как на театр войны, так и на действия больших войсковых масс. Мы уже видели это раньше, и черта эта проявляется еще более в широте его рассуждений, помещенных в той части его труда, где говорится о июльской операции. Здесь именно он дает, как я уже отметил ранее, может быть, самую прекрасную часть своей работы, стремясь найти разрешение проблемы управления войсками большой численности на больших пространствах в наступательной операции.

Откладывая рассмотрение этих взглядов г-на Тухачевского, я отмечу лишь, что он видит выход в сосредоточении, как он выражается, танковых масс, которым приходится не раз менять направление своего движения, в зависимости от действий противника, пытающегося оказать сопротивление атакам в том или ином месте. Менять направление необходимо, хотя бы это было сопряжено даже с потерей времени или с преждевременным раскрытием перед противником своей основной оперативной мысли; это, как он говорит, является единственным способом уравнивания контрударов противника, имеющего возможность снимать свои войска для организации контратаки. В рассуждениях этих видно влияние, оказанное на г-на Тухачевского началом кампании 1914 года во Франции, и г-н Тухачевский предлагает на примере «нашей (советской) кампании против белополяков» в 1920 году проследить с большой пользой вопрос использования танковых масс. В этом случае он ссылается на ту истину, что в современных операциях невозможно уничтожить неприятельские силы одним быстрым ударом и маневром.

Как же я был удивлен, когда прочитал у г-на Сергеева, что в последних числах июня г-н Тухачевский лично посетил всех командующих армиями и приказал проработать во всех подробностях план, который в случае успеха должен был привести к окружению части наших сил, расположенных в районе Германовичи, Лужки, Глубокое.

Следовательно, план для действий 4 июля сводился к чисто местному успеху, имевшему целью устроить маленький Седан для нескольких наших дивизий. Г-н Сергеев, останавливаясь на этом плане, прилагает даже графические схемы, ясно показывающие, на чем он основывался. А именно: 15-я армия, состоявшая, как известно, из лучших сил и лучше других снабженная, должна была

атаковать этот «малый Седан» с фронта у Германовичей и Глубокого, в то время как соседние две армии, 4-я и 3-я, должны были явиться как бы правым и левым плечами, выбрасывающими руки с севера и юга в тыл Глубокого и Германовичей с целью отрезать все пути отступления. Г-н Сергеев устанавливает, что для осуществления этого плана центр (15-я армия) был излишне силен, а фланги слабы, и этому распределению сил, которое, впрочем, он оправдывает недостатком времени, он совершенно правильно приписывает неудачу плана... Однако где же здесь таран? Где, наконец, операция с широкими и большими целями? Как мы увидим при разборе, фланги не выполнили своей задачи, но г-н Сергеев устанавливает, что в ночь с 5 на 6 июля он получил от г-на Тухачевского директиву, указывавшую на необходимость напряжения всех сил, чтобы до ночи с 6 на 7 июля отрезать путь отступающему неприятелю в районе Осиногородок, Курыловичи (20—30 километров на запад от Глубокого)... Следовательно, еще на третий день операции северная армия (4-я) имеет ту же самую «седанскую» задачу.

Еще более возросло мое удивление, когда, наблюдая день за днем действия главных сил г-на Тухачевского, т. е. 15-й армии, я усмотрел, что уже с третьего дня операции, а может быть, даже и со второго она начала группироваться не для продолжения операции в стиле Седана, но для создания тарана для дальнейших операций. Это удивительная разногласия в течение первых двух дней операции не вызывалась действиями наших войск, так как единственной активной группой, действовавшей еще в течение 5 и 6 июля, была крайняя северная группа ген. Желиговского, состоявшая из двух дивизий (10-й и 8-й). Не получив приказа об отступлении, группа эта отходила, с небольшими, впрочем, арьергардными боями, имея постоянный контакт единственно с северной 4-й советской армией, и, следовательно, вовсе не оказывая влияния на действия 15-й армии. Остальные же силы — группа ген. Ендржеевского — отходили спокойно, почти без соприкосновения с противником, в юго-западном направлении, на Молодечно. Оригинальный Седан!

Вообще, первые дни июльских операций г-на Тухачевского заслуживают подробного анализа. Они очень сильно повлияли на основную группировку наших, польских, сил, на течение всей операции с нашей стороны, почти до самой Варшавы, а наряду с этим в отношении выявленного выше противоречия, разногласия в оперативных иде-

ях г-на Тухачевского, имевшего в данном случае в своих руках инициативу действий, они дают характерную картину того, что я обычно называю комедией ошибок и взаимного непонимания противников. Как обыкновенно в таких случаях бывает, даже название таких битв является спорным. Командующий нашими силами на этом фронте ген. Шептицкий в своем объяснении назвал эту битву, согласно своему стремлению к линейному расположению войск, боем на Ауте, маленькой речонке, которую с трудом можно найти на карте и название которой я ни разу не встретил ни у г-на Тухачевского, ни у г-на Сергеева. По-видимому, они совершенно не предполагали, что это Ореховно, в данном случае речное, играет для их противника большую роль. Г-н Сергеев считает эту битву неудавшимся Седаном у Глубокого, чего опять-таки никто с нашей стороны не понимал, а самый активный участник этой битвы, ген. Желиговский, недавно еще говорил мне, что он не раз задумывался, хорошо ли он поступил, не ударивши на означенный Седан — Глубокое после того, как оно было занято противником; не чувствуя никакого нажима, он считал себя совершенно свободным в своих решениях. Сам же г-н Тухачевский, удовлетворенный обладанием, теперь уже совершенно надежным, «Смоленскими воротами», легко переходит к очередному вопросу повестки дня — к крещению этого военного чудачества, так как уже 7 июля он выяснил с полной очевидностью, «что войска противника подверглись полному разгрому в районе нашего главного наступления»... Такую битву стоит подробно проанализировать.

Начну с северной 4-й армии, предводимой г-ном Сергеевым. В соответствии с «седанскими» намерениями г-на Тухачевского, г-н Сергеев оставляет на своем левом фланге 18-ю дивизию, приказывая ей удерживать при помощи наступления резервы противника в этом районе. Остальные же свои силы, т. е. 12-ю и 53-ю дивизии и 164-ю бригаду, он стягивает на узком перешейке между Двиной и болотистым озером Б. Ельня — перешейке, не превышающем 10 километров (по Сергееву, 4 версты), — ставя себе задачей прорвать здесь фронт противника и тотчас же повернуть всей пехотой круто на юг, на Германовичи и Шарковщизну, а конницу пока что бросить на запад, на глубокие тылы противника. Ввиду того что г-н Сергеев пишет, что бой начался ураганным огнем артиллерии, я считаю нужным отметить, что он сосредоточил на этом участке 70 легких и 8 тяжелых орудий. Свою

точку зрения на данную ему задачу г-н Сергеев излагает следующим образом:

«Так как успех маневра 4-й армии требовал быстрого своего исполнения, а сведения о противнике указывали, что между Двиной и озером Б. Ельня находятся только один пехотный полк и несколько сот уланов, то частям активной группы ставились задания, требующие прохождения после прорыва линии неприятеля: для конницы 40 верст в первый день и 24 версты во второй; для 164-й бригады 27 верст в первый день и 24 версты во второй; для 53-й дивизии 29 верст в первый день и 30 верст во второй; для 12-й дивизии 22 версты в первый день и 18 верст во второй.

Такие расстояния предусматривали после прорыва движения просто колоннами, так как слабый противник должен был рассыпаться от нашего удара, а резервов у него, по-видимому, здесь не было»...

Действительно, здесь стоял нецелый 33-й полк, имевший один батальон в относительно далеком резерве.

Вследствие тумана наступление началось в 8 часов утра, после получасовой подготовки ураганным артиллерийским огнем. Первые, слабо, очевидно, укрепленные линии окопов были заняты уже в 9 часов. В дальнейшем же продвижение г-на Сергеева пошло столь медленно и при таком сопротивлении, что только после целого ряда контратак с нашей стороны около 4 часов пополудни наши два батальона, измученные тяжелым боем, стали быстро отходить.

Только около 6 часов вечера дивизии и конница г-на Сергеева смогли стянуться в колонны и начать предписанное им движение. Нет ничего удивительного, что ни одна из частей не смогла выполнить своей задачи, с грустью констатирует г-н Сергеев...

Это геройское сопротивление двух батальонов нашего 33-го полка двум с половиной дивизиям противника было поддержано, по нашим данным, только 10 орудиями 8-й дивизии, в состав которой входил этот полк. Оно свело почти на нет эту задуманную в седанском стиле операцию или, по меньшей мере, сделало ее весьма сомнительной, задержав главные силы 4-й армии в их намерении быстро выйти на тылы и фланги наших войск, сражавшихся далее к югу. У нас не раз, при торопливом разборе означенных боев, обвиняли этот полк, как и всю 8-ю дивизию, в том, что он допустил проход неприятельской конницы, которая в течение всей операции, до самой Вар-

шавы, нам более всего вредила; теперь я с удовольствием отмечаю по источникам противника тот факт, что упорное сопротивление этого полка, как определенно констатирует г-н Сергеев, сильно задерживало развитие успеха, и только около 16 часов польское сопротивление было сломлено. К этому добавлю, что ни одно наше орудие не досталось в руки противника.

На соседнем участке 18-я дивизия, которую г-н Сергеев считал лучшей, потеряла весь день на совершенно бесполезные атаки против одной из бригад нашей 10-й дивизии. Г-н Сергеев спокойно устанавливает, что, несмотря на тяжелые потери дивизии и относительно большой расход снарядов (300 патронов на легкое и 50—80 — на тяжелое орудие), наступление 18-й дивизии было отбито... Таким образом, первый день окончился для 4-й армии относительноным неуспехом, так как отдалил возможность выполнения «седанских» намерений и не вызвал расхода какой-либо части наших резервов, которые в данном месте состояли из трех полков 8-й дивизии. По нашим данным, они двинулись без особого приказа большей частью своих сил на север — в сторону Погоста и еще далее на север — для прикрытия угрожаемого фланга.

Далее к югу атаковала 15-я армия, выдвинувшая в первую линию четыре дивизии. Наступление велось на пространстве более 50 километров по фронту и встретило против себя столь же растянутую по фронту нашу 11-ю дивизию на южном участке, одну бригаду 5-й дивизии и 7-ю резервную бригаду в северной части атакованного пространства. В резерве за ними находилась 17-я дивизия, использование которой без разрешения командующего фронтом в Минске было невозможно. Перипетии этого боя в его деталях можно выяснить лишь с большим трудом. Является фактом, что на южном участке советские войска двинулись вперед скорее, чем на северном. Именно на юг от железной дороги Полоцк — Молодечно войска г-на Тухачевского дошли с боем до речки Мнюта, что в восьми километрах от места встречи с нашими передовыми линиями. Севернее же этой дороги, где сражалась большая часть 15-й армии, несмотря на первоначальный успех, советские войска были задержаны контратаками — с юга нашей 17-й дивизии и с севера 10-й дивизии, которые настолько успешно сдерживали движение атакующих сил, что к концу дня захваченное наступлением пространство нигде не превышало 3—4 километров. Этот относительный успех главных сил г-на Ту-

хачевского не сыграл, впрочем, какой-нибудь крупной роли для его «седанского» плана, так как центр в данном случае мог продвигаться и медленнее; успех этот имел лишь то значение, что притянул к себе наши резервы. После этого боя большая часть наших войск была почти полностью обессилена, так что на долгое время стала неспособна для дальнейшей боевой работы. Это касается одной бригады 5-й дивизии и 7-й резервной бригады. Кроме того, в руках неприятеля осталась артиллерийская материальная часть — впрочем, не в большом количестве.

3-я советская армия атаковала далее на юг, до Березины, причем частью своих сил ударила по частям нашей 11-й дивизии, а тремя дивизиями повела сильное наступление против бригады 1-й Литовско-Белорусской дивизии на юге. В то же время река Березина, отстоявшая на 4—6 километров от линии фронта, являясь препятствием на пути в Докшицы, почти нигде не была пройдена неприятелем. Следовательно, здесь, как и на севере, фланг, имевший своей задачей быстрым маневром отрезать пути неприятельского отхода в юго-западном направлении, оказывается задержанным в своем движении, несмотря на большой перевес сил, какими он обладал по сравнению с 1-й Литовско-Белорусской дивизией. «Седанский» маневр и здесь, как и на левом фланге, прошел впустую. Здесь было даже хуже, так как вся 3-я армия вечером 4 июля стояла вытянувшись в одну длинную линию вместе с центром фронта — 15-й армией, в то время как на севере г-н Сергеев после преодоления первого препятствия все же к вечеру успел обозначить заметное движение на фланги и тылы своего противника.

Если, как мы видели, целью, преследуемой войсками г-на Тухачевского, являлось быстрое окружение нашей 1-й армии в районе Германовичи, Глубокое, то опять-таки целью боя, веденного нами, было просто отражение неприятельской атаки и восстановление положения, предшествовавшего 4 июля. Все приказы, как командующего фронтом в Минске, так и командующего 1-й армией в Вилейке, а также командующих группами на отдельных участках, не оставляют в этом отношении никакого сомнения. По этой причине весь день 4 июля проходит в разного рода попытках слабых и более значительных контратак, имевших целью отбросить противника за линию, занимавшуюся им утром этого дня. Бой с нашей стороны проводился более или менее так, как он проводился во

время окопной войны. Во всех попытках контрнаступлений, производимых в разное время и в разных местах, проглядывало только одно стремление — «восстановление предыдущего положения». Это определение повторяется десятки раз как характеристика цели, для осуществления которой наша 1-я армия 4 июля дралась на всем растянутом стокилометровом фронте. На всем этом пространстве, собственно, одна только наша 10-я дивизия, не позволившая сбить себя с занимаемой ею позиции, достигла этой цели и в отношении поставленной задачи день закончила победоносно. В то же время на прочих участках наши войска находились под гнетущим впечатлением проигранного сражения, так как в течение всего дня тяжелых боев, в которых кроме 8-й дивизии на крайнем севере принимали участие все наши силы, достижение поставленной цели — восстановление предыдущего положения — оказалось невозможным.

Следовательно, первый день боя 4 июля обоим сторонам не принес удовлетворения в достижении поставленных целей. Г-н Тухачевский не далеко ушел по пути к проектируемому Седану, но в то же время и наша 1-я армия, ввиду большого перевеса неприятельских сил и отсутствия резервов, должна была усомниться в возможности выполнения поставленных ей задач. Рассвет 5 июля застал, однако, обоих противников с теми же боевыми задачами и не изменившимися целями боевой работы.

На севере 4-я армия г-на Сергеева продвигается далес в намеченном направлении почти в пустом пространстве, так как два батальона 33-го полка, понеся большие потери в бою предыдущего дня, быстро отступили без соприкосновения с противником не на юг, в направлении своей дивизии, а прямо назад, так что в дальнейших боевых перипетиях своей дивизии они не принимали никакого участия. Первое столкновение их с неприятелем произошло только после полудня 5-го числа, когда, как гласит доклад нашей 8-й дивизии, под Погостом и далее к северу дивизия эта вела бои с авангардными частями противника. Стычки эти, несмотря на свою незначительность, задержали большую часть советских войск в дальнейшем их марше. Г-н Сергеев особенно жалуется на свою 53-ю дивизию, которая в этот день не только не дошла до Шарковщины, как то ей было приказано, но даже совершенно переменяла под влиянием этих незначительных боев свой фронт с южного на западное направление. То же случилось и в соседней 12-й дивизии, сильное пра-

Вое крыло и резервная бригада которой приостановили свое движение и в окрестностях Старого Погоста также переменили свой фронт с южного на западный. Седан определенно улыбнулся войскам г-на Сергеева.

Г-н Тухачевский пишет о действиях 4-й армии в этот день с некоторой развязностью, а именно: он заявляет, что части 8-й дивизии «были атакованы на походе, разбиты и потеряли всякую способность к сопротивлению; но и наши части не достигли того, что могли бы извлечь из обстановки»... Г-н Сергеев поскромнее и утверждает только, что, несмотря на определенную слабость противника, которого следовало разбить и разогнать, войска развертывались в сторону своего правого фланга несколько раз и в конечном результате совершенно не выполнили своего задания на 5 июля...

Добавлю, что, по представлениям г-на Сергеева, а, вероятно, также и г-на Тухачевского, большая часть 8-й дивизии, которая никакого участия в боях 4 июля не принимала, была уже разбита. Сопротивление двух батальонов 33-го полка было настолько сильно, что неприятель в своих донесениях и подсчетах увеличивал наши силы, делая из боя двух батальонов бой большей части 8-й дивизии. Г-н Сергеев прибавляет, что «положение обходящей группы обеспокоило и штаб фронта, и отданная в ночь с 5 на 6 июля директива указывала на необходимость приложить все усилия, чтобы в ночь с 6 на 7 июля перерезать дорогу отступающему противнику в районе Осингородок, Курыловичи». Последнее «седанское» усилие!

Тем временем в этот же день ген. Желиговский приказал 10-й дивизии отойти на рассвете к реке Мнюта с целью выравнивать свой фронт с соседями справа. Согласно донесениям этой дивизии, на рассвете 5 июля она без всякого труда и без давления со стороны противника отошла на Мнюту и в окрестностях Лужков заняла оба берега этой речки; 8-я же дивизия сосредоточилась в окрестностях Погоста. В этом отходе 10-й дивизии с позиций, успешно удержанных в предыдущий день боя, содержится уже элемент неуверенности в том, что день 5 июля даст то, чего не было достигнуто накануне. Это уже предвестие начинающегося отхода нашей 1-й армии.

Перейдем теперь к центру — к действиям 15-й советской армии. Армия эта 5 июля двигалась вперед необычайно медленно, значительно медленнее, чем в предыдущий день, а день 4 июля не был, как мы уже видели, ре-

кордным днем с точки зрения пространства, пройденного этой армией. На схеме г-на Сергеева показано, что южные дивизии (11-я и 33-я) продвинулись за реку Мнюта, к которой они подошли накануне, всего лишь на несколько километров; северная же группа (54-я и 16-я дивизии) в этот день дошла лишь до упомянутой речки. В донесениях наших войск, сражавшихся против 15-й армии, я не нашел никакой понятной для меня причины, которой можно было бы объяснить это явление. Несмотря на то что последний приказ нашей 1-й армии от 4-го числа требовал продолжения контратак для достижения поставленной цели, войска наши уже с рассвета ведут бои только арьергардного характера, группируясь, собственно, для отступления. Некоторые группы упоминают только об артиллерийском бое, прикрывающем отступление, и лишь наиболее северная группа, часть 10-й дивизии в Лужках, на которую надвигалась 54-я, самая северная, дивизия 15-й армии, отмечает тяжелые бои, которые ей пришлось вести на восточном берегу речки Мнюта полудни 5 июля.

То же самое происходит в соседней 3-й советской армии, которая после стремительного наступления в течение предыдущего дня начинает двигаться медленно, совершенно не спеша к достижению указанной ей ранее «седанской» цели. В этот день над всем растянутым театром войны как бы повис боевой кризис: решимость и энергия отсутствуют у обеих сторон.

Наконец наша сторона на фронте 1-й армии берет в свои руки инициативу решения. Около полудня командующий 1-й армией по соглашению с командующим фронтом издал приказ об отступлении. Первый пункт этого приказа гласит: «Положение на фронте 1-й армии требует ее отступления, отрыва от неприятеля и проведения перегруппировки на новой *линии*¹, с целью перехода в контратаку». Ввиду сложившейся тогда обстановки приказ не доходит одновременно до всех частей, а самая северная группа под командованием ген. Желиговского его вовсе не получает.

Первым, в 13 часов 45 минут, приказ получает ген. Ржондковский в Докшицах и приказывает подчиненным 1-й Литовско-Белорусской и 11-й дивизиям оторваться от противника и начать отход в юго-западном направлении, на Молодечно. Выполнение этого приказа группой ген.

¹ Курсив автора.

Ржондковского совершенно открывает с полудня 5 июля все дороги в западном направлении для частей всей 3-й советской армии и для большей части 15-й на ее южном участке, наиболее продвинувшемся в западном направлении. Следующая к северу группа ген. Ендржеевского получила приказ начать отступление и оторваться от противника, если можно так сказать, по частям, в разное время дня. Сам ген. Ендржеевский свидетельствует, что приказ им был получен только поздно вечером 5 июля. Эта группа, состоявшая из 17-й дивизии, резервной 7-й Великопольской бригады и одной бригады 5-й дивизии, собственно, уже с утра совершала отступление, прикрываемое слабым арьергардом и артиллерией, и отходила в естественном для нее направлении, а именно — в западном, вдоль главной дороги Глубокое — Дуниловичи и далее в направлении Вильно или через Поставы и Свенцяны, или же через Свирь и Михалишки. Ген. Ендржеевский был занят организацией этого отступления и распределением движения большого количества обозов и имущества на Дуниловичи. Там, собственно, вечером и застал его приказ. Отступление, уже организующееся в этом естественном направлении, было бы для всей группы делом весьма легким и не оставило бы в совершенно изолированном положении самую северную часть армии ген. Желиговского, находившуюся еще в бою под Лужками и Германовичами. Однако приказ ген. Шептицкого требовал иного. Он существенно ломал порядок вещей и приказывал всей группе ген. Ендржеевского перейти на юг для прикрытия фланга нашей 4-й армии, которая уже должна была начать свой ничем не вынужденный отход. Таким образом, группа ген. Ендржеевского, наиболее истощенная в предыдущих боях, должна была среди белого дня выполнить чрезвычайно трудную военную операцию — фланговое движение вдоль фронта одержавшего победу противника. Вместо того чтобы порвать, согласно пункту письменного приказа, контакт с противником, что можно было выполнить только при помощи быстрого движения назад, она должна была совершить сложный маневр перемены естественного направления и идти на новое соприкосновение с неприятелем, приближаясь к нему все более с каждым часом марша. Для выполнения требуемого отхода большая часть сил ген. Ендржеевского должна была идти в юго-восточном направлении, т. е. в сторону неприятеля. Если когда-либо в течение двухдневных боев эта часть нашей армии подвергалась опасности столь же-

ланного для г-на Тухачевского «размозжения», «распыления» и «уничтожения дотла», то именно в эти послеполуденные и вечерние часы 5 июля, когда она выполняла свой диковинный маневр, ослаблявший к тому же и остальную часть победоносной до сего времени армии ген. Желиговского. Вот, например, краткое описание подобного маневра первого батальона 69-го пехотного полка 17-й дивизии, который последним оставил Глубокое. Отход начался после полудня 5 июля. Батальон двигался трактом Глубокое—Порплище, где на пространстве почти 20 километров он шел под далеким огнем артиллерии, поражавшим его с востока. Поэтому-то батальон бежал почти галопом. Выступив из Глубокого пополудни, уже под вечер солдаты прибыли в Порплище, чувствуя в своих косяках двадцать с лишним километров похода, а ночью им предстояло пройти еще более десятка километров до Паррафианово. Ген. Ендржеевский оказался из-за своего неестественного отхода в чрезвычайно затруднительном положении, так как, направив обозы и груз в западном направлении, он должен был войска перебрасывать в направлении почти юго-восточном. В своей реляции он указывал, что вследствие этого большая часть его войсковых единиц оказалась в тяжелых условиях, оставшись без обозов и в некоторых случаях даже без полевых кухонь.

Если этот несчастный приказ не привел к усилению нашего положения на севере, то, во всяком случае, несомненно, что вся группа ген. Ендржеевского оказалась спасенной исключительно благодаря уже отмеченному раньше бездействию противника. Ни южная часть 15-й армии, ни вся 3-я армия противника даже не пытаются использовать обстановку и допускают движение вдоль своего фронта неосторожной группы ген. Ендржеевского среди белого дня, пополудни 5 июля. Они изредка наказывают его за этот безрассудный маневр только далеким огнем артиллерии. Банкротство задуманного Седана выражено здесь чрезвычайно ярко.

Еще более оригинален способ выхода из Седана группы ген. Желиговского, самой северной и самой близкой к седанской участи. До конца дня 5 июля она сражается лучше всех прочих групп 1-й армии, и, как обычно это бывает при неудачах, на ее долю выпадает участь мужественнейших, так как она находится в худшем положении. Вдобавок ко всему приказ об отступлении до нее вовсе не доходит. Только с полудня 5 июля она уже чувствует, что вокруг нее творится что-то неладное. За ее правым,

южным флангом, атакованным на восточном берегу Мнюты, под Лужками, исчезает какое бы то ни было сопротивление с нашей стороны. Части 10-й дивизии, которые успешно отражают здесь неприятеля, уже под вечер замечают на своих тылах дозоры неприятеля и даже его мелкие части. На всем же фронте 10-й дивизии — на Мноте и 8-й дивизии — в окрестностях Погоста чувствуется натиск приближающихся более крупных сил 4-й неприятельской армии г-на Сергеева. Ген. Желиговский, находясь в такой обстановке, решил совершить отступление еще в ночь на 6-е число и выйти к группе ген. Ендржеевского, которого рассчитывал найти отступающим в окрестностях Дуниловичей. Тяжелый ночной марш выполнялся быстро, хотя и с затруднениями. Не преследуемый и без давления со стороны противника, ген. Желиговский утром 6 июля стянул всю 10-ю дивизию в районе Мосажа, в то время как 8-я дивизия после большого перехода тянулась еще от Шарковщины на юг. В Мосаже ген. Желиговский не застал никого — ни своих, ни противника. Обеспокоенный, вероятно, этой пустотой, ген. Желиговский после короткого отдыха двинулся в Дуниловичи, куда прибыл под вечер, не встречая нигде противника и не испытывая с его стороны никакого давления. 8-я дивизия двигалась таким же образом, но несколько западнее, направляясь прямо на Поставы. Две дивизии весь день маневрировали в пустом пространстве, не встречая ни своих, ни противника. Кое-где лишь, как это водится, встречались запоздалые обозники, подгонявшие измученных коней и державшие направление на запад. Кое-где в придорожных канавах лежала сломанная повозка или издыхающий конь — обычное свидетельство о минувшей военной буре при спешном отступлении. Местные жители, вероятно, утверждали, что «наши прошли уже давно», а противника до сих пор еще не было. Ген. Желиговский должен был в этот день сотни раз задавать себе вопрос: где же находятся свои и где неприятель? Давления с севера, со стороны армии г-на Сергеева, он совершенно не чувствовал в течение двух дней боя. Два дня он сражался фронтом на восток, так же фронтом на восток сражалась и вся 1-я армия. Он знал, что там происходило что-то неладное, что в то время, когда под Лужками и недалеко от Германовичей еще под вечер предыдущего дня он вел бой, на юге бой затихал, и это ставило его правый фланг под угрозу. Теперь, идя на юг, он, удерживая прежнее направление, дефилировал перед фронтом неприятеля, если пос-

ледний двигался в том же направлении, как атаковал, т. е. на запад. Между тем с этой именно стороны в течение всего дня ему ничего не угрожало. Нет ничего удивительного поэтому, что когда вечером и среди беспокойной ночи в Дуниловичах он задумывался над своим положением, то приходил к убеждению, что, собственно, находится в тылу неприятеля, двинувшегося всей своей массой на юго-восток, по направлению на Молодечно. Ведь противник имел в своем распоряжении весь день 6 июля и даже большую часть предыдущего дня, 5 июля.

Такие оригинальные положения создала неудачная «седанская» операция противника. Сильный отряд, составлявший третью часть нашей армии, для которой готовился Седан, отряд к тому же наиболее подверженный опасности при осуществлении этого замысла, отряд, наиболее запоздавший в своем движении, — вдруг неожиданно в течение целого дня оказывается свободным, свободным, как поднебесная птица, в выборе своих решений и в направлении своих движений. Если дефилирование ген. Ендржеевского является определенным банкротством «седанской» идеи, то ген. Желиговский со своими двумя дивизиями в день 6 июля является таким ярким ее отрицанием, что иной раз трудно даже допустить существование когда-либо такого плана и таких намерений у г-на Тухачевского.

Ген. Желиговский впоследствии несколько раз спрашивал меня о моем отношении к его решению отступить далее на запад, так как он долго колебался перед принятием решения. Он полагал, что, может быть, ему следовало бы использовать столь необыкновенную обстановку для выхода в тыл неприятеля и, имея в руках уверенных в себе, хороших солдат, ударить по этому тылу и внести в него замешательство. Центром этих тылов он считал тогда Глубокое — самый значительный пункт в той местности. Эта мысль упорно преследовала ген. Желиговского в день 6 июля. Несмотря на то что всякие попытки выяснить вопрос «что было бы, если бы...» являются исторически бесплодными, законы анализа боевой обстановки несколько иные, так что такие попытки углубляют ее понимание и делают более выпуклыми отдельные движения войск и влияние распоряжений командиров. Поэтому-то я несколько задержусь на той оригинальной боевой обстановке, в которой оказался ген. Желиговский, и на возможном в этих условиях решении использовать полную свободу выбора, которой он 6 июля обладал.

Пользуясь правом аналитика, переношу момент принятия решения не в Дуниловичи, а в Мосаж, где ген. Желиговский остановился на отдых и после выхода из лесов, прилегающих к реке Десне, впервые почувствовал окружающую его пустоту. Мое предположение не является невозможным; ген. Желиговский с одинаковым успехом мог колебаться как в Мосаже и его окрестностях, так и в Дуниловичах. Как там, так и здесь была совершенно аналогичная обстановка, а поход в Дуниловичи мог его укрепить только в том предположении, что он находится на тылах неприятеля.

Для анализа обстановки я хочу прежде всего указать, что ген. Желиговский не подвергался какому-либо давлению со стороны 4-й армии г-на Сергеева, ибо дивизии последнего только вечером 6 июля достигли линии Мосаж, Шарковщина, причем, очевидно, только передовыми частями. Следовательно, 6 июля с этой стороны ген. Желиговский, безусловно, был свободен.

Если бы после большого привала в районе Мосажа, в котором его дивизия, безусловно, нуждалась, ген. Желиговский решил этак около полудня ударить на якобы тылы противника в направлении Глубокого, что бы он там застал? От Мосажа до Глубокого было около 20 километров. Следовательно, походное движение с относительно небольшими предосторожностями заняло бы каких-нибудь 5 часов времени. Значит, около 5 часов полудни он был бы в окрестностях Глубокого. Там он напел бы небольшую группу конницы — кубанскую бригаду, которая, судя по описанию г-на Сергеева, в то время не отличалась боеспособностью и неохотно ввязывалась в бой. Кроме того, с севера, со стороны Лужков, подходил бы авангард, а то и главная колонна 54-й дивизии, так как она шла в походной колонне. Это была бы как раз та самая дивизия, которая еще накануне безрезультатно атаковала ген. Желиговского на его правом фланге, около Лужков. Для меня не подлежит никакому сомнению, что ген. Желиговский в этом случае имел бы большие шансы неожиданно захватить эту дивизию на походе и, таким образом, помешать большому маневру, совершавшемуся в этот день 15-й советской армией. Эта дивизия была правифланговой для 15-й армии и согласно приказам и основной идее г-на Тухачевского совершила в этот день длинное, тридцатикилометровое захождение как правое крыло армии, изменяя свое направление, начиная от Лужков, с западного почти на южное. На схеме

г-на Сергеева она показана занимающей 6-го вечером Глубокое на правом фланге всей 15-й армии. На основании одного примечания г-на Сергеева имею право допустить, что 15-я армия перестраивалась именно в этот день и сомнительно, чтобы 6 июля к вечеру ген. Желиговский нашел в окрестностях Глубокое что-либо иное, кроме 54-й дивизии. Так, он говорит, что после боя 15-я армия сильно сомкнулась для производства дальнейшего маневра, и добавляет: «Начиная от Глубокое армия имела в первой линии 54, 33 и 11-ю дивизии; во второй линии были 4-я и 16-я. Следовательно, если 54-я дивизия была фланговой в Глубоком, то 33-я и 11-я дивизии должны были собираться где-то далее на востоке, в районе железной дороги Полоцк — Молодечно, и не имели бы возможности в течение дня и до самой ночи 6 июля помочь чем-либо 54-й дивизии. 16-я же дивизия должна была быть еще значительно дальше в тылу и тоже до ночи не могла повлиять на обстановку».

Я не хочу утверждать, что этим способом ген. Желиговский основательно изменил бы обстановку в нашу пользу, но, несомненно, это должно было вызвать, по крайней мере, потерю половины следующего дня, а быть может, и более для маневра противника.

Ген. Желиговский, убедившись после короткого удара в том, что он находится вовсе не в тылу у противника, мог бы совершенно спокойно отступить в направлении к озеру Мядзиол, к которому он и так подошел на следующий день, т. е. 7-го числа, без всякого нажима со стороны неприятеля. У г-на Сергеева его 18-я дивизия подходит к озеру Мядзиол лишь вечером 10 июля. Следовательно, ген. Желиговский для своего отхода имел бы достаточно времени.

Я задержал внимание читателя на этом характерном эпизоде потому, что он чрезвычайно выпукло выявляет обстановку обеих сражавшихся сторон 6 июля, когда бои затихали повсюду. 6 июля является тем днем, когда неприятель, потеряв соприкосновение с нами после неудавшегося Седана, маневрировал для новой перегруппировки своих сил. День этот, если можно так выразиться, был нам словно подарен, что дало время и нам произвести свой маневр.

Итак, первый бой — 4, 5 и 6 июля — был закончен. Он положил начало новым нашим неудачам на северном фронте, которые спустя полтора месяца окончились, однако, нашей победой под Варшавой. А последствия его

тяготели над войсками нашей стороны так долго и так сильно, что мы от влияния этого боя смогли освободиться только благодаря чрезвычайным усилиям. Это должно казаться странным, так как бой этот, как я уже указывал, не был, собственно, решающе-победным для неприятеля. Напротив, его намерение окружить нашу 1-ю армию и, возможно, уничтожить ее без остатка не увенчалось вовсе успехом, так как оба фланга (5-я и 3-я армии) оказались относительно легко задержаны в своем движении, и, однако, факт остается фактом: после этой полупобеды наши войска почти без малейших попыток вступить в бой постоянно отступают, при этом все быстрее, так что в течение месяца откатились к воротам столицы, находившейся почти в 600 километрах позади. Само описание боя и предыдущий мой анализ его не дают достаточного объяснения этому явлению. Весьма незначительной кажется причина в сравнении с ее огромными последствиями, и мысль бессознательно вынуждена искать более глубокого и далекого объяснения. Поищем его сначала у противника.

Г-н Тухачевский на этом сражении останавливался мало. Он трактует его как один из эпизодов и, как я уже указывал, вовсе не вспоминает о своем основном плане, который мне удалось найти в достаточном освещении у г-на Сергеева. Он как будто вполне доволен собою и своими войсками и спокойно заявляет, невзирая на факты, что все его задания армиями были исполнены к указанным срокам. У г-на Сергеева мы находим полное отрицание такого утверждения. О действиях своей 4-й армии он так хвalebно не пишет, а в конце своей книжки в приложении поместил свой приказ от 7 июля, в котором выражает своим подчиненным резкое порицание. Характерными являются некоторые отрывки этого приказа: «Комбригом 164 выказано отсутствие инициативы и нерешительность, бригада все 5-е число топчется на одном месте под предлогом неполучения соответствующих указаний от своего комкора и тем задерживает продвижение 53 дивизии последняя вышла в район Шарковщины с опозданием на целые сутки и также топталась 5 июля в одном и том же районе, имея в резерве целых пять полков. По занятии Шарковщины части 53 дивизии для чего-то направились в район Стуканы, Беляй, т. е. в тыл 12 дивизии». А несколько далее г-н Сергеев строго добавляет: «Требую прекратить постоянное опасение за фланги и учитывать моральное состояние противника: совершенно недопусти-

мо, чтобы отдельные роты расстроенного противника, случайно не успевшие вовремя удрать, принимались бы за свежие полки, под угрозой удара которых задерживалось бы продвижение целых наших дивизий». Так говорит откровенный г-н Сергеев о дне 5 июля, когда наша 8-я дивизия, якобы «распыленная», «разгромленная» и «уничтоженная», разрушила на севере все «седанские» намерения.

Что же касается другого, южного, фланга, то, по г-ну Тухачевскому, 3-я армия заняла 5 июля, как ей было приказано, Докшицы, а 6-го числа — Парафианово. Между тем на самом деле сопротивление 1-й Литовско-Белорусской дивизии задержало 3-ю армию настолько, что, как это сообщает г-н Сергеев: «в район Парафианово она вышла только 8 июля», т. е. тогда, когда там могли быть только последние дозоры нашего арьергарда.

Для г-на Тухачевского эти факты не существуют, он убежден, что разгромил и уничтожил противника, и это убеждение вознаграждает его, по-видимому, за неудавшийся Седан. Как плохо ориентируется г-н Тухачевский в том, что он и его войска сделали, можно видеть из его приказа, отданного в Смоленске 7 июля в 9 часов 40 минут. Сведения о своем противнике он сообщает кратко в первых словах этого приказа: «Главные силы разгромленного противника отхлынули в поставском направлении»... Между тем мы знаем, что главные силы 1-й армии — увы! — вовсе не пошли в этом естественном направлении, так как 5 июля после полудня они приказом ген. Шептицкого были стянуты в ином совсем направлении, а именно — в направлении на Парафианово и Молодечно. На поставское же направление, выражаясь языком моего противника, вышли, и то случайно, только две дивизии — 10-я и 8-я, командующий коими ген. Желиговский, совершенно свободный от какого-либо натиска неприятеля, намеревался спустя некоторое время перейти в наступление против войск г-на Тухачевского.

На основе этих ошибочных сведений о нас г-н Тухачевский приказывает своей самой слабой армии, усиленной, впрочем, кавалерией, преследовать «разгромленного» и «окончательно разбитого» противника в направлении на Поставы и Вильно. В то же время он собирает свои главные силы, 15-ю и 3-ю армии, в сильно сжатый кулак и двигается с ними к югу от преследующей нас 4-й армии для довершения победы, чтобы «уничтожить» и «разгромить» остатки наших сил на этом фронте, нашу

4-ю армию, стоящую на Березине. Она должна быть атакована с фронта 16-й армией и большей частью Мозырской группы, наступающей на Бобруйск и держащей направление на Слуцк; к ее левому флангу уже 6 июля была направлена 3-я армия. Наиболее же организованная и сильнейшая 15-я армия идет в направлении Молодечно, в виде главного резерва, наподобие старой гвардии Наполеона, чтобы сломить последнее сопротивление, если бы такое еще где-либо было оказано.

Когда я думаю обо всех этих действиях и боевой работе нашего противника в течение этих первых дней операций, ведущих к Варшаве, я не могу найти в них ничего такого, что оправдывало бы большое значение этого боя и отсутствие серьезного сопротивления с нашей стороны вплоть до самой Варшавы. Когда я думаю об этих боях, когда их анализирую, я не могу не видеть какого-то странного опасения и недостатка решимости в советских войсках. Несмотря на огромный перевес, какой они имели на флангах, неприятельские дивизии действительно слишком часто «топчутся на месте», не пользуясь ни перевесом своих сил, ни бесспорными тактическими победами. Не думаю, что ошибусь, допуская, что означенная робость, которую г-н Тухачевский приписывал единственно своей 16-й армии, а г-н Сергеев, как мы видели, распространял ее после майских проигранных боев и на иные дивизии, особенно 3-й и 4-й фланговых армий, — что робость эта перед силой противника должна была еще сильнее действовать во время боев в начале июля. Мы увидим, как вскоре советские солдаты научатся пренебрегать нами, как непригодной для боя толпой, но пока, в первых числах июля, робость эта у них еще существует. Даже отборная 15-я армия, составленная из самых лучших дивизий, которые до сего времени не скрещивали с нами шпаг, после несомненных успехов 4 июля и в начале дня 5 июля находится в бездействии тогда, когда наши войска отступают. Неужто она чуяла какую-то засаду, как бы ожидая неожиданного, но обычного до сего времени у нас, поляков, маневра? Чувствуется во всем еще сохранившийся наш моральный перевес над противником. На пути топчущихся на месте дивизий стоят еще доселе призраки предыдущих сражений и неудач, так что войска не очень-то, видно, поддаются преувеличенным, почерпнутым из агитационной публицистики уверениям своих командиров. Итак, у противника мы не находим достаточно глубокого объяснения стратегического значения тактического проигрыша,

понесенного нами в дни 4 и 5 июля. Так поищем его у себя.

Раньше я уже говорил, что с нашей стороны командующие во время боя 4 и 5 июля поставили своим подчиненным как цель удержание занятого положения, а где таковое было противником нарушено — «восстановление прежнего положения». Последние слова я взял в кавычки, так как они повторяются в телеграммах, рапортах и приказах так часто, что становятся как бы припевом в боевой музыке этих дней. Характерные слова! Представляется, что этот несчастный кусочек земли является каким-то утерянным сокровищем, для возвращения которого нужно напрячь все усилия. Неужто действительно так думали командующие? Когда я перечитываю неоднократно оценку военного значения этой полосы местности, я нахожу как раз обратное суждение. Каждый командир жалуется в своих реляциях на разные недостатки этой полосы местности. Так, например, один утверждает, что из-за болот на линии фронта было затруднено сообщение вдоль него, в то время как для неприятеля, напротив, высохшие эти болота не являлись достаточным препятствием. Другой утверждает, что вследствие большого количества кустов перед фронтом поле обстрела очень малое и неприятель имеет возможность легкого подхода. Даже несчастная Аута, именем которой главнокомандующие называют самую битву, дождалась укоризненной оценки одного из них. Ген. Ендржеевский, командующий центральной группой, пишет: «Хотя на первый взгляд (по плану) речка Аута могла еще обнадеживать как препятствие, на самом деле этот незначительный ручеек не имел ровно никакого оборонительного значения». Один только, кажется, ген. Ледоховский, командовавший 11-й дивизией, не отзывается отрицательно об этом потерянном сокровище. Он в реляции кратко указывает, что позиция была хороша и пригодна для обороны. Все же остальные, не исключая и высших командиров, как, например, командующий 1-й армией ген. Желиговский и командующий фронтом ген. Шептицкий, заявляют в один голос, что позиция, на которой происходил бой, была слишком растянута для наших сил и мало снабжена при такой растянутости артиллерией. Следовательно, естественно возникает вопрос, зачем же, собственно, как цель почти двухдневных боев было поставлено «восстановление предыдущего положения»? Если эта позиция не была достаточно хороша, то ведь сравнительно нетрудно было найти иную, хотя бы не са-

мую лучшую, имеющую те или иные недостатки, но на которой так же хорошо, а может быть, и лучше можно было бы сражаться. Зачем нужно было так упорно сопротивляться на столь невыгодной позиции, которую так настойчиво атаковали превосходящие силы противника?

Когда говорится о позиции, за которую ведется бой, то это напоминает каждому знающему историю войн так называемую позиционную войну. Позицией мы называем ту или иную полосу земли, которая с точки зрения своего рельефа дает возможно больше преимуществ обороняющемуся перед атакующим. Из военной истории мы знаем, что в течение некоторого периода военное искусство прилагало большие усилия, чтобы найти на местности такие позиции, на которых войска могли бы безопасно принять бой. Но опыт войны отверг подобные построения, так как обычно неприятель обходит позиции, не соблазняясь их занятием. К тому же, когда любой кусок земли стал укрепляться окопами, позиции, в общем, много потеряли в своем значении. Но не ради пустого слова «позиция» наши командующие ставили перед войсками задачу возвращения потерянных, хотя и плохих, по их мнению, позиций. Здесь дело шло о другом, и если бы в приказе вместо абстрактного «восстановить прежнее положение» было употреблено более конкретное выражение — «вернуть потерянную линию окопов» — мы попали бы в точку, так как из-за них, собственно, только и велся бой. Не позиция, признанная к тому же ничтожной — и отыскать такую же в ином месте было бы легко, — играла здесь роль, а длинная линия тем или иным способом сооруженных укреплений и окопов. Только тогда, когда именно так поймем цель битвы, она приобретет стратегическое значение, вместо того чтобы быть рядом не координированных ничем боев без всякой значительной цели.

Я умышленно подчеркиваю разницу, какая должна существовать, по моему мнению, между позицией и окопом, между войной позиционной и окопной. Если позиционная война в том виде, как я ее определил, принадлежит уже к давно прошедшему, то окопная война, продолжавшаяся в европейскую войну несколько долгих лет на громадных пространствах, не только стала общеизвестной, так как в ней принимали участие десятки миллионов людей, но успела обработать своими требованиями головы и души людей и создать даже специальный военный язык. В начале европейской войны, в 1914 году, окоп принадлежал исключительно к области тактики, к методу, каким велись

бой. Рядом с карабином каждый солдат нес с собой в бой и лопату, как неотъемлемую часть своего вооружения. И независимо от того, должен ли он был защищаться или идти в наступление, лопата была для него средством боя. И вот, в стремительных движениях и маневрах, которыми открылась великая четырехлетняя война, окоп применялся повсюду — и в наступлении, и при обороне, но нигде не определялся как цель больших боев и в область стратегии, определяющей эту цель, никогда не вторгался. Иногда, благодаря своей оборонительной силе, окоп приобретал значение позиции — этим именем окрестили некогда специальные куски местности, по своей природе имеющие оборонительную ценность, но и после этого окоп был только эпизодическим явлением в схватках огромных, миллионных армий, которые до конца 1914 года не хотели отказать от главного фактора победы — маневра.

Лишь в последующем году, на полях Франции и Бельгии, оба противника остановились в бездействии и безволии друг против друга, задержанные длинной, непрерывной линией окопов. Тогда окоп, как непреодолимое препятствие, устраняя главный до сего времени фактор — маневр и движение, победоносно перешел из области тактики в стратегию.

Как гордый победитель, он стал жиреть, начал утопать в роскоши и требовать от ведущих войну, как Молох, все новых жертв. Вырастали все новые, одна за другой, линии окопов, создавались целые лабиринты, попадая куда свежий человек находился точно в новом, незнакомом ему городе, где без плана, указателей дорог, названий улиц и постоянных расспросов можно было заблудиться. Окоп потребовал жертв из области ежедневных человеческих потребностей. Солдаты устраивали себе в окопах жилища, делались огромные человеческие усилия, чтобы сделать в этом необыкновенном месте удобные помещения, пригодные для работы и отдыха. Для удовлетворения требований нового фетиша войны в его победную колесницу было запряжено все, что имела в своем распоряжении воюющая страна. И вот инженер, а не несчастный пехотинец применял там свои технические познания, а многочисленные фабрики доставляли огромное количество строительного материала, который поглощался окопом. Точно в большом городе, во всех направлениях шли провода, соединяющие штабы и командиров, склады и магазины, госпитали и конюшни. Окоп-тыл с каждым месяцем все более усиливал свою мощь и все

тщательнее и глубже разрушал и уничтожал силу победоносного до того времени движения и маневра. В этой продолжавшейся несколько лет войне благодаря окопам выработалась, как это всегда бывает при большой скученности людей, более тесном их сожительстве и при совместных действиях в преследовании единой цели, особая психология и у солдат, и у командиров — психология, связанная прежде всего с военным строительством специального характера, строительством, расходуя массу строительного материала, а затем и с механизацией большей части боевых действий. Сражались тогда с наибольшими усилиями за каждый участок окопного лабиринта; считалось победой взятие полкилометра этой новой, неизвестной до сего времени преграды. Оплачивались эти победы большими потерями в людях и еще большей потерей драгоценного военного материала. И тогда, в такой именно окопной войне, которая так сильно ограничивает маневр и движение, стратегия стала намечать для боя более скромные цели, чем то было раньше, и тогда «восстановление прежнего положения» стало означать отбитие захваченных неприятелем окопов, как утерянного сокровища.

Война в прежнем значении этого слова, казалось, исчезла, и долго все попытки и усилия выдающихся умов свести с триумфов прежнего победителя обратно в стратегию оказались бесплодными. Великий мировой полководец, великим гением сломивший некогда линейную стратегию и стратегию неприступных позиций, — великий Наполеон не раз должен был перевернуться в гробу, видя упадок и забвение своих поучений и своих блестящих подвигов. В то время как он гордо заявлял, что много войн выиграл благодаря ногам солдата, благодаря его подвижности и молниеносному маневрированию, — здесь война до очевидности вырождалась в бесплодные усилия всяких ремесел и индустрии, напрягающих себя для доставки громадного материала, необходимого для ведения подобного рода борьбы. Сломить волю противника рассчитывали изнурением, беспрестанным убийством, выкачиванием сил из кустарной и фабричной промышленности.

Главной основой окопной войны является, следовательно, сооружение столь сильного препятствия движению неприятеля, что только при помощи огромной затраты сил и людских жизней, а также боевых материалов продвижение это может стать возможным. Всякая же попытка такого продвижения должна быть наказана такими же по-

терями, и бой приобретает характер доказательства осмелившемуся атаковать, что все его попытки напрасны. Только таким путем окоп, со всей его сложной техникой и с переменной, вызванной ею в душах солдат и их командиров, покинувши тактические низы, становится частью военной стратегии.

Когда, так понимая окопную войну, я стараюсь проанализировать нашу польско-советскую войну, я всегда, как в своих воспоминаниях, так и в документах, нахожу в нашей армии внутреннее трение в отношении именно этого вопроса. В то время как я, как главнокомандующий, сразу отказался от попытки ведения окопной войны, не видя даже возможности применения ее метода у нас, я всегда встречал, как среди своих подчиненных, так и в обществе, поклонение принципу «*Faites une ligne forte*»¹. Будучи под сильным, свежим впечатлением только что закончившейся войны в Европе, люди — увы! — слишком часто хотели видеть в моих попытках введения в нашей войне метода движения и маневра недоразвитие стратегической мысли, отказывающейся от всей красоты и могущества недавнего господина стратегии — жирного и откормленного окопа. Окоп же у нас, собственно говоря, мог быть лишь очень худым и весьма убогим. Он не мог получать у нас так много пищи, чтобы иметь необходимую стратегическую тучность, ни при содействии промышленности, которой не было, ни при помощи людского напряжения для достаточного заселения окопа и поддержания его надлежащей тучности и значения. До 1920 года мое влияние имело перевес настолько, что окоп возвращался в свою область, в область тактики и метода боя, а постоянные наши боевые успехи, казалось, подтверждали правильность моего взгляда. Однако окоп неохотно уступал свой трон. Он мстил, искал реванша, оставляя заместительницей неразлучную свою сестру линию, постоянно враждующую с введенным мною движением и маневром. Он мстил, оставляя вокруг меня и особенно за моей спиной пожимание плечами, недовольный шепот и тихие, скорбные жалобы на престарелые детские романтические стратегические идеи главнокомандующего.

Faites une ligne forte! Вот современная война, вот спасение Польши! Сколько укромных уголков истории, связанных с этой контрверсией, я мог бы осветить!

¹ Образуйте укрепленную линию. — *Фр.*

Возвращаясь к анализу июльских боев, отмечаю, что цель, которую преследовали наши командиры в боях 4 и 5 июля, коренилась исключительно в их окопной психологии и стратегии. Целью согласно этой стратегии было — доказать атаковавшему нас противнику, что окоп, нами сооруженный, непреодолим и что если он вступит в него своей ногой, то будет наказан за это святотатство. Когда же я просматриваю документы, приказы, рапорты и реляции, то нахожу в них понятные для меня доказательства того, что период, предшествовавший битве, был периодом реванша со стороны господина стратегии — окопа по отношению к главнокомандующему.

Вот один из документов, полный определений и понятий, понятных только при ведении войны окопной в самом узком значении этого слова. Я говорю об оборонительном плане участка 1-й армии. Ген. Жигадлович получил от командующего фронтом приказ, гласивший, что «ныне занятая 1 армией линия является *основной оборонительной линией*¹, с укреплением которой надо всячески поспешить».

Оборонительный план ген. Жигадловича состоял в следующем:

«Каждая оперативная группа должна построить на своем участке укрепленную оборонительную линию и удерживать свой участок, совместно с артиллерией и с помощью своих резервов, подготовленных для отражения *всяких* неприятельских атак. Автоматическое взаимодействие артиллерии и резервов с гарнизоном первой оборонительной линии согласно *известным принципам*, изложенным для общего сведения в приказе № 2226/111 от 1/VII». Далее читаем: «В случае прорыва фронта должен, как правило, вступить в дело соответствующий резерв, *заранее для этого участка* предназначенный» — однако, по приказу командующего армией. Для крепости в конце плана добавляется: «*Оперативные резервы* находятся настолько близко, что могут в течение 5—6 часов вступить в бой на любом пункте отведенного им участка фронта».

Когда теперь я читаю неизвестный мне в то время документ об «основной оборонительной линии» и «автоматическом взаимодействии пехоты с артиллерией», я с удивлением думаю, неужели это действительно было? Неужели не было каких-либо сомнений, какой-либо самокритики по отношению к таким приказам? Конечно, были. Вот

¹ Здесь и везде далее курсив автора.

другой документ того же ген. Жигадловича, оценивающий его положение перед самым боем 3 июля. Пишет он, точно профессор: «Как вытекает из опыта мировой войны, вышеозначенное занятие боевой линии пехотой было в общем довольно плотное, поскольку боевая линия *построена* как по *линии*, так и в глубину и имеет соответствующие *проволочные заграждения*». Однако генерал присовокупляет, что «ширина дивизионного участка в мировой войне на фронтах, угрожаемых атакой, не превышала 3000—4000 метров», тогда как у нас «ширина дивизионных участков 1-й армии, превышавшая 10 километров, не давала возможности выделить требуемое количество резервов и расположить их достаточно глубоко».

Хуже обстояло дело с артиллерией, потому что «для поддержки угрожаемого фронта, согласно опыту мировой войны, на 150 метров фронта должно иметь минимум 2 легких и 1 среднее орудие». По подсчету же генерала, на его армию «следовало бы иметь, как минимум, 880 легких полевых орудий и 440 орудий 150-мм». Между тем, горестно жалуется генерал, на его боевом фронте находилось всего около 100 легких и 45 средних орудий. Далее же, после вышеприведенного приказа об «автоматическом взаимодействии артиллерии с пехотой», генерал, изложив цифровые данные, при своей оценке добавляет: «Хотя наше материальное положение и не позволяло в достаточной мере удовлетворить вышеуказанные потребности, тем не менее эти данные иллюстрируют, как слабо был обеспечен фронт артиллерией и что на действительную поддержку пехоты в критические моменты огнем артиллерии, как в форме автоматического заградительного огня, так и сосредоточенного противотанкового огня, можно было рассчитывать единственно в случае местных атак, захватывающих только часть фронта».

Хуже всего, однако, обстоит дело с любимым детищем окопов, неотделимым его опекуном — колючей проволокой. Поэтому-то генерал жалуется «на плачевное положение с транспортом». С трудом он получил пять вагонов колючей проволоки для 1-й Литовско-Белорусской дивизии, доставленных из Молодечно в Парфианово, и только тринадцать вагонов едва удалось продвинуть до станции Подсвижье, а ведь — плачется генерал — количество этой проволоки было недостаточно даже для сооружения одного только ряда заграждения вдоль фронта! И в бедной, озабоченной голове генерала рождались, вероятно, золотые сны о том, как к угрожаемым участкам занятого им

фронта бегут специально построенные железные дороги и узкоколейки, обеспечивающие подношения его господину окопу — сотни вагонов проволоки, сотни вагонов, наполненных бревнами, сотни со строительными материалами, лесом, железом, и как на огромном пространстве, покрытом телефонными проводами, идет спор о скорейшей доставке рулонов толя для покрытия крыш солдатских жилищ. Ввиду всего этого генерал полагает, что в июле 1920 года армия очутилась «перед задачей, выполнение которой требовало сверхчеловеческих сил», и что «элементарной волне» нельзя было поставить преграды.

Это, однако, не мешает отдаче приказов и их исполнению вразрез со столь правильно оцененным положением. Более того, вот цитирую приказ ген. Ржендковского, командующего группой. Приказ от 30 июня. Пункт первый гласит: «В приложении пересылаются: а) схема системы оборонительной линии в районе 1 и 4 армий, утвержденная командующим фронтом ген. Шептицким; б) схема системы оборонительной линии на участке 1 армии, разработанная командованием той же армии на основе предыдущего плана». Обращается внимание на то, что спроектированная 11-й дивизией «1 линия 2 позиции» согласуется с первой линией фронтового командования и 1-й армии и должна рассматриваться как таковая. Там должны быть «плацдармы, или опорные узлы, так называемые большие или меньшие комплексы опорных пунктов в тактических важнейших местах, а также отдельные пункты сопротивления между этими узлами на менее важных тактических пунктах. Удаленность узлов, считаясь с тактической необходимостью, следует рассчитать так, чтобы между двумя соседними узлами была огневая связь, а резервы, расположенные позади, могли вовремя подоспеть (вероятно, автоматически. — *Примеч. автора*) в промежутки между узлами и парализовать вторжение неприятеля. Расстояние между опорными пунктами должно быть таким, чтобы они могли взаимно поддерживать друг друга ружейным огнем (фланговым). В соответствии с вышеизложенным и в зависимости от местных условий следует дополнить число опорных пунктов». Присланная для выполнения схема, которую я сейчас вижу впервые, представляет укрепленное пространство глубиной около 50 километров! Множество малых и больших звезд и звездочек, обозначающих «плацдармы» и «оборонительные узлы», украшают план ген. Шептицкого, и все они соединены беспрерывным окопом. И это должно быть выполнено!

Этим должны были занять свою мысль и командиры, и солдаты, в то время как — мы это видели — для занятия линий недостаточно пехоты, совершенно не хватает артиллерии, а необходимого для укрепления материала — проволочки не хватает даже для проведения одного ряда заграждений перед первой линией. Однако этот проект имел только историческое значение, и, кажется, только из-за невыполнения этого проекта командующий фронтом счел себя побитым и не стал далее удерживать «элементарной волны» иными способами.

Не стану цитировать многих иных документов, свидетельствующих о незаслуженном возвеличении системы окопной войны в этот период на нашем фронте. Остановлюсь лишь на одном из них, который касается действий артиллерии, автоматизированной, согласно приказу, для взаимодействия с пехотой. Передо мною лежит схема такой работы 3-го дивизиона 1-го артиллерийского полка Литовско-Белорусской дивизии. Сколько воспоминаний будит во мне эта схема! Это 1916 год во всей своей красе! Сколько таких схем должен был в те времена просматривать каждый из командиров! Сколько офицеров было занято в штабах обработкой, проверкой и исправлением таких именно схем! На лежащей предо мною схеме имеется почти все, что требует рай окопной войны. Цифры, буквы, разные цвета карандашей, длинные стрелки, обозначающие направление огня, и, наконец, столь характерный план механического заградительного огня с примечанием о заранее уже определенном расходе снарядов. Предусмотрено все: и минуты, в течение которых должен продолжаться огонь, и скорость этого огня. Отмечу, что бережливость в отношении расхода снарядов весьма заметна; так, например, 7-я батарея должна стрелять только в течение 2 минут, и то делая по 3 выстрела в минуту на орудие, и, следовательно, в сумме, для того чтобы задержать неприятельскую дивизию, 7-й батарее разрешается сделать 24 выстрела! Даже лошадь посмеялась бы над таким заградительным огнем. А если к тому прибавить, что эти несчастные 12 орудий дивизиона должны покрыть заградительным огнем 9 километров фронтового предполья, где по «опыту мировой войны» должно было стоять минимум 120 легких орудий при соответствующем количестве средних (последних на участке не было ни одного, а о тяжелых не могло быть даже и речи), — надеюсь, читатель простит мне мое солдатское возмущение! Когда подумаю о солдате, который в предсмертном страхе шел на неприятельский окоп в дей-

ствительной окопной войне под ураганом снарядов, сыпавшихся на него из сотен и сотен орудийных жерл, и когда вспомню серые, землистые лица своих солдат после однодневного, а не двухминутного пребывания в окопах в пекле действительного огня — я не могу без горечи думать об этих издевательствах над солдатом и офицером, которые вынуждены были терять время на глупое подражание несчастной лягушке, протягивающей свою лапку, чтоб ее подковали. Окоп, окоп, великий фетиш, победивший величайшие умы и сильнейшие характеры, остерегайся своих маленьких приятелей, так как, согласно упомянутой притче, они погубят тебя и выставят на смех!

Поэтому-то из всех документов, которые я просмотрел, мне более всего понравилась реляция ген. Ендржеевского, который, жалуясь на «жалкий ручеек» Ауту, на недостаточность укрепления позиций и недостаток колючей проволоки, заявляет, что «нужно было заблаговременно выработать обстоятельный план отхода, не подвергая части напрасным потерям, давая им возможность помериться с неприятельскими силами на *выгодных для нас позициях*, а не принуждать наши части сражаться на первой линии, напрасно расходуя людской материал без надежды на успех». А ведь окопный рай существовал! Где-то в тылу сверкала «немеская оборонительная линия времен мировой войны; линия эта представляла отличную позицию с неисчислимыми проволочными заграждениями», из которых даже днем трудно было выбраться. Ну разве это не рай! Даже при ясном солнышке можно заблудиться в проволоке!

Эта странная, непонятная для меня тоска по окопной войне у наших командиров должна была повлечь за собою иные грозные последствия. Окоп, врываясь победно в стратегию, должен был стать собственностью, если можно так выразиться, тех командиров, служебной привилегией которых была стратегическая работа, работа высшего командования. А тактика театра войны, как некоторые называют стратегию, ревниво стережет свои привилегии, ограничивая низшую тактику, тактику поля битвы, в свободном применении ею объектов своего внимания. Поэтому всегда можно ожидать, что применение окопа, определение его силы, направления, расчет затраченного на его изготовление труда будут больше зависеть от высших командиров, чем от низших и солдат. Чем более лопата становится стратегическим оружием, тем менее без приказа будет применять ее солдат и младший офицер. Следовательно,

в наших условиях, где немыслимо было думать о развитии окопной войны как тактики театра войны, всякие попытки в этом направлении должны были внушить нашему солдату и офицеру, что он слабее своего противника и хуже его вооружен, поскольку высшее командование брало его лопату в свое распоряжение.

Для окопной психологии командиров чрезвычайно характерным является случай с 17-й нашей дивизией, стоявшей, как мы знаем, в резерве; находясь в распоряжении командующего фронтом, она не принимала участия в «автоматическом» сотрудничестве ни с артиллерией, ни с пехотой. С первого же момента боя, когда известия об отступлении нашей 11-й дивизии пришли в Вилейку, а затем в Минск, где находился штаб командующего фронтом, начались переговоры между двумя высшими командованиями об использовании в бою этой дивизии. Переговоры тянулись некоторое время, так как в таких случаях сталкиваются обыкновенно разные мнения, которые нужно согласовать, но здесь дело шло не об основном, не о времени, а лишь о методе и способе использования сил 17-й дивизии. Тем временем боевая обстановка изменялась, но это медленно проникало в сознание командующих, Ген. Ендржеевский оказался в значительно более тяжелом положении, чем наша 11-я дивизия, которая задержалась после первоначального отступления. Понадобились поэтому новые соображения, и снова о методе боевой работы резерва. Наконец командующий фронтом уступает дивизию, но с тем, что она будет использована в полном своем составе, соберется в Мазнево и Колоно и будет атаковать в северном направлении. Естественно, эта картина, которая была увековечена в переговорах между Минском и Вилейкой при помощи аппарата Юза, давно уже осуждена даже военным искусством среднего уровня. Обыкновенно нельзя управлять мельчайшими перипетиями боя, будучи в нескольких стах километров от поля, где скрещиваются боевые мечи, но это вполне допустимо и естественно в окопной войне. В ней телефонная сеть и пути сообщения проникают далеко, сооружения, в которые вложена масса разного материала и человеческих усилий, создают условия, при которых командир может быть в курсе мельчайших обстоятельств боя. В этих условиях такое дирижирование бывает часто даже необходимо, так как всегда существует опасение, что механизированная, по необходимости автоматически действующая часть боевых функций войск может пострадать и не раз явится причиной неуспеха, который трудно исправить.

Но там, где командующий с трудом проталкивает несколько вагонов колючей проволоки, там, где известия с поля боя доходят только в общей, часто неясной и трудно проверяемой форме, — командование батальонами за несколько сот километров является весьма ярким злоупотреблением тактикой театра войны за счет тактики поля боя. 17-я дивизия, как устанавливает это ген. Ендржеевский, вступила в дело только пополудни, с опозданием, как пишет этот генерал, на 5—8 часов. Но зато место сосредоточения 17-й дивизии, Мазнево, Колено, дает как раз 4 километра фронта, что является, согласно «опыту мировой войны», надлежащим участком для дивизии на «угрожаемом» фронте!

Если я так долго задержался на рассуждениях, связанных с окопной войной и ее системой, то только потому, что это была единственная, кажется, с нашей стороны попытка в минувшей войне, наперекор моим — главнокомандующего — взглядам, попробовать настоящей якобы войны, войны европейской. Проба не удалась. В первых числах июля она была скомпрометирована. Но благодаря ей легко вообще переносимое тактическое поражение превратилось в проигранное стратегическое сражение, последствия которого шли очень далеко. Это не пустые слова. Эта самая 1-я армия еще недавно, в мае месяце, легко отступила перед превосходящими силами противника, а когда прибыли далекие, стоявшие не в 5—6 километрах, о чем с гордостью говорил ген. Жигадлович, резервы, — она так же легко перешла вместе с ними в контратаку, не обнаруживая при этом никаких следов понесенного поражения, не считая себя обессиленной. Теперь же во имя призраков окопной войны, не имея никаких средств для ведения боя по этой системе, мы втянули все силы в бой с истинно окопной целью овладения «прежним положением» как единственно достойной целью усилий солдата. Солдат под таким командованием должен был заслужить шпоры европейского рыцаря, а не польского оборванца, не понимающего хорошо, что делает. Ведь он рыл окопы по схемам самых высших командиров и до его ушей неминуемо доходили споры о том, где, собственно, первая линия второй позиции и где вторая линия первой позиции, где находятся заградительные, а где основные линии. Бедному солдату тем труднее было разгадать это громадное окопное искусство, что все эти участки, оборонительные узлы, заградительные и номерованные линии и позиции были чаще всего чрезвычайно похожи друг на друга, точно близнецы, т. е. существовали

они только на бумаге или же были обозначены на местности какими-то ничтожными обсыпавшимися рвами. Когда же все эти чудачества пришлось оставить и все усилия солдата, направленные для восстановления столь, по-видимому, важного для высших командиров «прежнего положения», оказались напрасны — солдат, как обычно в таких случаях, стал перед вопросом: или он вместе со своими усилиями негоден и бессилен и европейские шпоры не для него, или его командиры не знают, что делают. Это было таким моральным потрясением для солдата, что исправить его было нелегко. Отсюда-то и происходит то неоспоримое громадное влияние боя на «жалком ручейке» Ауте, боя, который, будучи для неприятеля, ввиду его широких планов, лишь полубедой, для нас оказался не тактической неудачей, а крупным стратегическим поражением.

VI. ДЕЙСТВИЯ СТОРОН МЕЖДУ 6 и 14 ИЮЛЯ

Бой нашей 1-й армии с тремя армиями г-на Тухачевского закончился, собственно, 5 июля. Победоносные дивизии не перешли в немедленное преследование. Конница, которая в подобных случаях является весьма деятельной и полезной, следуя на крайнем правом фланге, шла, собственно, впустую, не имея перед собою противника, а половина ее — целая дивизия — была задержана для наблюдения за нашими соседями и недавними союзниками — латышами. Как бы для преследования, в центр была брошена отдельная кавказская кавалерийская бригада, которая, миновав 6 июля Глубокое, медленно продвигалась к западу. О действиях этой конницы наши донесения ничего не говорят. Зато много рассказывает г-н Сергеев. Действия эти ни в коем случае нельзя назвать преследованием; в то же время, судя по словам г-на Сергеева, бригада эта довольно старательно избегала какой-либо связи со своими войсками. Приказом г-на Тухачевского от 7 июля бригада эта была предназначена для ведения преследования в западном направлении, указанном для всей 4-й армии, находившейся под командованием г-на Сергеева. Много забот имел командующий армией по отысканию действительного местонахождения этой бригады; он определенно утверждает, что 15-я армия, которой подчинялась эта бригада, не могла ему указать ни ее месторасположения, ни способов ее отыскания. Поэтому нет ничего удивительного, что г-н Тухачевский так ошибается, когда утверждает в своем приказе

от 7 июля, что главные польские силы отошли в западном направлении, на Поставы. Отсутствие преследования и отсутствие ясной картины обстановки после неоспоримой победы, которую к тому же г-н Тухачевский сильно преувеличивает публицистическими определениями, представляет собой весьма характерное явление войны. Я не хочу быть злоязычным, однако это мне сильно напоминает положение немецкой армии в 1870 году, когда после беспорядочной, случайной, происшедшей без всякого руководства и вопреки намерениям главного командования, но все же победоносной битвы под Спихерном армия эта начала действовать впустую, натываясь постоянно на неожиданности, которые ей дорого стоили, как, например, очередной бой под Вионвилем. Бой 4 и 5 июля не был Спихерном, так как здесь, несомненно, было руководство как с одной, так и с другой стороны, и я не хочу делать по отношению к г-ну Тухачевскому столь злого намека, однако, несомненно, уже 5 июля армии г-на Тухачевского отказались от преследования, потеряли соприкосновение с противником и могли подвергнуться всяким неожиданностям.

Откуда, однако, берется этот недостаток неподвижности, столь естественный и столь неизбежный на войне? Одну из причин я уже пытался проанализировать: это характерное топтание на месте разных дивизий. Мы видим это и в способе преследования кавалерийской бригадой. Это разрушило «седанские» замыслы, давая г-ну Тухачевскому только полупобеду; это свидетельствует также об известной боязни противника. Но, кроме того, были, несомненно, известные недостатки и в командовании. Не хочу, ибо без данных и материалов не могу разбирать, где именно сказались эти недостатки. Это трудно установить, не имея в своем распоряжении донесений, которые 5-го числа поступали к г-ну Тухачевскому. Однако является фактом, что в то время, как еще в ночь с 5-го на 6-е г-н Тухачевский двигает свою 4-ю армию в «седанском» направлении прямо на юг, уже 6-го, как он сам пишет, отказываясь от «седанских» замыслов, он перестает толкать 3-ю армию — южный фланг — в «седанском» направлении на запад и на север. Эта 3-я армия уже 6-го числа получает задание поддерживать еще более южную 16-ю армию движением на Минск, т. е. почти прямо на юг. Наши донесения устанавливают, что именно в этот день левофланговая дивизия нашей 4-й армии (15-я), подготавливаясь к отступлению, прикрывалась слабыми постами вдоль реки Понии, в то время как 1-я Литовско-Белорусская дивизия уже отошла на юг от Док-

щиц. Наши донесения отмечают также слабое соприкосновение с неприятельскими патрулями.

Что же, однако, делала избраница, наиболее снабженная 15-я армия? Она была направлена явно на запад, в наступлении 4-го числа продвинулась на расстояние от 4 до 10 километров и, как мы знаем, остановилась, вовсе не добившись 5 июля крупных успехов. Она отказалась от какого-либо преследования, передав его слабой кавалерийской бригаде. 6-го же числа мы видим движение самой северной правофланговой 54-й дивизии, которая резко меняет направление с западного на юго-западное — таково направление движения из Лужков на Глубокое. Получила ли и 15-я армия 6-го числа приказ отказаться от Седана и изменить направление движения — г-н Тухачевский не пишет. Это выявляется только в приказе от 7 июля, отданном в Смоленске в 9 часов 40 минут утра. У г-на Сергеева этот приказ приведен целиком. Г-н Тухачевский изменяет направление 4-й армии с южного на западное, 15-й — с западного на юго-западное, на Молодечно; что касается 3-й армии, то ей приказано дальнейшее выполнение поставленной задачи, т. е. движение на Минск.

По всем этим данным необычайно трудно определить, когда г-н Тухачевский отказался от идеи Седана и какое влияние оказало на него топтание на месте всех его армий 5-го числа. Я склонен предположить, что в далеком Смоленске донесения, проходящие через призму командующих армиями, должны были быть в течение этих двух дней боя весьма противоречивыми, и у г-на Тухачевского в душе должны были возникнуть сомнения, которые выявились в отсутствии нажима на своих подчиненных и в постепенном отказе от идеи Седана. В этом сомнении звучало эхо идей недавнего прошлого, воображаемого «географически-геометрического» узла, связанного со «Смоленскими воротами» и с захождением армий правым плечом на девяносто градусов в новом направлении. Вследствие этого сомнения и вследствие работы вокруг воображаемого узла мы видим отказ от преследования, видим потерю соприкосновения с противником и медленное топтание на месте огромного большинства войск г-на Тухачевского, полусонно вращающихся вокруг какой-то воображаемой оси. Благодаря этому танцу гномов вокруг воображаемого узла г-на Тухачевского наши войска благополучно вышли из тяжелого положения, несмотря на то что приказ ген. Шептицкого заставлял их отходить в неестественном и, скажем, ненужном направлении. Благодаря этому единственно только

ген. Желиговский — а не большинство наших сил, как того хочет г-н Тухачевский, — совершенно незатронутый поражением и разгромом, представлял для г-на Тухачевского «смятые» и «разгромленные» остатки армии, бегущие на запад, «в поставском направлении». Силы командования в этом первом бою «похода на Варшаву» я не могу усмотреть. Войска г-на Тухачевского чересчур часто топтались на месте, опасаясь «разгромленного» противника, а их командующий колебался между Седаном, которого войска не делали, и между тараном, которого опять-таки не делал уже сам г-н Тухачевский. В середине же боя, когда Седан провалился, сам командующий прерывает бой и преследование, переходя к таранам и геометрическим поворотам и оставляя противнику свободу действий...

Противник уже 5-го числа ищет свободы действий. Приказ ген. Шептицкого, отданный перед полуднем того же дня, предписывает всей сражавшейся до сих пор армии оторваться от противника именно для того, чтобы получить эту свободу действий. Целью этого, как гласит первый пункт приказа, является «создание путем перегруппировки новой *линии* с целью перехода в контрнаступление». Я не знаю, достаточно ли разъяснил командующий фронтом свою мысль командующим армиями, но приказ нашей 1-й армии, повторяя, впрочем, в первом пункте директиву командующего фронтом о переходе в контрнаступление, в пункте пятом предписывает занять «новую *оборонительную линию*». Итак, контрнаступлением должно явиться занятие оборонительной линии, а в одном из последних пунктов ясно предписано «оборонительную линию усилить технически». Несомненно, сама формулировка этих приказов должна вызвать в сознании подчиненных впечатление противоречия. Противоречие еще более усиливается и еще более кажется странным, если обозначить на карте новую контрнаступательно-оборонительную линию. Начинается она в Небышине на реке Понии, а кончается далеко на севере, на тракте от Шарковщины к Свенцянам, в Козьнах. Протяжение этого контрнаступления — или оборонительной, технически укрепленной позиции — достигает приблизительно 100 километров, т. е. ровно столько, сколько занимала за два дня перед этим наша 1-я армия на оборонительной линии на «маленьком ручье» Ауте. А когда мы вспомним, какой вид имело техническое укрепление этой позиции и сколько она вызвала жалоб по поводу недостатка укреплений, когда вспомним, как печально кончилось испытание оборонительной позиции в бою 4 и 5 июля, —

то пойдем, какой горькой иронией для войск, читающих этот приказ, должно было звучать желание командующего армией, выраженное в том же пятом пункте словами: «Удержание этой линии является обязательным». Таким образом, участки «оборонительной линии» совсем уж не соответствуют «опыту мировой войны»!

Участки эти, однако, имеют еще одну характерную особенность. В то время как две северные дивизии, 8-я и 10-я, должны занять участок новой оборонительной линии протяжением в 55 километров (8-я — 30, 10-я — 25), три южные дивизии (17, 11 и 1-я Литовско-Белорусская) имеют значительно меньшие участки, не превышающие в среднем 15 километров, т. е. занятые с такой плотностью, какая была в бою 4 и 5 июля. Это, вероятно, было сделано не без цели, и хотя мне кажется сомнительным, чтобы относительное сгущение сил на юге вызывалось намерениями командующего фронтом перейти в какое-либо контрнаступление, однако следует проанализировать, почему именно было произведено это уплотнение войск на юге и рассредоточение на севере. Я должен тем более это сделать, что именно такое стратегическое расположение 1-й армии является следствием вышеупомянутого дефилирования всего нашего центра в бою 4 и 5 июля, дефилирования, которое действительно обрекало наши войска на «разгром» и «распыление». Судя по приказу ген. Шептицкого, можно было предполагать, что он имеет за своим левым флангом где-то стоящую в бездействии 7-ю армию. По крайней мере, второй и третий пункты приказа уделяют относительно много внимания этой соседней армии. Привожу эти пункты дословно. Второй пункт гласит: «7 армия получила от главного командования приказ оттянуть части, стоящие на севере, в район Свенцяны»; в третьем пункте мы читаем: «Тракты Дуниловичи — Постава — Годуцишки, а также Шарковщина — Козяны — Твереч (оба тракта ведут в Вильно.— *Примеч. автора*) командование 1 армии займет соответствующими частями группы ген. Желиговского или 8 пехотной дивизии, чтобы дать возможность командованию 7 армии передвинуть находящиеся еще в его распоряжении части и, в случае надобности, произвести эвакуацию Вильно».

Для выяснения характера этой загадочной 7-й армии я должен заметить, что, несмотря на столь громкое название, она состояла только из одной формирующейся еще так называемой Литовско-Белорусской дивизии. Дивизия эта насчитывала в своем составе 2700 штыков и была использована для наблюдения и охраны нашей тогдашней демарка-

ционной линии между нами и Литвой на протяжении более ста километров, что означает, что самый сбор разбросанных на большом пространстве постов должен был занять добрых несколько дней. Громкое же название являлось пережитком, сохранившимся еще с тех пор, когда количество входивших в состав ее войск было гораздо больше. Неясная, следовательно, формулировка приказа ген. Шептицкого, чуть ли не заранее подсказывающая эвакуацию важнейшего политического центра — Вильно, уполномочивала, по моему мнению, командующего 1-й армией на рассредоточение своих сил на северном участке, ибо его непосредственный начальник, очевидно, не желал заботиться о последнем. Не мог же командующий 1-й армией ни на минуту предполагать, что ген. Шептицкий оценивает боевое значение 7-й армии выше, чем оно было на самом деле. Я не хочу анализировать влияния этого решения, ибо вообще избегаю в данном своем труде так называемых мною «нескромных уголков истории». Отмечаю только факт, необходимый для понимания операции с нашей стороны, что приказ ген. Шептицкого от 5 июля после проигранного нами в тактическом отношении боя 4 и 5 июля расположил отступающую после боя нашу 4-ю армию неестественным и не отвечающим обстановке образом, так что она должна была иметь более сильный правый фланг, тесно связанный с левым флангом нашей 4-й армии, как будто эта армия (куда, кстати, уже спешил приказ о ее отступлении), не подпавшая еще до сих пор под угрозу, должна была получить поддержку со стороны уже затронутой поражением 1-й армии. Эта поддержка была оказана за счет северного фланга, прикрывавшего западное направление, которое вело к главному политическому центру области — Вильно. Приказ этот тяжело отразился не только на судьбе Вильно, но, как мы увидим из дальнейшего анализа, и на судьбе всего фронта, возглавляемого ген. Шептицким. Этот злополучный приказ ген. Шептицкого, стягивавший на левый фланг нашей 4-й армии огромное большинство сил нашей 1-й армии, мог бы быть еще связан с первым пунктом приказа, который гласит о перегруппировке для перехода в контрнаступление. Но в этом случае приказ сильно запоздал бы. Контрнаступление 4-й армии было бы своевременно 4 и 5 июля, когда ее активная помощь соседней армии, находившейся в тяжелом бою с превосходящими силами противника, могла бы, безусловно, сильно повлиять на положение вещей. Однако тогда 4-я армия в соответствии с методами окопного мышления пассивно стояла,

присматриваясь к боям на севере, и, пожалуй, единственное движение, которое она совершила, было, выражаясь позиционным языком, создание заградительной позиции над новым «маленьким ручьем» — Понией. Эту пассивность можно также заметить и в совершенно ненужной потере времени, так как 4-я армия начала отступление только 7 июля. Я не хочу анализировать поводов и причин этого опоздания, так как в истории один этот день или два дня не сыграли, по моему мнению, стратегической роли по сравнению с громадностью военных событий, которые разыгрались позже. Я отмечаю этот факт только потому, что если, как указывалось мною выше, г-н Тухачевский подарил нам день 6-го, а может быть, и 7 июля, производя свои маневры впустую, то мы, говоря о контрнаступлении, а в действительности придерживаясь тактики пассивного сопротивления, не только не использовали этих дней, но вернули их сполна г-ну Тухачевскому. При этом добавлю, что приказ об отступлении 4-й армии был отправлен из Варшавы 6 июля.

Так или иначе, отступление в западном направлении как 4-й, так и 1-й армии с 7 июля было в полном разгаре. Отступление 1-й армии происходило в большинстве случаев без всякого контакта с противником или с весьма незначительными стычками патрулей. 4-я армия имела некоторые затруднения в первые два дня отступления; впоследствии, однако, она уже отступала без значительных препятствий, постепенно отрываясь от противника. Для огромного большинства своих войск ген. Шептицкий поставил в виде стратегической цели отступление на длинную линию немецких окопов. Эти-то окопы до самого южного берега Свирского озера должны были занять дивизия возле дивизии, и только две дивизии, 8-я и 2-я Литовско-Белорусская, остались вне этих окопов.

Что же касается самого метода отступления как стратегической операции, то я должен отметить, что одинаково как в 1-й, так и в 4-й наших армиях держались, к сожалению, с таким упрямством за линейную систему, по крайней мере в приказах, что наши войска должны были совершить это отступление с большим трудом и тяготами. Система в 1-й армии несколько отличалась от системы в 4-й. Прежде всего, в 1-й армии отступление по приказу было намечено совершенно схематично, в то время как в 4-й армии, находившейся уже под командованием ген. Скерского, мы наблюдаем попытки избежать схематичности и несколько считаться с обстановкой отдельных частей. Признаюсь, что

Эта сухая схематичность приказов является прямо-таки ужасающей. Читающему приказы кажется, что как будто командующий действовал в каком-то пустом пространстве и передвигал по карте бездушные пешки. Для относительно благоприятно складывавшегося отступления 1-й армии распорядились устроить на пути к «окончательной оборонительной линии» целых три «промежуточные оборонительные линии». Что, собственно, означали эти «оборонительные линии», вероятно, не знал и сам автор приказа, но можно быть уверенным, что войска горько чувствовали эту невозможную для выполнения систему. Ведь это в самом деле издевательство над солдатом, если он имеет основание полагать, что командующий требует от него устройства оборонительной линии протяжением свыше 100 километров только для того, чтобы почти тотчас ее покинуть и опять двигаться к подобной же бесплодной работе. Кроме того, само понятие *оборонительной линии* заставляет, поскольку приказ выполняется, отступать чуть ли не патрулями, растянутыми на огромном пространстве, проделывая этот удивительный маневр под угрозой подхода противника, которому несколько дней тому назад не смогли противостоять в открытом бою. Я уверен, что огромная часть войск не выполняла этого приказа, и, возможно, только немногие несчастные падали жертвой Молоха оборонительных линий, этого суррогата великого господина — окопной стратегии. При чтении позднейших донесений, которые изображали состояние 1-й армии в отрицательном виде, следует определенно учесть то, что эта армия после полупобеды противника 4 и 5 июля могла быть добита той безнадежной работой, на которую ее обрекали оперативные приказы.

В 4-й армии мы также имеем проклятые оборонительные линии, к тому же еще с разделением на фазы. В первой фазе их имеется целых три. Та самая оценка, которую я дал в отношении «оборонительной линии» для 1-й армии, целиком относится и к 4-й. Те же самые, почти не выполнимые приказы, почти те же самые слова с необходимыми дополнениями, вызванными соприкосновением с противником. И только 11-го числа новый приказ вносит некоторую перемену. Второй пункт этого приказа наконец-то гласит: «Дальнейший отход дивизий должен происходить в сомкнутых колоннах по главным коммуникационным линиям, с выделением арьергардов только с разведывательными целями». Воображаю, как глубоко и сердечно были благодарны войска за то, что наконец-то они поняли, что дела-

ют! Я остановился на этих приказах только потому, что отступление обеих наших армий является, собственно, продолжением системы, которая господствовала при ведении боя 4 и 5 июля. Как там благодаря господству стратегического принципа позиционной войны мы видим пассивное сопротивление без какой бы то ни было попытки изменить во время боя стратегическое расположение, так и теперь, при отступлении, мы видим ту же самую пассивность в отступлении всех дивизий равномерными линиями, без дерзания мыслить о маневре, без малейшей попытки изменить в чем-либо то, что противник застал ко дню 4 июля. Стратегическое расположение остается таким же, как и прежде, но зато неизмеримо увеличиваются его отрицательные стороны.

4 июля наша 1-я армия, вовлеченная в бой, имела фронт в 100 километров. Соседняя 4-я армия, пассивно ожидавшая результатов боя на севере, имела фронт почти в 200 километров. При отступлении, произведенном по приказу ген. Шептицкого, это соотношение резко изменяется. Когда 4-я армия достигает линии немецких окопов, ее фронт сокращается до тех 100 километров, которые перед этим имела 1-я армия. Наоборот, 1-я армия, отступающая согласно приказу на запад, так быстро растягивает свой фронт, что «оборонительная линия», указанная для занятия командующим, достигает 200 километров. Таким образом, стратегическая обстановка 4-й армии, не потерпевшей поражения, значительно улучшается, в то время как для 1-й армии, наоборот, ухудшается со страшной быстротой. Последствия роковой ошибки приказа ген. Шептицкого от 5 июля дают свои горькие плоды. Когда главные силы 1-й армии, принужденные приказом к опасному дефилированию перед фронтом противника, свернули с естественных путей отступления в направлении на Молодечно, они, как известно, приближались к 4-й армии, оставляя далее на север только незначительную часть своих сил. При анализе приказа я выявил, что результатом его явилось уплотнение наших сил на юге и рассредоточение их на севере. Это происходило в пределах 1-й армии. Теперь мы видим то же самое явление и в отношении всего фронта, находящегося под командованием ген. Шептицкого, когда участок южной армии он вдвое сузил, а участок северной вдвое удлинил. Все это совершается именно тогда, когда как раз на севере 1-я армия отступила под напором превосходящих и сильно сконцентрированных сил противника и когда на юге, на протяжении большей части фронта, мы имели над

ним безусловный перевес и лишь на некоторых участках имели равные силы.

Таким образом, наша армия все более рассредоточивает на севере свой левый фланг, и рассредоточивает до такой степени, что наконец самая северная частица ее, состоящая из двух (8-й и 2-й Литовско-Белорусской), быть может, наиболее слабых численно дивизий во всей армии, заняла, без преувеличения, фронт в 100 километров. Мы заранее, следовательно, предрешали здесь свое поражение, если бы противник нанес удар именно в этом направлении. Однако этот последний, подчиняясь приказу г-на Тухачевского от 7 июля, свой удар на север и на юг перенес на другое направление и направил туда большую часть своих сил. В наиболее угрожаемом для нас направлении, на котором, кроме того, находилось меньше всего войск, двинулась одна только 4-я армия г-на Сергеева — армия, пехота которой любила топтаться на месте, а конница не проявила до сих пор своих свойств. Остальные войска, которые сражались 4 и 5 июля, сложным маневром, совершаемым в пустом пространстве, сворачивались в кулак, обращаясь флангом и почти тылом к 4-й армии. Стратегическое расположение каждой из этих армий также совершенно различно: 4-я армия идет очень широким фронтом, вследствие чего имеет возможность быстро передвигаться, а быстрота ее передвижения, кроме того, может быть еще более усилена благодаря тому, что большая часть ее состоит из конницы; наоборот, остальные войска сжались, как мы определяем, в кулак или — как хочет г-н Тухачевский — в таран. Я еще раз процитирую характерное описание этого г-ном Сергеевым: «Узкие коридоры 15-й и 3-й армий позволяли вести дивизии в двух или даже трех линиях, эшелонированных в глубину, и, следовательно, иметь их сжатыми в кулак и всегда готовыми для выполнения какого-нибудь маневра. 15-я армия приняла такую систему марша еще от Глубокого, имея в первой линии 54, 33 и 11-ю дивизии, а во второй, за флангами, — 4-ю и 16-ю. После двух или трех переходов головные дивизии сменялись тыловыми, резервными; таким образом достигалось значительное сбережение сил пехоты». Такая система марша не могла быть быстрой: армия из пяти пехотных дивизий с соответствующей артиллерией и обозами передвигалась так, как будто бы она являлась полком! К тому же она должна была через известные промежутки менять походное охранение. Это было связано «с сохранением сил пехоты», но зато и с огромной потерей времени: в каждом отдельном случае

не менее половины дня, а может быть, и целых суток. Такая армия должна ползти как черепаха по сравнению с гончей, пущенной с привязи для погони, к чему предназначалась северная 4-я армия. Черепаха и гончая, к тому же взаимно удаляющиеся друг от друга, не товарищи в беге, и, безусловно, не в состоянии одновременно или почти одновременно достигнуть цели.

Из стратегической ошибки ген. Шептицкого и удивительного расхождения целей и движения двух советских армий возникает необыкновенно оригинальный бой из-за обладания городом Вильно. Бой этот, как и бой 4 и 5 июля, опять-таки имел не преходящее тактическое значение, а высшее стратегическое. Он является странным и оригинальным, ибо, несмотря на свое столь важное значение для всей кампании, вовсе не относится к области военного искусства, так как совершенно не был связан с замыслами и намерениями обоих командующих фронтами — ген. Шептицкого и г-на Тухачевского. Первый из них умышленно всячески ослабляет этот участок так называемых оборонительных линий путем рассредоточения войск и, следовательно, не имеет ни намерения, ни желания давать или принимать здесь крупное сражение. Г-н же Тухачевский, как известно, после совершенно неудавшегося Седана поверивший в «разгром», «распыление» и «уничтожение» убегающего якобы в панике противника, бросает в этом направлении также самую слабую из своих армий, рассредоточенную и разбросанную на большом пространстве. С главными же своими силами, собранными в решительный кулак, он не спешит, ибо он уверен в себе, *festinat lente*¹; он движется черепашьям шагом, чтобы искать решения в другом месте. Большая стратегия должна праздновать свой торжественный день в другом месте — в другом месте зашумит Нике², даруя именем Марса и Минервы³ победу и наказуя поражением, — так хотят оба полководца. Как же получается, что не там, где они намечают, решаются судьбы уже не сражений, но самой войны? Разве только для утешения огорченного предыдущим боем г-на Сергеева? Ибо ему в этом Виленском сражении шумящая крыльями Нике возложила на голову победные лавры.

Однако г-н Сергеев раньше, чем получил эти лавры, топчется разукрасить в своей книге не само сражение, а

¹ Тише едешь — дальше будешь. — *Лат.*

² Богиня победы у греков.

³ Божества боя и военного искусства у римлян.

свой марш до него. А так как марш этот абсолютно не относится к числу выдающихся, а является каким-то довольно случайным, он украшает его, как это всегда бывает в таких случаях, словами и определениями, дающими видимость величия там, где недостает его содержания. Действительно, прекрасная книга г-на Сергеева — увы! — пестрит местами большим числом определения «плацдарм». В своем движении на Вильно г-н Сергеев пересекает уезд, которым я горжусь как колыбелью моей жизни, — Свенцянский. Я никогда не предполагал, что он богат такими стратегическими наслаждениями, как «плацдармы». Плацдарм имеется в нашей «столице» — Свенцянах, имеется он также и под Свирью. А так как Свенцяны имеют всего только жалкую узкоколейку, а прекрасный городок Свирь с его старым замком со дня своего основания не слыхал паровозного свистка, то для того, чтобы в двадцатом веке они могли бы для кого-либо стать стратегическими «плацдармами», чтобы они могли сделаться столь высокими объектами стратегии, нужна большая, громадная ценность земли и богатства ее плодов. Гордыми должны быть местные incolae¹ — выражаясь макароническим² стилем!

Мы видим Ореховно, заменяющее гордый Смоленск в буйном воображении г-на Тухачевского, мы видим жалкий ряд проволоки и пару плохих окопчиков, которые заставляли наших высших военачальников отдавать распоряжение, чтобы 7-я батарея 1-й Литовско-Белорусской дивизии открыла заградительный ураганный огонь 24 снарядами; поэтому нет ничего удивительного в том, что и войска г-на Сергеева, несмотря на то что они идут за «рассеянным» противником, осторожны в отношении к славному Свенцянскому уезду, где им угрожает столько «плацдармов». Несмотря на то что армия эта должна была явиться гончей, спущенной с привязи, она особенно не торопится. Вот указание самого командующего армией г-на Сергеева: «Конному корпусу приказ был передан по радио, но выполнен конницей он не был»... «164-я бригада целый день 8 июля простояла на месте в окрестности Замоша». Затем она двинулась в совершенно ненужном, по мнению г-на Сергеева, направлении. Движение конницы г-н Сергеев характеризует словами: «Она двигалась

¹ Жители. — *Фр.*

² Макаронизм — смешной способ разговора или писания, с примесью иноязычных выражений и целых фраз на других языках. — *Прим. перев.*

очень медленно широким фронтом»... Объясняет же он это следующими словами: «незначительные стычки с конницей противника (наш 13-й уланский полк) и с его уходящими мелкими пехотными партиями (наш так называемый Слуцкий полк) сильно задерживали движение всей нашей конной массы»... Вот дальнейшее описание Сергеевым действий его пехоты и кавказской конницы: «Несмотря на панику, распространившуюся в тылу противника от появления частей нашей конницы в окрестностях Видзы и Дукшты, полякам удалось, однако, кое-как организовать сопротивление на германских позициях, причем в районе к югу от Постава до озера Мядзиол это сопротивление оказалось достаточным (здесь была наша «рассеянная» 8-я дивизия), чтобы задержать кубанскую конницу до вечера 9 июля, т. е. до подхода частей 18-й дивизии». Итак, движения 4-й армии теперь сильно наминают топтание на месте во время «седанского» маневра 4 и 5 июля. Опять потеря целых дней, медленные движения черепахи, когда нужно быть гончей. В это время еще действуют против армии г-на Сергеева три наши дивизии. На правом фланге 10-я дивизия ген. Желиговского, в центре — 8-я полковника Бурхард-Букацкого, а на северном фронте постепенно стягивающаяся и собирающаяся 2-я Литовско-Белорусская ген. Боруцака вместе с неполным Виленским уланским полком. Но уже при отступлении к Вильно 10-я дивизия уходит для выполнения более важных задач на юг, чтобы стать к югу от Свирского озера в раю проволоки — в немецких окопах. Следовательно, против 4-й советской армии остаются две наши дивизии вне окопов, стало быть, в худшем тактическом положении, но зато стратегически облагодетельствованные или, вернее, обремененные необычайной растянутостью фронта — почти на 100 километров от Свирского озера до местечка Дубинки. А все-таки! *E pur si muove!*¹ Да, существуют грозные плацдармы! И войска г-на Сергеева опять начинают топтаться на месте. 11 июля начинается на севере нашего фронта под Вильно «трехдневный бой на Вилии», как пишет г-н Сергеев. По его словам, около Подбродзье конница встретила 11 июля «сильное сопротивление противника и вела выжидательный бой», поджидая подхода остальных частей конницы и пехоты.

¹ А все-таки она вертится! (восклицание Галилея). — *Ит.*

53-я и 12-я дивизии, растянутые на широком фронте, того же 11 июля убедились, что «на всей линии реки Вилии противник держится крепко и отражает все попытки наших (советских) стрелков овладеть переправами». Не было лучше и далее к югу. Кубанская конница нашла пехоту противника уже в районе местечка Свирь и, нащупывая его фланги, выяснила, что «вся линия реки Страча от Свири до Михалишек сильно занята противником, который держался также и за рекой Вилией, к западу от Михалишек». Кавалерии не повезло! «Но, — пишет г-н Сергеев, — и после подхода 18-й дивизии не стало лучше». Несколько атак на местечко Свирь было отбито, и командующий дивизией решил подтянуть тяжелую артиллерию. Преследование остановилось. Общее впечатление г-на Сергеева было, будто мы решили защищать Вильно, и это предположение он основывал — о ирония судьбы полководцев! — «на достаточно густой группировке сил противника на линии реки Вилии и на свирском плацдарме». Борьба за Вильно продолжалась, по Сергееву, три дня и во многих местах носила характер «продолжительного и упорного боя»; началась она 11 июля, кончилась же взятием Вильно 14-го.

Является фактом, что в течение этих трех дней в бою участвовали две самые слабые наши дивизии. Является фактом, что одна из них, 2-я Литовско-Белорусская, переходила в эти дни в наступление, и белостокский полк овладел станцией Подбродзье, в 10 километрах за линией Вилии. Является фактом и то, что не сосредоточенную группировку сил имели эти дивизии, а, наоборот, самую рассредоточенную и находились на самом слабом в стратегическом отношении участке длинного фронта ген. Шептицкого. Если противник не «рассеял» во время предыдущих боев эти дивизии, несмотря на то что он в это верил, то их должно было «рассеять» стратегическое расположение, обрекавшее их на трехдневный бой вне окопов и рая из проволоки на протяжении почти 100 километров!

Что же делают в это время, 11 июля, другие, более счастливые дивизии, которые должны были стоять более сосредоточенно, прикрытые раем из окопов и огромным количеством проволоки, в которой можно заблудиться даже при ясном солнышке? Последуем по очереди к югу. Соседняя 10-я дивизия, сдернутая с естественного пути отступления на Свирь и Михалишки, еще 10-го днем или к вечеру достигает линии окопов, при бездорожье и без

всякого соприкосновения с противником. День 11 июля проходит там спокойно. Дальше к югу стоит 17-я дивизия. Опять-таки 11 июля нет соприкосновения с противником. Еще южнее — 11-я дивизия. 11 июля она совершает, как гласят ее донесения, форсированный отступательный марш без соприкосновения с противником в истинный рай из проволоки под Богдановом. Высланные перед фронтом 12-го числа патрули вернулись под утро 13-го, не встретивши нигде противника. Наконец, наиболее южная дивизия 1-й армии, 1-я Литовско-Белорусская, достигает 11-го числа окопов к югу от Богданова, также не видя противника. Итак, 11 июля, когда г-н Сергеев со всей своей армией выяснил возможности «сосредоточенного» занятия не проволоки и окопов, но, собственно, свежего воздуха, впрочем полного «плацдармов», а его войска по старой привычке стали топтаться на месте, вся остальная часть нашей 1-й армии в блаженном покое пользуется или спешит воспользоваться раем из проволоки и окопов на прежних германских позициях, устроенных некогда путем уничтожения литовских лесов и большой затраты энергии и средств наиболее промышленной страной Европы — Германией.

Еще более счастливая в отношении стратегической обстановки наша 4-я армия, сдавши 11-го числа Минск, согласно отданному того же числа и уже цитированному выше приказу свертывается в походные колонны и отступает на запад, к своей части германских окопов, без какого-либо соприкосновения с противником.

А часть эта не маленькая! Для самой многочисленной и наименее затронутой боями нашей армии она достигает как раз того, чему равно протяжение фронта двух наших северных дивизий, начинающих в этот день трехдневный, продолжительный и упорный бой за Вильно.

Чем далее на юг, тем на фронте ген. Шептицкого положение войск становится лучше. Тактические затруднения становятся более легкими, а подарки стратегии более крупными. Наиболее южная, Полесская, группа не является исключением из этого правила. Составленная из трех наших дивизий, она имеет против себя небольшой отряд противника, ибо так называемая в советской армии Мозырская группа его имеет два расходящихся направления для своего наступления. Большая ее часть атакует нашу 14-ю дивизию, следуя за ней от Бобруйска к Слуцку, т. е. севернее Полесья. Таким образом, наша Полесская группа имеет против себя самого слабого противника. Мы име-

ем там громадное превосходство, какого за все время долгой войны мы никогда и нигде не имели. Поэтому-то донесения оттуда всегда звучали победоносно, украшенные, между прочим, «сильным ураганным огнем артиллерии», которым покрывались в этих донесениях Полесские болота с одной и с другой стороны.

Более или менее то же самое происходит и в армиях, находящихся под командованием г-на Тухачевского. 11 июля, когда войска северной 4-й армии начали топтаться на «плацдарме» Свенцянского уезда, ожидая в одном месте тяжелой артиллерии, а в другом подхода пехоты или кавалерии, — сжатые в кулак две армии, 15-я и 3-я, идут почти без соприкосновения с противником, вдали от втянувшегося в бой г-на Сергеева. Только вечером этого дня 15-я армия занимает Молодечно, находясь, таким образом, по крайней мере, на расстоянии двух переходов от германских окопов. И только наиболее северная ее 54-я дивизия своими передовыми частями сможет войти на следующий день, 12 июля, в соприкосновение с нашими 10-й и 17-й дивизиями. Рядом движется тоже «таранная» 3-я армия. 6 июля, как мы знаем, она двинулась почти на юг, из района Докшиц в направлении на Минск. Она движется, вероятно, так же медленно, как и 15-я армия, ибо представляет собой «сосредоточенный таран». Когда же противник, т. е. поляки, не ожидая удара и не противодействуя ему, добровольно отступил и сдал Минск, «таран» 3-й армии, ничего не сделавши, сворачивает, вероятно опять с потерей времени, к северо-западу, приближаясь на сей раз к 15-й армии. Так же как и 11-го числа, она не имеет соприкосновения с противником и в последующие дни. 16-я армия занимает в этот день Минск, имея всюду дело только с патрулями арьергарда, оставленными согласно приказу не для боевых, а для разведывательных целей.

Из всего сказанного ясно, пожалуй, что трехдневный бой под Вильно был делом случая, а не сознательного руководства действиями с обеих сторон. И тем не менее, однако, значение этого боя и его результаты отразились на истории войны в значительно большей степени, чем предыдущие значительно более тяжелые бои, 4 и 5 июля. Во-первых, мы, поляки, с этой минуты имели две войны вместо одной. Согласно утверждению и г-на Тухачевского, и г-на Сергеева, Литва перестала быть нейтральной и приняла участие в войне на стороне Советов. В течение дальнейших военных событий, до окончательного прекра-

щения вооруженных столкновений, факт этот является дополнительной, довольно значительной тяжестью, неодонократно таянущей книзу нашу судьбу на весах истории. Тянет ее он неоднократно, возможно, и до сего времени. Сам бой, хотя г-н Сергеев характеризует его как «упорный», не был интересным, ибо с момента, когда при его личном влиянии были сосредоточены в нескольких местах более крупные силы для атаки, иллюзия «плацдарма» должна была рассеяться и рассредоточенные, как пыль, ряды защитников Вильно не были в состоянии удержать линии. Попытки же наступления с польской стороны, которые все же производились и привели, как мы знаем, даже к занятию Подбродзье, не могли при таком расположении войск, бывших в меньшинстве, дать какие-либо результаты. Когда же 14 июля пал Вильно, тотчас же влияние этого события стало отражаться на стратегическом расположении той и другой стороны. С этого момента и уже до самой Варшавы в первом пункте польских приказов каждый раз повторяется как бы роковое определение: «ввиду обхода нашего левого, северного, фланга противником» остальные войска отступают к западу. Тотчас после взятия Вильно, 14-го числа, отступают к Лиде ближайшие соседи — 17-я и 10-я дивизии, прикрытые раем из проволоки и окопов. За ними отступают остальные части 1-й армии, почти без боя на линии окопов, а еще дальше то же самое делает 4-я армия, которая бросает окопы для новой линии, уже без проволоки, за рекой Щарой. Следовательно, все стратегические предположения и планы лопнули в одну минуту из-за случайного боя под Вильно.

Стратегические подарки для юга и тактические трудности для севера, началом которых явился приказ ген. Шептицкого от 5 июля, жестоко отразились на польской стороне.

Вместе с новой войной и кардинальным изменением основы стратегического расположения мы получили к тому же огромный моральный упадок в войсках, у командования и во всем народе. Чего не успел сделать «жалкий ручей» Ауа, то докончила Вилия — мать наших «ручьев». Почти забавным, но вместе с тем характерным проявлением этого были события последующих дней под Лидой. Впервые со дня 4 июля здесь формируется что-то вроде более сильной группировки польских войск. Сюда собираются, как будто для какой-то более крупной операции, несколько дивизий, которые спешат сюда с раз-

ных сторон. Делается то, что еще несколько дней тому назад могло разрешить бой под Вильно в нашу пользу. Но делается это под ударами противника и с отрицательным для победы намерением — с целью обратного движения, бегства с потерей артиллерии и отступления почти в беспорядке. С этим боем и его последствиями кончается также и столь частое до сих пор топтание на месте советских войск, которые, опасаясь побеждаемого до сих пор противника, не имели уверенности в себе — уверенности победителей. Итак, незначительное столкновение, если принять во внимание число войск, принявших участие в этом бое, стало огромным событием, глубоко изменившим тактику театра войны.

При всем вышеизложенном анализе военной обстановки, приведшей к нашему поражению под Вильно, я ни разу не вспомнил о роли во всех этих событиях главного командующего нашей стороны. Я оставил его с почти готовым решением, принятым еще перед боем 4 июля, когда он пришел к убеждению, что должен изменить свой прежний взгляд на стратегическую обстановку, которую создали успехи конницы Буденного на юге. Изыскивая дальнейшие средства для увеличения численности нашей конницы, в отношении северного фронта я имел в то время сложившееся уже мнение, что лучше всего будет отвести весь фронт к западу добровольно, без давления со стороны противника, и, укрепив центр его на линии германских окопов, сформировать где-нибудь в районе настоящего плацдарма — Вильно более сильную маневренную группу, способную для операции не в растянутой и слабой линии. В этом случае большая часть сил на Полесье могла бы явиться резервом, ибо тот фронт после отступления за реку Птичь сокращался до такой степени, что для применения здесь более крупных сил не было, собственно, места. До этого, однако, не дошло.

Вызвав в конце июня в Варшаву ген. Шептицкого для переговоров по всем этим вопросам, я нашел в нем огромный упадок духа. На собрании у меня в Бельведере нескольких генералов он заявил мне, что война, собственно, проиграна и что, по его мнению, следует какую угодно ценою заключить мир. Мотивы, которые он приводил, заключались в следующем: успехи конной армии Буденного на юге настолько сильно деморализуют войска на всем театре войны, причем деморализация эта уже сильно чувствуется и в стране, что ему кажется невозможным, чтобы наши усилия могли бы ликвидировать

эти успехи. И поэтому он ожидает, что вскоре на самых глубоких его тылах, в Бресте, появится Буденный со своей конницей, что сделает невозможным для него удержание фронта, а отступление может превратиться в расстройством и беспорядок. На севере, имея под своим командованием лучшие части нашей армии, он еще может удержать свой фронт, хотя против него все больше группируются силы противника, имеющие главной целью овладение Минском. Наиболее же опасным ему кажется сильный подъем национального чувства в армии противника, вызванный взятием нами Киева. Это вызвало добровольное вступление в советскую армию большого числа офицеров только что разбитой Советами армии Деникина, которые, как специалисты, сумели в советский порядок внести организованность и надлежащую дисциплину. Поэтому в то время, когда у нас увеличивается беспорядок, у противника происходит обратное, и не исключено, что ввиду неудач на юге у нас могут вспыхнуть революционные беспорядки, которые потребуют вмешательства армии; это же вмешательство может быть произведено только при помощи совершенно надежных войск, находящихся под его, ген. Шептицкого, командованием.

Эти доводы меня вовсе не убедили, проект же заключения мира во что бы то ни стало я отбросил. В то же время я высказал свое мнение о сложившейся обстановке, о надежде удержать продвижение Буденного на юге и желании для выигрыша времени оттянуть весь северный фронт назад, придав ему указанную мною выше группировку. Ген. Шептицкий полагал, однако, что лучше принять бой на подготовленных им якобы позициях, на которых стояли войска. Он прибавил, что чувствует себя на них более уверенным, чем при произведении требуемого мною маневра.

Тут мне предстоял выбор: или сместить ген. Шептицкого с должности командующего фронтом, или же, в противном случае, остановиться на его решении, ибо я предпочитаю всегда иметь худшее решение, но более уверенного в себе командующего. После некоторого колебания я принял второе решение, указывая, однако, на необходимость в случае отступления армии произведения стратегической перегруппировки согласно моим указаниям. Когда миновало 4 июля с неблагоприятным для нас результатом, уже 6-го летел из Варшавы мой приказ, напавший ген. Шептицкому о необходимости расположения фронта согласно намеченному мною плану. План этот

вытекал не только из признания крупного стратегического и политического значения Вильно, как жизненного центра большой области и главного узла дорог в этом районе, но и из простого расчета, ибо невозможно было растягивать фронт вдоль линии германских окопов, простиравшихся до самого Двинска. Следовательно, где-то в районе Вильно, на правом фланге наших армий, должна была находиться свободная от окопов группа, для которой нельзя было найти прикрытия из проволоки. Группа эта, оказывая сопротивление наступлению в том или другом месте, прикрывала бы одновременно и Вильно. В приказах и разговорах обыкновенным эпитетом, употреблявшимся в то время в Варшаве в отношении к этой группе, было прилагательное *«сильная»*. Поэтому-то неожиданно, и весьма неприятной, был приказ ген. Шептицкого от 5 июля, в корне противоречащий этой основной мысли. Все попытки, вплоть до 11 июля, вызвать перемены в этом плане оказались в отношении ген. Шептицкого напрасными.

Отмечаю и здесь, как я делал это всегда, что я, как главнокомандующий, всегда несу свою долю ответственности. Но, по правде сказать, несмотря на то что я весьма строго отношусь к ответственности, справедливо или несправедливо лежащей на главнокомандующих, я не могу брать на себя ответственность за все стратегические чудачества, проделанные ген. Шептицким после боя 4 и 5 июля. Быть всегда более сильным там, где нет боев, и более слабым там, где в сражении решаются судьбы войны, никогда не стремиться к изменению явно плохого стратегического расположения — это значит противоречить, как говорит Наполеон, здравому рассудку войны и пассивно подчиняться воле противника. Единственным вопросом, какой можно поставить, является следующий: была ли хоть какая-либо возможность выполнить волю главнокомандующего, который ясно указывал пальцем на Виленский район, где он хотел иметь сосредоточенной более сильную группу? Этот вопрос я задавал себе неоднократно, задавал его себе и при настоящем анализе. Для ответа я приведу дословно выдержку из приказа, отданного 7 июля по 4-й армии, которая, как мы знаем, отступала по так резко сближавшимся между собою линиям, что после каждого перехода она все более сосредоточивалась и оказывалась в более выгодном стратегическом положении. Один из пунктов этого приказа гласит: «4 дивизия, в связи с отступлением 4 армии, сосредото-чи-

ваает свои части в районе Минска, занимая линию укреплений последнего. 31 полк (между прочим, принадлежащий к составу 10-й дивизии), два батальона которого находятся на линии укреплений, а один батальон стоит в Минске, а также 37 полк (из состава 6-й дивизии), следующий из Бобруйска в Минск, переходят в подчинение полк. Калишки, как командующего оперативной группой. Задачей группы является удержание Минска до момента проследования тыловых частей 2 дивизии легионеров, а затем — прикрытие дальнейшего отступления». Итак, мы имеем прикрытие Минска, собственно, двумя с половиной дивизиями — Минска, который мы намерены очистить без боя! Мы имеем даже такую роскошь, как прикрытие отступления одной дивизии другою. Мы имеем также полк, бездействующий в Минске и принадлежащий к дивизии, находящейся под Вильно. Мы имеем, наконец, один обособленный полк, направляющийся также не в Вильно, где палец главнокомандующего указывает на необходимость создания сильной группы, но в тот же Минск, который должен быть оставлен через несколько дней. В дополнение ко всему этому в Минске стоят готовые поезда и находится железнодорожная линия, готовая к услугам в направлении Вильно и совершенно не угрожаемая со стороны противника, коль в самом близком от него пункте, в Молодечно, тоже 7 июля находится еще командование 1-й армии.

Половина этого богатства, т. е. хотя бы одна дивизия, могла бы с успехом сменить бездействующую 10-ю дивизию ген. Желиговского, которую, как бы нарочно для ослабления северного фланга у Вильно, стягивали трудным маршем с озера Мядзиол, где она стояла совместно с 8-й дивизией; стягивали ее, как мы знаем, на юг, ослабляя Виленскую группу. А когда мы вспомним это характерное топтание на месте 4-й армии г-на Сергеева перед лицом нами же самими «рассеянных» на пространстве почти в 100 километров дивизий; когда мы вспомним, что ни 11, ни 12, а может быть, даже и 13 июля никакая из частей других советских армий не могла вступить в бой; когда мы, наконец, примем во внимание, что, несмотря на очевидную слабость защитников Вильно, это была на всем длинном фронте ген. Шептицкого единственная атакующая группа, атака которой имела даже некоторый успех, — то легко можно себе представить, что при этой вполне возможной, согласно указаниям и приказам главнокомандующего, для оказания помощи обстановке

могла бы быть удержана победа над несмело топчущейся 4-й армией г-на Сергеева, победа над той именно армией, которая при дальнейшем развитии операции постоянно и всегда, вплоть до Варшавы, оказывала решающее влияние на непрерывное, беспрестанное отступление фронта ген. Шептицкого. Но против явно выраженного подчинения воле противника еще до сих пор нигде на войне не найдено лекарства!

VII. ХОД СОБЫТИЙ ПОСЛЕ БОЕВ 11—14 ИЮЛЯ

Проанализированные мною два сражения решили судьбу кампании, руководимой г-ном Тухачевским, вплоть до Варшавы. В первом из них, 4 и 5 июля, с нашей стороны принимала участие только 1-я армия, в то время как большая часть наших войск, 4-я армия и Полеская группа, находились в бездействии, не препятствуя противнику, имевшему превосходство сил, одержать над нами полупобеду. Во втором же сражении, с 11 по 14 июля, с нашей стороны участвовала весьма незначительная часть наших войск, в то время как весь остальной фронт совсем не принимал участия ни в каких боях. Оба эти сражения открыли дорогу не для главных сил г-на Тухачевского и не для его тарана, а для наиболее северной части его войск — для 4-й армии с кавалерийской группой. С этого времени все попытки задержать противника разрешались с его стороны таким же способом, каким была разрешена битва под Вильно. Г-н Сергеев со своей армией и конницей, идя от Вильно уже относительно узким коридором, систематически обходил левый фланг наших войск, вроде какого-то бокового авангарда, тянувшего за собой остальные советские войска. Каждый такой обход ликвидировал, как это имело место под Вильно, попытки сопротивления сперва 1-й армии, которая вынуждена была отступать, а за ней спешила отступить и южная 4-я армия. Ввиду наличия на крайнем фланге советских войск конницей эта ликвидация принимала иногда размеры настоящего поражения, ибо быстрота захвата территории была по воображению. Попытки сопротивления с нашей стороны были, собственно, эпизодами, которые со стратегической точки зрения были похожи друг на друга, как близнецы. Несмотря на то что г-н Тухачевский уделяет в своем произведении сравнительно много места своим различным комбинациям во время продвижения к Висле,

несмотря также на то что и с нашей стороны создавались различные вычисления и комбинации, я не хочу уделять места для их анализа, ибо все эти попытки имели совершенно одинаковый характер и в основном абсолютно не меняли нашего стратегического положения. Они неизменно являлись как бы отчаянными последствиями первых неудач. Ввиду же того что первое сражение было, как я пытался доказать, полупобедой, а второе, под Вильно, полуслучайностью — военный историк всегда будет останавливаться над удивительной загадкой, скрытой в значении подобных сражений.

Движение войск г-на Тухачевского после открытия дороги для 4-й армии и кавалерии продолжалось безостановочно. В среднем покрываемое за день пространство до подхода к самой Варшаве и ее окрестностям равнялось примерно 20 километрам, т. е. почти дневному переходу.

Столь длинные марши, прерываемые к тому же боями, могут служить к чести как для армии, так и для ее руководителей. Особенно же нельзя отнести к числу средних величин и посредственностей главнокомандующего, который имеет достаточно сил и энергии, воли и умения, чтобы проводить подобную военную работу. И, сказать по правде, я искренно хотел бы теперь, когда об этом пишу, усмотреть в произведении г-на Тухачевского вместо странных и преувеличенных определений и ругани плохого тона указания на метод руководства и организацию этого прекрасного марша. С таким маршем его будет поздравлять каждый историк и каждый исследователь. Влияние этого марша было громадным. Г-н Тухачевский хочет его сравнить в одном из своих стратегических выводов с движением германской армии на Париж. Действительно, это беспрестанное червеобразное движение значительных неприятельских сил, прерываемое время от времени как бы прыжками, движение, продолжающееся неделями, производит впечатление чего-то неотразимого, надвигающегося, как какая-то тяжелая, чудовищная туча, для которой нет никакой преграды. Есть в таком движении что-то безнадежное, сокрушающее внутренние силы человека и толпы. Я припоминаю себе разговоры, которые велись мною в то время. Один из генералов, с которым мне приходилось часто говорить, почти ежедневно начинал свой разговор и доклад словами: «Ну и марш! Ну и марш!» В этих словах было и удивление, и горечь бессилия. На военных такой марш производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, где каждый день складывается

какая-то новая обстановка, с новыми названиями географических пунктов, перемешанных с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства. И хотя этот чудовищный калейдоскоп меняет свои картины медленным темпом, но своим неотразимым однообразием движения через известный промежуток времени создает хаос, хаос незаконченных контркомбинаций, неисполненных приказов и не связанных с вновь создавшейся обстановкой донесений.

Под впечатлением этой надвигающейся грозовой тучи шаталось государство, колебались характеры, мякли сердца солдат. Всюду вокруг себя я видел влияние этого марша. Я уже выше вспоминал о подобном же влиянии конницы Буденного, но безостановочный марш г-на Тухачевского значительно превысил своим значением и влиянием предыдущие события. Для нашей, польской, стороны под влиянием этих событий все яснее и выразительнее вырисовывался помимо внешнего фронта фронт внутренний, сила которого в историях всех войн была предвестником поражения и самым крупным фактором проигрыша не сражений, но войн. Тухачевский хочет сравнить свое наступление на Варшаву с наступлением немцев на Париж. И там, несомненно, должен был образоваться внутренний фронт — фронт несопротивляющегося разума и мудрствования трусов и слабых; но Париж, который победоносно пережил столько испытаний в своей истории, не был Варшавой, только что освободившейся из болота векового рабства, при котором целый век торжествовал разум бессилия и мудрствование трусов. Поэтому-то тут внутренний фронт был более грозным, чем в Париже 1914 года, а отпор нашептываниям тревоги и настроениям бессилия был меньше и слабее. Государство трещало, усилия войск раздроблялись в попытках контратак, а работа командования с каждым днем становилась морально труднее и тяжелее. Несомненно, среди разлива тревоги, беспорядка и бессилия были попытки организации элементов сопротивления и элементов сплочения сил, но их не следует при историческом анализе преувеличивать. Они вовсе не имели стихийной мощи и силы и были ослабляемы крикливостью и чрезмерным организационным беспорядком. Для крикунов был брошен абсурдный лозунг создания новой добровольческой армии, в которой прежде всего вырастали в организационной бессмыслице многочисленные штабы, переполненные новичками. Я сумел задержать эту

бессмыслицу, приказав положить в основу батальонную организацию и разрешив сформировать из наиболее сильных и наиболее крикливых элементов одну только добровольческую дивизию, которая, впрочем, как таковая, разделяла судьбу остальных дивизий до конца войны.

Этот процесс разложения сил, этот процесс ломки нашей воли был, по моему мнению, самым большим триумфом, который я могу приписать г-ну Тухачевскому. Этим маршем к Варшаве, движимым, безусловно, его волей и силой его работы как командующего, г-н Тухачевский доказал, что он не является посредственностью. Но, когда я перелистываю его книжечку, я нахожу в ней очень часто сознательную или бессознательную фальшь, которой он совершенно излишне украшает свой марш. Для характеристики этих сомнительных красот я укажу на роман или сказку из «Тысячи и одной ночи», касающуюся Гродно и Немана. Чего только тут нет! Какая-то странная, неизвестная в нашей истории концентрация с запада и востока почти шести наших дивизий к Гродно. Какие-то странные передвижения, которых не было в действительности, и огромное множество слов и еще слов о «пехотных массах», о «сокрушениях», о странных маневрах и контрманеврах, которые наконец закончились «окончательным разгромом и деморализацией белополяков». Когда читаешь этот роман, который происходит в воображении г-на Тухачевского, — а таких романов г-н Тухачевский создает в своем труде довольно много, — бросаешь книгу с известным неприятным чувством. Зачем столько кривлянья в большой исторической работе войны?

История Гродно весьма проста. Когда «виленские ворота» открылись перед армией г-на Сергеева и его конницей и когда 2-я Литовско-Белорусская дивизия в своей значительной части изнемогла в двойной войне, с Советами и Литвой, тогда конница прямым движением несколькими эскадронами передовых частей заняла Гродно. Гродно, для украшения военной жизни называемое «крепостью», было крепостью только в понятиях нашей и советской литературы, у которых бывают «плацдармы» без железных дорог, «укрепления» без колючей проволоки, «ураганный огонь» из нескольких, уже отчасти поврежденных орудий и «крепости» с «распыленными» фортами, которые и теперь каждый может видеть.

Таким образом, конница г-на Сергеева значительно опережала левый фланг нашей 1-й армии, которая не для какой-либо концентрации в районе Гродно, а для обыкно-

венного, неизменного занятия линии Немана и Щары отступала вновь параллельными дорогами от голубой Вилии к ее серому любимцу Неману. На крайнем же фланге, когда не стало там 2-й Литовско-Белорусской дивизии, отступали две дивизии, 8-я и 10-я, которые ни «распылять», ни «сокрушать», ни «окончательно разбивать» ни г-ну Тухачевскому, ни г-ну Сергееву не было необходимости, так как на своем пути от «Седана» в район Германовичи, Шарковщина они были ведь в книгах обоих авторов уже «распыляемы» и «сокрушаемы», по крайней мере, пять раз. Вопреки этому избытку поражений, которые выпали на их долю в книгах г-на Сергеева и г-на Тухачевского, эти дивизии и на сей раз выполнили свой солдатский долг. Находясь под командованием ген. Желиговского, который в то время не чувствовал на себе эти массы публицистических «поражений», дивизии эти, поскольку подход даже к Неману для них был закрыт, должны были открыть себе дорогу и к нему. И как тогда, 6 июля, в Дуниловичах, так и через несколько недель под Гродно ген. Желиговский вместе с командующим 8-й дивизией полк. Бурхард-Букацким колебались, не проложить ли эту дорогу к Неману, к Гродно, которая была уже занята советской кавалерией. Но, когда удалось открыть проход около Лунной Воли, они отказались от боя из-за Гродно и перешли Неман западнее.

Такой же сказкой, а не историей является концентрация наших сил у Гродно и с запада. Кроме нескольких батальонов, брошенных наспех для прикрытия наиболее северного фланга на новой линии Немана и Щары, удалось еще своевременно перебросить из Полесья одну бригаду 9-й дивизии, которая была направлена под Гродно, как на наиболее слабый участок длинной линии фронта ген. Шептицкого. Впрочем, это является единственным случаем усиления рассредоточенной за счет юга северной части этого фронта.

Кроме гродненской сказки имеется еще немало и иных сказок у г-на Тухачевского. Имеется их так много, что казая у них опровергать невозможно. Однако, как исследователь и историк, я не могу не быть снисходительным к г-ну Тухачевскому. Он, наверное, имел в руках разные данные, касающиеся нашей стороны, будь то из показаний пленных или же из тех или иных документов, захваченных его войсками в этот период. Ввиду же несомненной их противоречивости в отношении друг друга данные эти отображали, возможно, достаточно верно тот

хаос в оценках обстановки и попытках контрманевров, какой существовал у нас в то время. Поэтому г-н Тухачевский мог извлекать из этого, по всей вероятности, обильного материала все, что только хотел. Я сам, главнокомандующий польскими войсками, с известным удивлением и любопытством нахожу теперь, при моей работе, документы, которые мне совершенно не были известны во время похода г-на Тухачевского на Варшаву. Да, впрочем, я вовсе и не ставлю себе это в вину, так как в то время, не поддаваясь совершенно настроениям тревоги, я остановился в отношении фронта, которым командовал ген. Шептицкий, на вполне определенном решении и искал путей для задержания похода к Висле или к Варшаве при помощи единственного средства — контрнаступления. Для характеристики моей точки зрения на эти вопросы привожу дословно мою заметку, сделанную на одном из исторических документов, озаглавленных «Дело ген. Шептицкого», заметку, написанную в 1921 году, следовательно, когда память была свежее, чем сейчас.

«Что касается, — писал я в этой заметке, — всяких операций на севере после проигранного сражения на Ауце и Березине, я должен сказать, что считал относительно бесцельным подробное рассмотрение тех или иных решений. Принципиально я вернулся к идее германских окопов и сильного левого фланга вне окопов под Вильно. Однако при первых атаках на 4-ю армию я перестал верить в осуществление этого плана по следующим причинам. Выполнение этого плана с вытекающими из него последствиями требовало: а) весьма быстрого отступления с принятием многого в жертву в целях выигрыша времени; б) наведения хотя бы некоторого порядка в частях и, что самое главное, в) назначения новых начальников для поднятия в войсках духа и ознаменования новой эры. Я раздумывал над всем этим несколько дней и оставил все в покое по следующим причинам: 1) паника на тылах, даже далеких от фронта, началась сразу, что настраивало войска на панический лад и не обещало ничего хорошего для работы тыла и железных дорог; 2) личные отношения в армии, особенно среди высшего офицерства, были самые худшие, какие я когда-либо встречал при моих исторических исследованиях; поэтому-то крупные перемены в личном составе, при плохом уже тогда настроении во всей стране, могли бы привести к организационной катастрофе, и без того всегда висевшей над моей головой; 3) моим внутренним побуждением, над которым я больше всего задумывался, являлось желание самому выехать на

фронт и принять там непосредственно командование. С большим сожалением я отбросил и этот проект. Главной причиной этого было сознание, что внутреннее положение всей страны становилось неблагоприятным для целей войны, а настроение настолько паническим, нервным и напряженным, что с этого времени помимо внешнего фронта я должен был считаться в моих расчетах как с серьезным минусом с фронтом внутренним. Я не хотел уклониться от ответственности, что было бы легко выполнимо. Я решил тогда, что для изменения настроения внутри страны и удержания внутреннего фронта, хотя бы при помощи сохранения внешне спокойного вида и полной самоуверенности, место мое пока — Варшава. Поэтому-то я не считал возможным свой отъезд на более продолжительное время. Ввиду всего этого мой общий стратегический план в то время, вплоть до августовских боев под Варшавой, заключался в следующем: 1) северный фронт выигрывает только время; 2) внутри страны производится энергичная подготовка резервов, которые я направлял тогда на Буг, не втягивая их в отступательные бои северного фронта; 3) ликвидируется Буденный, и перебрасываются с юга более крупные силы для контратаки, проведение которой я проектировал из района Бреста. Упорно и до конца я держался этой основной мысли».

Несмотря на лаконический стиль этих заметок на полях документов, они точно передают мои соображения как главнокомандующего польской стороны. Если я так думал после первого боя, 4 и 5 июля, то тем более я укреплялся в своих взглядах, когда видел бесплодность всяких попыток перемены бессмысленного стратегического расположения наших войск на северном фронте. Уже после потери Вильно я пришел к убеждению, что подходящим моментом для смены командования на северном фронте будет переход нашими войсками Буга и Нарева. Я предполагал, что имеющиеся на Полесье в значительном количестве войска, почти не вовлеченные в бой при отступлении, сумеют удержать район Бреста и, таким образом, смогут прикрыть концентрацию войск с юга для нанесения более сильного удара. Необходимым, однако, условием для этой концентрации была ликвидация того сильного козыря, которым располагал противник в лице конницы Буденного. С пехотой противника на нашем южном фронте я считался весьма мало. После того поражения, которое я нанес на полях Украины 12-й советской армии, неприятельская пехота не представляла большой силы и была, собствен-

но, дополнением к работе конной армии Буденного. Несколько новых дивизий, которые появились на этом фронте, несмотря на то что одна из них носила гордое название «железной», быстро растеряли свое «железо» в боях с нашей 3-й армией ген. Рыдз-Смиглого и утратили энергию и охоту к борьбе. Движущей силой войны на юге являлась конница Буденного, и я не думал, чтобы после ликвидации или, по крайней мере, значительного обессиливания этой конницы мне будет трудно снять значительные силы с южного фронта для сосредоточения их где-нибудь между Ковелем и Брестом и перехода совместно с Полесской группой, мало истрепанной боями, в контратаку в северном направлении.

В этих своих рассуждениях я принимал во внимание также и моральное состояние войск. В то время как на севере я наблюдал постоянно растущее разложение моральных сил, на юге, наоборот, я замечал как бы моральное укрепление и возрастающую уверенность в преодолении кризиса. На севере длинный фронт отступал и трещал часто благодаря незначительным причинам, а войска неоднократно отступали без боя и в беспорядке; на юге же войска проявляли постоянную способность к маневру и неизменно возвращались в бой. Бои эти, хотя и не являлись победоносными, тем не менее ежедневно уменьшали силы главного противника — Буденного, силы, весьма трудно возобновляемые. Большая и с каждым днем возрастающая разница военного значения нашего юга по сравнению с севером весьма наглядно выявлялась в пространствах, какие при отступлении отдавались противнику. Действительно, если за исходное число для сравнения мы возьмем 4 июля, когда начался бой на севере, и остановимся на 20 июля, когда наши войска на севере достигли более или менее линии Немана и Щары, то цифры наглядно покажут правильность моей точки зрения. Так, например, в 1-й армии 10-я дивизия отступила за это время на 395 километров. В 4-й армии 2-я дивизия легионеров, взятая нами для примера, отступила на 295 километров. В то же самое время соответствующие цифры для трех южных армий — 6, 2 и 3-й — составляют 100, 80 и 130 километров. Цифры эти выразительны, а каждый последующий день и километры делали их еще более выразительными. Отмечу, что организация нами сильного корпуса конницы, которая происходила в районе Замостья, хотя и медленно, но подвигалась к концу. Я выезжал туда с тем, чтобы ускорить организационную работу и, сле-

довательно, обеспечить возможность использования конницы в надлежащее время. Поэтому я считал, что могу с известной уверенностью рассчитывать на возможность в конце июля приступить к решительным операциям. На Буг и на Нарев были направлены добровольческие батальоны и пополнение для отступающих 1-й и 4-й армий. Около 25 июля я отдал распоряжение о концентрации сил на юге для удара против конницы Буденного. Этот удар должна была нанести с севера 2-я армия из района Берестечко, куда были направлены вновь организованные кавалерийские дивизии. С запада в этой атаке должны были принять участие части 6-й армии.

К сожалению, концентрация шла столь медленно, а начало боя, развивавшегося в районе Берестечко, было так невыразительно, что, хотя конница Буденного, сильно потрепанная двойной атакой, была вынуждена к отступлению, сражение не представлялось мне таким, чтобы я мог рассчитывать на его быстрые и решительные результаты.

Несмотря на мое намерение, мне не удалось прибыть лично к сражающимся войскам. Дороги были размыты продолжительными дождями, и мой автомобиль отказался повиноваться. А когда я с нетерпением следил за ходом боя из Холма, находясь в штабе командующего фронтом ген. Рыдз-Смиглого, противник успел захватить на севере Ломжу и быстрым темпом приближался к Бугу и Бресту. Помню, 30 июля я приказал запросить ген. Сикорского, командовавшего в Бресте, на какой срок защиты Бреста и его района я могу рассчитывать. Это имело для меня весьма существенное значение, ибо я нарочно оставил на Стоходе части 3-й армии для прикрытия с востока всего Ковельского района, где в то время я намеревался сконцентрировать силы для контратаки, после того как мне удастся покончить с Буденным. Ответ звучал утешительно: ген. Сикорский полагал, что он сможет удержаться в Бресте и его районе около 10 дней. Поэтому, несмотря на то что операция против неприятельской конницы развивалась медленно, я полагал, что мне удастся ее закончить. К сожалению, расчеты ген. Сикорского оказались ошибочными. Брест пал на следующий день, 1 августа. Пал Брест, а вместе с ним и все мои расчеты. Если я часто в своих исследованиях иронизировал в отношении излишней связанности в работе по командованию географическими названиями, «геометрическими фигурами» и громко звучащими словами из терминологии тактики и

стратегии, то теперь я неоднократно старался иронизировать и над самим собой, раздумывая, не попал ли я сам в такую же ловушку в связи с Брестом. После падения этой якобы крепости я выжидал целые сутки, не изменяя своих распоряжений, несмотря на то что командующий 3-й армией ген. Желиговский находился в Ковеле, пункте намеченной мною концентрации, с совершенно обнаженным левым флангом. К тому же от захваченного противником Бреста в Ковель вело утрамбованное шоссе — путь в два раза короче и удобнее, чем дорога из-под Брод и Берестечко, где были сосредоточены находившиеся в готовности к бою мои силы, которые я мог бы использовать для планомерной контратаки. Вставал вопрос, оттянуть ли с востока прикрытие, растянутое вдоль Стохода и верховья Стири, и отказаться, таким образом, от ранее намеченного удара в северном направлении вдоль восточного берега Буга или же оставаться и далее при своих намерениях. Безусловно, падение Бреста, с которым я столько связывал, произвело на меня сильное и глубокое впечатление — до того оно было быстрым и неожиданным. Однако после колебаний и размышлений в течение суток я расстался со своей идеей и отдал приказ об эвакуации Ковеля и отступлении прикрывающей 3-й армии на Буг.

VIII. ВАРШАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ПОДГОТОВКА К НЕЙ

2 августа я вернулся из Холма в Варшаву. Я нашел ее в значительно более тревожном настроении, нежели оставил при отъезде. И действительно, последняя речная преграда, прикрывающая Варшаву с севера и востока, — река Нарев находилась почти в руках противника. Уже на второй день пала Ломжа, и вся наша 1-я армия отступала к столице. На Буге удерживались еще в горячем бою части нашей 4-й армии и Полесской группы. Левый фланг этой армии был уже сильно загнут вдоль Буга к западу вследствие продвижения вперед 15-й и большей части 3-й советских армий. Далее к югу — тоже на Буг, — в сторону Холма, Грубешова и Сокаля, по моему приказу и без давления со стороны противника отступали 3-я и части 2-й наших армий. Бой с конницей Буденного затихал. Броды у нее были нами отбиты, и, несмотря на то что в последней фазе боя конница наша под Клекошовом потер-

пела частичное поражение, конная армия Буденного после этого боя не имела сил для немедленного перехода к наступательным операциям. Таким образом, общая стратегическая обстановка в основном ни в чем не изменилась. Как и после 4 июля, на северном фронте обстановка у нас складывалась хуже, чем на юге, и согласно практиковавшемуся до сего времени образу военных действий можно было ожидать, что с момента, когда 4-я армия г-на Сергеева где-либо одержит победу, начнет отступать наша 1-я армия, а за ней и 4-я. Наш же юг, одержавший только что полупобеду над Буденным, будет предоставлен самому себе.

Имелась, однако, для обеих сторон в стратегической обстановке по сравнению со всеми предыдущими и существенная разница. Во-первых, советские войска приближались к польской столице — Варшаве, что, несомненно, чрезвычайно затрудняло наше положение, давая стратегический перевес противнику. Перевес этот не мог быть уравновешен тем обстоятельством, что мы впервые за столь продолжительное время имели наполовину разбитую конную армию Буденного не на тылах, как это всегда до сих пор бывало, а перед своим фронтом. Однако, может быть, на изменение стратегической обстановки обеих сторон больше всего влиял тот факт, что между севером и югом переставал уже существовать огромный стратегический барьер в виде реки Припять с прилегающими к ней болотами. Мы, поляки, имели на своей стороне все выгоды оставления этого барьера, и, наоборот, советские войска имели еще перед собою реку Буг, которая связывала свободу маневрирования всеми наступающими силами.

И поэтому-то, просматривая труд г-на Тухачевского, мы находим, что свою неудачу под Варшавой он хочет объяснить главным образом тем обстоятельством, что не мог объединить в одном усилии работу севера и юга. Разбору своей и нашей обстановки при приближении к Висле г-н Тухачевский посвящает целые две главы. Трудно мне исправлять все ошибки, допущенные г-ном Тухачевским в данных относительно нас. Ошибок этих очень много, и я был бы вынужден, вопреки своему намерению, слишком растянуть свой труд. Не хочу также братья за исправление всех ошибок г-на Тухачевского еще и потому, что обе главы носят на себе, понятный впрочем, отпечаток попыток оправдать себя по поводу неудачи, которую он потерпел под Варшавой. Впоследствии остановлюсь на некоторых более разительных ошибках, а сейчас перейду к

оценке по существу стратегических суждений г-на Тухачевского.

Как я уже указывал, главную причину своей неудачи он усматривает в отсутствии взаимодействия между ним и южной частью советских войск — 12-й и 1-й армиями. Упреки эти мне кажутся несправедливыми. В самом деле, г-н Тухачевский утверждает, что еще раньше он имел обещание Главкома, что после выхода к западу от Бреста, т. е. за линию Буга, под его командованием будут объединены все действующие против Польши силы. Однако Буг не был обойден с юга, и попытки форсировать его южнее Бреста всюду были нами успешно отражены. Поэтому-то г-н Сергеев, который также останавливается на этом вопросе, несколько более справедлив, когда говорит: «Неудачи под Холмом и Грубешовом показали, что 12-я армия пройдет только там, где ее пустит противник». То же самое можно сказать, когда он далее отмечает, что «неудача под Бродами должна была навести на размышления»... Упреки г-на Тухачевского действительно являются странными. Что бы он сказал, если бы слышал упреки, например, Буденного, что в момент, когда тот тоже совершал свой поход к Висле и доходил до Замостья, г-н Тухачевский, разбитый тогда уже под Варшавой, не помогал ему в его гордых намерениях. Буденный имел бы совершенно такое же основание упрекать г-на Тухачевского, как этот последний, когда упрекает Буденного. Конница Буденного к тому времени была частично разбита и отступала к востоку для того, чтобы залечить свои раны. В отбитых от этой конницы Бродах мы могли свободно и без каких-либо препятствий погрузить нашу 18-ю дивизию, отбившую Броды, и спокойно вывезти ее в находящуюся под угрозой Варшаву. Оставалась пока только одна 12-я армия, о которой я уже неоднократно упоминал; после нанесенного ей мною поражения на полях Украины в апреле до окончания войны она не имела сколько-нибудь значительной боевой ценности. Будучи доволен, что встречаю у г-на Сергеева такую же оценку этой армии, я констатирую, что в течение всей операции под Варшавой она не могла сломить сопротивления не только трех дивизий, которые тогда еще имела перед собою, но даже и одной нашей дивизии (7-й), которая до конца Варшавской операции прикрывала под Холмом правый фланг нашего контрудара со стороны Вепржа. Одно из двух: или г-н Тухачевский, рассчитывая на поддержку юга, должен был поджидать его, или же помочь ему, но ни в коем случае

не выражать жалоб после того, как принял решение начать «поход за Вислу», не имея оснований рассчитывать на действительную помощь с юга.

Между тем г-н Тухачевский, рассчитывая на эту помощь, решается не только двинуться вперед, но своим приказом от 8 августа самым явным образом удаляет свои войска дальше к северу, обходя главными силами (двумя армиями) даже Варшаву, как бы избегая той помощи, на которую рассчитывает. Впрочем, он получил в виде подкрепления наиболее северную дивизию 12-й армии (58-ю), подходившую к Влодаве несколько южнее Бреста. Сознаюсь, что как в период самой войны, так и сейчас, когда ее анализирую, не могу отрешиться от впечатления, что г-н Тухачевский совершенно не рассчитывал на эту поддержку, ибо он наметил себе столь далекие цели, как форсирование Вислы между Плоцком и Новогеоргиевском, что усматриваю из его приказа, который только теперь имею возможность читать.

Подобную цель не представлялось возможным связывать ни с топтавшейся нерешительно перед Бугом 12-й армией, ни с надломленной конной армией Буденного, которая после неудач под Бродами битых несколько дней не проявляла никаких признаков своего существования. Если даже концентрация советских войск под Варшавой, чего, говоря между прочим, я ожидал, удаляла г-на Тухачевского на двести с лишним километров к западу от расположенной на Буге 12-й армии, то «поход за Вислу» в нижнем ее течении, севернее Варшавы (чего я совершенно не ожидал), увеличивал это расстояние еще на добрую сотню километров, делая уже совершенно иллюзорным взаимодействие с оставшейся где-то далеко на востоке 12-й армией.

Давая в начале своего труда характеристику г-на Тухачевского, я говорил, что усматриваю в нем тип вождя, слишком односторонне занятого единственно только собственной задачей и собственными мыслями. Тип этот я называю типом доктринера, для которого наполеоновское «*réalité des choses*»¹ редко существует. Полагаю, что и в данном случае г-н Тухачевский спокойно пренебрег положением дел своих армий на юге и сосредоточил внимание на угрожаемом участке. Другое упущение из виду «*réalité des choses*», по моему мнению, выражалось в игнорировании противника, которого он в своем воображении, как и

¹ Мир реальных вещей. — *Фр.*

в своей книжке, так часто «крошил», «разгромлял» и «распылял». Правда, он имел в этом отношении немало оснований. Сражаясь до этого с ген. Шептицким, он выполнял свой «поход к Висле» сравнительно очень легко и всякие попытки к сопротивлению преодолевал, собственно, усилиями одной 4-й армии.

Впрочем, он умел сконцентрировать зачастую против одной нашей 1-й армии превосходящие силы, оставляя против остальных наших войск незначительную часть своих, как будто имел полную уверенность в том, что с нашей стороны его не может встретить никакая неожиданность. Однако, когда г-н Тухачевский останавливается в своем труде на разборе обстановки, он всегда впадает в странное противоречие. С одной стороны, веря в столь часто повторяющиеся «разгромы», он утверждает, что «это была уже не та армия, с которой пришлось нам бороться в июле этого года», так как она была совершенно «деморализована» и кроме «разгрома» все ее тылы были переполнены дезертирами. А наряду с этим в воображении г-на Тухачевского внутри Польши всюду что-то «глухо волновалось» или же «клокотало и бурлило» благодаря обостренным классовым отношениям. Поэтому он мог игнорировать такого противника! Вместе с тем г-н Тухачевский в очень даже преувеличенном и не соответствующем действительности виде рисует неимоверно быстрый рост наших вооруженных сил в этот период. При этом он добавляет, что новые части, несмотря на то что были вновь сформированы и недостаточно обучены, обладали хорошими боевыми качествами, и как на одну из причин поражения под Варшавой указывает на усилившуюся боеспособность нашей армии. Повторяю вновь, что подобные, явно не согласующиеся с *réalité des choses* противоречия может примирить только голова доктринера.

Результатом размышлений и суждений г-на Тухачевского явился приказ, отданный им 8 августа. Приказ этот приводится и у г-на Сергеева. Добавлю, что приказ этот нам, польской стороне, был неизвестен и мы были вынуждены удовлетворяться догадками, основанными на наблюдении за передвижениями противника. Игнорирование противника в этом приказе выступает чрезвычайно ярко. Г-н Тухачевский знал — потому как говорит об этом в своих рассуждениях весьма ясно, — что именно в Варшаве и ее районе (а сюда я включаю и Новогоргиевск) мы сосредоточивали, возможно более крупные силы для обороны столицы. И несмотря на это, г-н Тухачевский направляет

на Варшаву и Новогеоргиевск две свои наиболее южные армии. Две же северные, в том числе и наиболее мощную — 15-ю, бросает в обход Варшавы, приказывая ей форсировать Вислу между Плоцком и Новогеоргиевском. Он производит, следовательно, маневр, при котором силы его, уже оторванные на значительное расстояние от оставшейся на Буге 12-й армии, должны быть еще раз расчленены столь широкой и сильной преградой, как Висла. Нужно иметь очень скверное мнение о противнике и его боеспособности, чтобы решиться на столь опасный маневр. В качестве прикрытия этого маневра с юга можно бы считать так называемую Мозырскую группу, которую г-н Сергеев считает в две дивизии. Им была придана приближавшаяся, но находившаяся еще в далеком тылу 58-я дивизия, переданная в распоряжение г-на Тухачевского из 12-й армии. Однако в приказе группа эта не получает определенной задачи прикрывать маневр. Наоборот, г-н Тухачевский приказывает ей также совершать «поход за Вислу», форсировав таковую в районе Ивангорода.

Повторяю, что ни об издании этого приказа, ни его содержания я совершенно не знал. Я следил только за движением советских войск, приближавшихся отовсюду к Варшаве. Зная же крупное значение в войне всякой столицы, я полагал, что г-н Тухачевский будет стараться сконцентрировать все свои силы, с тем чтобы сломить наше сопротивление и занять Варшаву. Правда, я наблюдал также за некоторыми движениями конницы г-на Сергеева, которые не приближали ее к Варшаве, но как будто направляли северную 4-ю армию или, по крайней мере, ее конницу в определенно западном направлении. Я, однако, приписывал это движение намерению г-на Тухачевского отрезать нас от моря, т. е. от Данцига, при помощи какого-либо кавалерийского набега, поддержанного какой-либо пехотной частью. Из анализа г-на Тухачевского усматриваю, что этот мотив в его планах также принимался в расчет. Однако при отдаче приказа г-н Тухачевский, видимо, оставил в стороне Данциг, так как 8 августа он приказывает северной 4-й армии выставить единственно только в направлении Торна слабый заслон.

Есть еще одно странное недоразумение в рассуждениях г-на Тухачевского относительно нашего образа действий, а именно: он утверждает, что мы вывели почти все войска из Восточной Галиции, оставив там только украинские части Петлюры и ген. Павленко вместе с одной кавалерийской дивизией. Хотя г-н Тухачевский и сам отча-

сти сомневается в этом и добавляет, что кое-что из наших дивизий, в виде остатков нашей армии, также смогло остаться, однако, расхваливая нас в другом месте за такую смелость, старается, как мне кажется, установить «увеличение» числа собранных против него наших сил, а наряду с этим и найти более тяжелое обвинение против своих южных коллег, которые не пришли ему на помощь в момент поражения под Варшавой. Между тем дело обстояло совершенно иначе. Из состава нашей 6-й армии убыли только 18-я дивизия и незначительная часть конницы, тогда как 12-я, 13-я и половина 6-й дивизии оставались на месте. Прибыла же сильно потрепанная на севере 5-я дивизия, которую я приказал направить во Львов для пополнения и реорганизации, так как она была сформирована преимущественно из жителей Львова и поляков Восточной Галиции. Еще тогда, когда г-н Тухачевский готовился к отдаче своего приказа, т. е. 6 и 7 августа, против 12-й армии стояли наилучшие мои дивизии — 1-я и 3-я легионеров. Группировка эта не могла быть абсолютно неизвестной г-ну Тухачевскому, и если прибытие в Варшаву 18-й дивизии могло ускользнуть из-под его наблюдения, то все остальные переброски, произведенные к тому же позже, определенно не могли быть принимаемы в расчет в момент решения 8 августа. Я задерживаю так долго внимание читателя на этих вступительных рассуждениях по той причине, что в обеих главах г-на Тухачевского, посвященных приготвлениям к Варшавской операции, зачастую весьма трудно отыскать историческую правду, так как в свой труд он внес огромное количество сожалений по поводу неудавшейся операции и множество аргументов и мотивов, не связанных с его мыслями перед изданием приказа от 8 августа, но вытекающих из позднейших колебаний и анализа.

По странному стечению обстоятельств основные приказы для Варшавского сражения обеими сторонами были изданы почти одновременно, разницу составляют всего лишь двое суток, так как наш приказ был издан 6 августа. Прежде всего я хочу опровергнуть комичное утверждение, что якобы с этой датой был связан какой-то военный совет, так как в течение всей войны все основные решения я принимал сам, не созывая никогда никаких советов. Когда 2 августа я вернулся из Холма в Варшаву, я нашел ее, как уже упоминалось выше, в весьма тревожном состоянии. Сразу же мне пришлось испытать давление окружавшей меня военной среды, клонившееся к тому,

чтобы я приступил к принятию новых решений и отдаче распоряжений, так как наша столица Варшава находилась под угрозой. Все без исключения считали, что именно Варшава, а не что-либо другое является целью операции г-на Тухачевского. Состояние всех руководящих органов, как военных, так и гражданских, было весьма нервное. Постоянно постигавшие нас в течение целого месяца неудачи, со всеми моральными и материальными последствиями поражений, как это обыкновенно бывает в подобных случаях, неизменно сильно угнетали всех военных. Что же касается лично меня, то я и сам, приняв решение бороться до конца, находился тем не менее под впечатлением только что неудавшейся комбинации, связанной с планом контратаки из района Бреста, и в первый момент не находил положительно никакого разумного решения. Поэтому-то я сразу же отстранил всякое давление на себя, обещав вынести решение 6 августа. Уже в этом выборе даты, считавшейся мною счастливой, так как она связывалась с моим недавним прошлым — днем отбытия в 1914 году из Кракова на войну, каждый аналитик легко подметит чувство неуверенности в себе и как бы моральную неустойчивость, ибо давно прошли те времена, когда полководцы держали около себя кудесников, определявших счастливые и фатально неудачные дни. Смее поэтому утверждать, что дата приказа находилась вне всякой зависимости от справедливой или несправедливой оценки кем-либо обстановки. Ввиду того, однако, что вокруг этого решения сплелся у нас впоследствии чрезвычайно смехотворный узел сплетен, догадок и легенд, даже брошюр и изданий, отражение которых нахожу как у г-на Тухачевского, так и у г-на Сергеева, я остановлюсь несколько, просто ради исторической точности, на этом совершенно, впрочем, неважном для анализа вопросе.

По служебному положению в то время ближе всего ко мне стояли три лица: ген. Розвадовский, как начальник штаба, ген. Соснковский, как военный министр, и недавно прибывший из Франции ген. Вейган, как технический советник франко-английской миссии, присланный к нам в это грозное для нас время. Мнения этих лиц о создавшейся обстановке резко расходились. А так как обстановка была необычайно лихорадочна, то, по всей вероятности, и дебаты между ними в моем присутствии были не очень приятны. Я застал в Варшаве такую обстановку, при которой двое из них — ген. Розвадовский и ген. Вейган — разговаривали между собою, как я в то время шу-

тя выразился, только посредством дипломатических нот, пересылаемых в здании на Саксонской площади из одной комнаты в другую. Примирителем же противоречий и добрым опекуном этой вечно спорящей пары был военный министр ген. Соснковский. Г-н Тухачевский, очевидно, кое-что слышал об этих спорах, раз говорит, что французские и польские авторы любят сравнивать сражение на Висле с операцией на Марне. Действительно, во всех разговорах Марна упоминалась весьма часто, причем двое из этих лиц — ген. Вейган и ген. Соснковский — к Марне имели специальное предрасположение. Как некогда маршал Жоффри хотел иметь речной преградой Марну или Сену, за которой мог бы произвести перегруппировку отступавших войск к левому своему флангу, где находилась столица — Париж, так и в нашем случае за речной преградой Сана и Вислы искали возможности маневра сильным левым флангом — в столице Варшаве и в ее районе — Новогеоргиевске. Как там, так и здесь изыскивали возможность контрудара левым флангом, выходящим из столицы. Ген. Розвадовский был противником этой Марны, поскольку вообще был противником всего того, что говорилось из другой комнаты в здании на Саксонской площади. Впрочем, как истинный патриот Восточной Галиции, он внутренне не мог примириться с известным, но враждебным ему лозунгом «за Сан». Зато ген. Розвадовский, как обычно впрочем, сыпал соображения, как из волшебного рукава, не останавливаясь ни на одном из них, и менял их чуть ли не каждый час.

Если пишу так о ген. Розвадовском, то отнюдь не с целью нанести ему какую-либо обиду, а делаю это ввиду замечавшегося у нас желания осмеять этого генерала, который именно в тот тяжелый для нас период имел немало заслуг. Избрал я его в качестве своего начальника штаба не потому, что он был для этой должности наиболее подходящим, а потому, что являл собою счастливое и почетное исключение среди большинства тогдашних старших генералов. Никогда он не терял присутствия духа, энергии и моральных сил; хотел верить в нашу победу в то время, когда многие, и очень многие, потеряли уже всякую надежду, а если и работали, то с надломленной волей.

Это примиряло меня с его крупными, как начальника штаба, недостатками, ибо не знаю, существовало ли вообще для него какое-либо мнение, которого он сумел бы придерживаться в течение хотя бы одного часа. Поэтому-

то несколько я не удивлялся, что, привыкший к систематической работе в штабах, ген. Вейган вынужден был прибегнуть даже к дипломатическому методу для поддержания взаимных отношений¹.

Лично я мало принимал участия в спорах и дискуссиях, но наряду с другими, даже с г-ном Тухачевским, я положил начало историческому сравнению, которое и теперь, кажется мне, является наиболее удачным, насколько вообще исторические сравнения могут быть удачными. Г-н Тухачевский, желая придать своим упрекам по отношению к южным коллегам возможно более яркое выражение, сравнивает операцию под Варшавой с поражением Самсонова в Восточной Пруссии в 1914 году. Там ген. Ренненкампф, так же как здесь Буденный и командующий 12-й армией, ставя себе другие цели, не пришел своевременно на помощь Самсонову, когда маршал Гинденбург, сосредоточив против него свои силы, наносил ему поражение. Что же касается меня, то я «поход за Вислу» г-на Тухачевского сравнивал с походом, и тоже «за Вислу», ген. Паскевича в 1830 году. Я утверждал даже, что идея и план марша, возможно, взяты из архива русско-польской войны 1830 года.

Прочитав труды г-на Тухачевского и г-на Сергеева, я с известной долей триумфа обнаружил, что некоторые мотивы, известные мне в отношении фельдмаршала Паскевича, сражавшегося с революционной Варшавой и в память своих деяний получившего титул князя Варшавского, удивительно схожи с мотивами г-на Тухачевского, когда он, спустя почти столетие, посягал на нашу столицу. Г-н Тухачевский, как и Паскевич, упирал свой правый фланг — большинство своих сил — якобы в нейтральные, но явно враждебные нам государства. Уже с самого начала г-н Тухачевский имел большую выгоду от того, что Литва начала ему активно помогать. С определенным беспокойством следил я также и за событиями, когда его правый фланг таким же образом стал упираться в Восточ-

¹ Какой-то дурачок («бубек») в недавно изданной брошюре «Кампания 1920 г. в свете истины» вышучивает ген. Розвадовского, приписывая ему небывалые вещи и с целью как бы унизить меня как главнокомандующего. Брошюра эта уже вызвала острое осуждение со стороны офицера, с которым я работал над оперативными вопросами больше, нежели с ген. Розвадовским, — ген. Пискора. Не думаю, чтобы стоило заниматься подобного рода литературой, ибо если автор ее является поклонником ген. Розвадовского, то истиннее можно повторить русскую пословицу: услужливый дурак опаснее врага.

ную Пруссию. Мною было приказано даже собрать данные, не извлекал ли он той пользы, какую некогда имел Паскевич. Этот последний, имея, как и г-н Тухачевский, весьма тяжелые тылы и затруднительные условия сообщения, искал со стороны Пруссии помощи, основанной на взаимных интересах оккупантов Польши, помощи в виде поставок для армии всего того, что было необходимо для ее существования. Я особенно опасался доставки оттуда боеприпасов, каковых Тухачевскому могло не хватить после длительного марша от Березины и Двины к Варшаве.

Все исторические примеры грешат, но тем не менее они все же являются потребностью всякого мыслящего человека. Военные же в особенности должны обладать этим качеством, так как чаще всего они свой ум и волю развивают на военно-исторических работах, касающихся давно минувшего. Поэтому исторические примеры зачастую являются, как я их называю, «мысленными узлами» в рассуждениях командующих. Никогда не становятся они так сильны и могущественны, как иные «мысленные узлы» из разных доктрин и доктринок; и при исторических примерах, приводимых в дискуссиях, обыкновенно менее всего необходим могущественный окрик из Дома инвалидов в Париже: «*Mais c'est la réalité des choses qui commande, messieurs*»¹, ибо исторические примеры редко бывают движущим фактором для людей, а следовательно, и для полководцев. Однако, разбирая эту тему и скрещая на литературном поприще шпаги с г-ном Тухачевским, не хочу упустить случая сказать ему, что пример Марны для него тоже не лишен поучительности.

Естественно, суть здесь не в стратегической группировке и не в условиях боя, ибо, по существу, они не имеют ничего общего между собою по самой простой причине. В то время как ген. фон Клук подставлял свой правый фланг Парижу, приближаясь к соседней армии ген. Бюлова, г-н Тухачевский удалялся от своих южных соседей, оставляя под угрозой, скорее, свой левый фланг, правый же, в соответствии со своими намерениями, он упирал в нейтральную, но враждебную Польше Восточную Пруссию. Сходство нахожу, скорее, в психологической подкладке приказов и действий немцев в 1914 году и г-на Тухачевского в 1920-м, а именно — в игнорировании противника. Г-н Тухачевский «крошил», «громил» и «распы-

¹ «Но, господа, господствующими являются реальные вещи» (Наполеон). — Фр.

лял», генералы же фон Клок, фон Бюлов и фон Гаузен, не пользуясь этими российскими определениями в своих донесениях, посылали ежедневно в главную квартиру полные триумфа рапорты о Sieg'e¹, где противник fluchtartig² избегал столкновений с грозными когортами немцев. А когда в главной немецкой квартире в разгром французской армии на основании этих донесений наконец поверили — у этих генералов были изъяты для других нужд государства два корпуса, которых именно и не хватило для Sieg'a на Марне. У нас же, как видно из трудов г-на Тухачевского и г-на Сергеева, чаще всего «распыляемыми», наиболее «сокрушаемыми», всегда «окончательно деморализованными и неспособными к бою» оказывались при отступлении от Двины и Березины к Висле три наши дивизии: 8, 10 и 1-я Литовско-Белорусская.

Как раз именно эти-то дивизии выдержали морально лучше всех все отступления и их контратакой был надломлен первоначальный успех противника при непосредственном ударе на Варшаву.

Переходя к решению, принятому мною 6 августа, я сразу должен отметить, что во всех этих дискуссиях, к которым я зачастую нехотя прислушивался, никогда не принимались во внимание два чрезвычайно важных для меня, как главнокомандующего, мотива. Одним из них был тот факт, что мы собирались вести мирные переговоры. Именно под давлением того, что г-н Тухачевский называет заговором международного капитала или международной буржуазии, которая якобы нами управляла, мы должны были выслать делегацию не куда-нибудь, а именно в Минск, местонахождение г-на Тухачевского, чтобы молить о мире. Не иначе как вымаливанием это назвать не могу, ибо мирные переговоры должны были начаться в момент, когда победоносный противник стучался в ворота нашей столицы и грозил уничтожением организации государства раньше, чем вымолвит слово о мире. Не знаю, что тогда перечувствовали и передумали уважаемые участники исторической дискуссии на Саксонской площади, не знаю, и никогда я этого не исследовал. Знаю только, что меня, человека, которого учили и все-таки не сумели научить покорности, момент этот угнетал больше всего, и, как главнокомандующий и глава государства, я вынужден был принимать серьезные меры к тому, чтобы наша деле-

¹ О победе. — Нем.

² В бегстве. — Нем.

гация не выезжала из столицы без уверенности в защите нами этой столицы. Это обстоятельство, как увидим ниже, сильно отразилось на моем решении.

Вторым обстоятельством, которое не обсуждалось, но которое являлось одной из наибольших трудностей для командующих, была бросавшаяся в глаза необходимость реорганизации всего командования, раз мы решаемся взять инициативу в свои руки. Согласно моему прежнему решению, о котором упоминалось выше, мною уже были сменены командующие на севере — ген. Шептицкий и ген. Жигадлович. Ген. Шептицкий, как это и предполагалось мною, был отстранен от командования по выходе армии на линию реки Буг; ген. Жигадлович, командующий 1-й армией, и того раньше: уже после падения Гродно он был замещен ген. Ромером. С искренним удовольствием я констатирую, что с момента, когда этот энергичный генерал принял в свои руки командование, наша 1-я армия, несмотря на то что ей вновь приходилось выдерживать на себе натиск сосредоточенных на севере трех армий противника, сумела проделать то, чего вообще я требовал от севера, — выигрыша во времени.

Отлично помню и всегда с удовольствием вспоминаю тот момент, когда в один прекрасный день, просматривая схему дневной обстановки, составленную на основании полученных донесений, я обнаружил неожиданный и неизвестный до того времени факт, что правофланговая дивизия 1-й армии (1-я Литовско-Белорусская) была опережена при отступлении на запад соседней 4-й армией настолько, что должна была глубоко загнать свой правый открытый фланг. Впрочем, и сам г-н Тухачевский признает, что сопротивление нашей 1-й армии на линии реки Нарев было первым серьезным препятствием, какое ему пришлось встретить при своем походе к Висле. Но при решении, которое я намерен был принять, не говоря уже о переменах в личном составе, многое должно было перемениться в организации управления и в разграничении задач. В противном случае сама мысль о взятии инициативы в свои руки была бы заранее обречена на неудачу.

Время этих двух обстоятельств, о которых никто не обсуждал, ложилось непосредственно на меня, причем первое из них было бременем почти непосильным, ибо в основе его лежал как бы нажим стратегической бессмыслицы, логического абсурда. С этим бременем мне пришлось иметь больше всего дела, когда вечером 5 августа и в ночь на 6-е, не на каком-либо совещании, а в уеди-

ненной комнате в Бельведере я перерабатывал самого себя, чтобы вынести решение. Существует замечательное определение величайшего знатока души на войне — Наполеона, который говорит о себе, что когда он приближается на войне к вынесению важнейшего решения, то становится «*comme une fille qui accouche*» — как бы девушкой, собирающейся рожать. Не раз после этой ночи я думал о большой гибкости и тонкости мысли Наполеона, который, несмотря на слабость прекрасного пола, себя, великана воли и гения, сравнивает со слабой девушкой, мучающейся на родильном ложе. Он говорит о себе, что в таких случаях бывает *pussillanime* — малодушным. В состоянии этого мучительного малодушия я дольше всего не мог разобраться в бессмыслице создавшейся для боя обстановки, в бессмыслице пассивности большинства моих сил, собранных в Варшаве. Вести контратаку из Варшавы и Новогеоргиевска, по моему мнению, было нельзя. Всюду она наносила бы противнику фронтальный удар, натыкаясь на его главные силы, стягиваемые, как мне казалось, всей своей массой к Варшаве, а до этого времени ни наши войска, ни их командиры никак не могли справиться с победоносным противником. Кроме того, над всей Варшавой висел призрак мудрствующего бессилия и умничающей трусости. Ярким доказательством этого была высланная с мольбой о мире делегация. Варшаву я заранее обрекал на пассивную роль, на выдерживание надвигавшегося на нее натиска. Но даже в этом случае я не хотел предназначать для пассивной роли значительного большинства своих сил. Когда же я думал об уменьшении количества пассивных сил, я начинал беспокоиться о том, выдержит ли это Варшава и не вызовет ли сам факт выступления из Варшавы хотя бы части введенных в нее войск упадка слабых моральных сил и сомнения в возможности обороны. Я отлично знал из прошлого наблюдения над Львовом, что значит большой город, когда на его периферии идет бой и когда по улицам его, как это имело место тогда в Варшаве, по всем направлениям шатаются элементы непосредственных тылов находящиеся в бою частей. В таких случаях солдат вынужден жить с городом общей жизнью, и малейшие колебания в ту или другую сторону настроений города подрывают или же поддерживают его силы. Я отлично помнил, что большинство наших сил, сосредоточенных в Варшаве, прибывало в столицу после целого ряда поражений, после длительных и беспрерывных неудач. Уменьшить число этих сил,

вывести из Варшавы уже побывавшие в ней части казалось мне опасным. Значит, обрекать на пассивность десять дивизий — почти половину польских сил? Вот вопрос, который я себе ставил. Я перебирал без конца силы гарнизонов, предназначавшихся для Варшавы и Новогоргиевска. Благодаря чрезвычайной энергии, которую развил в отношении Варшавы ген. Соснковский, сразу же бросалось в глаза огромное и небывалое еще у нас на войне сосредоточение артиллерии. Приближалось оно в значительной степени к тому идеалу, какой наметил «опыт мировой войны». Артиллерия, следовательно, могла развить действительно ураган огня, а не такой, коим меня так часто угощали в донесениях. Поэтому-то, исходя из логики войны и тактики, мне вновь казалось возможным заменить хотя бы часть живой силы пехоты, способной маневрировать, усилением мощности артиллерийского огня. Но сколько раз я пытался убедить себя в необходимости недопущения столь очевидной для меня бессмыслицы — столько раз я отступал от решения, подавленный ответственностью за государство и его столицу. Я не мог заставить себя надеяться ни на моральные силы войск и жителей столицы, ни на стойкость руководителей тех и других. Эта бессмыслица обстановки настолько сильно меня мучила, что, в самом деле, по временам казалось мне, что из всех углов что-то хихикает и издевается надо мною, когда бессмыслицу, очевидную нелепость я брал за основу своих расчетов или своего решения. Все комбинации, какие допускались мною при этих исходных данных для создания фактора движения и атаки, по необходимости должны были дать силы более слабые и значительно менее обеспеченные, нежели пассивная часть их, предназначенная исключительно для обороны. Ибо откуда ее, эту силу, можно было взять и как организовать ее для движения? Когда я продумывал вопрос о необходимости инициативы и начинал переделывать свои расчеты, бессилие плевало мне прямо в лицо. Расчеты эти никогда мне не удавались. Первое, что сразу же бросалось в глаза, была медленно отступавшая с реки Буг 4-я армия. Кратчайшее направление, в котором теснил ее противник, вело на Вислу между Варшавой и Ивангородом. Не было там ни мостов, ни удобных переправ. При более сильном натиске противника она могла быть отброшена на Вислу и очутиться в совершенно критическом положении. Необходимо было двинуть ее или к Варшаве, или к Ивангороду, или же расчленив пополам, бросив одну часть

на север, другую — на юг. Таким образом, если бы эту армию всю целиком или же большую часть ее свернули к югу, можно было бы собрать немного свободных сил, не связанных с Варшавой. Эта операция, однако, требовала немедленного и хотя бы непрочного занятия войсками западного берега Вислы на участке ее между Варшавой и Ивангородом. И тут снова возрастала пассивная часть войск за счет сил, способных для производства удара. Некоторое опасение вызывало и моральное состояние 4-й армии. Прodelала она почти такой же путь отступления, как и 1-я армия, имея за собой, быть может, и меньшие бои, но поспешная и неожиданная потеря Бреста, столь свежая еще в моей памяти, несколько не склоняла меня к уверенности в этом отношении.

Вторым источником сил для меня мог явиться юг, откуда была уже снята 18-я дивизия. Юг находился в положении более счастливом, нежели север, а усиленная боевая работа и неутомимая деятельность командиров давали большую гарантию моральной силы снятых оттуда войск. Весьма значительным облегчением при этом являлся тот факт, что Буденный со всей своей конницей был вытеснен за фронт наших войск, благодаря чему движение по железным дорогам и пешие марши не могли быть нарушены неприятельской подвижной кавалерией. Когда, однако, я пытался подсчитать, что смогу оттуда получить, то постоянно и всегда приходил к выводу, что нельзя в более или менее значительном размере ослабить своих сил на юге. Победа над Буденным была весьма половинчатой, и хотя казалось, что он не в состоянии будет предпринять немедленно новое наступление, однако при попытке значительного ослабления наших сил, по моему мнению, не исключалась возможность того, что принеся нам уже столько вреда конная армия снова начнет свое движение вперед. Ее же естественным и наиболее опасным для нас движением было бы сближение с главными силами советских войск, т. е. с армиями, которыми командовал г-н Тухачевский. Таким образом, все комбинации, которые строились мною в этой области в ночь с 5 на 6 августа, давали мне возможность снять с юга, если не действовать без особенного риска, только каких-нибудь два полка пехоты и, быть может, какую-нибудь бригаду конницы. Такая группка не могла иметь серьезного значения для сильной контратаки и не в состоянии была оказать более или менее серьезное влияние на моральное состояние других войск. Суммируя, таким образом, все дан-

ные, полученные в процессе моей работы, я приходил постоянно к тому результату, что для контратаки можно было использовать от трех до четырех пехотных дивизий с небольшим количеством конницы. Но что это могло значить в отношении к противнику, который до того времени неустанно разбивал сопротивление большинства сил нашей армии?

Все комбинации давали ничтожное количество сил, бессмыслицу исходных данных, безумие бессилия или чрезмерный риск, перед которым логика отступала. Все представлялось для меня в мрачных красках и безнадежным. Единственными же просветами на моем горизонте являлись *отсутствие на тылах конницы Буденного и бессилие 12-й армии*, которая после поражения на Украине не была в состоянии оправиться. Реорганизация командования намечалась сравнительно ясно. С момента, когда большинство войск будет тесно сгруппировано в Варшаве и ее районе, над ними должно быть установлено единое командование, причем количество сосредоточенных уже здесь войск вызывало необходимость разделения их на две армии. Контратака, независимо от того, какими силами она будет произведена, должна быть руководима одним начальником. Юг, защищавший от опасности север, должен был быть объединен также единым командованием. Все это в корне ломало прежний план командования войсками. Самая трудная задача падала на того, кто, будучи слабым, должен был проявить силу и кто вопреки здравому смыслу должен был сыграть решающую роль. Я заранее решил, что ни от кого из своих подчиненных я не вправе требовать, чтобы он взял на свои плечи эту бессмыслицу, и с момента, когда я, как главнокомандующий, беру бессмыслицу за исходную точку, я должен взять на себя также и выполнение наиболее бессмысленной части своего плана. Поэтому-то я заранее остановился на мысли, что предназначенной для контратаки группой, независимо от того, будет ли она более сильной или слабой, командовать буду лично я. Улыбалась мне отчасти эта мысль еще и потому, что в период решающей операции мне предстояло быть постоянным объектом давления со стороны мудрствующей трусости и умничающего бессилия.

Сопоставив по несколько раз все свои попытки скомбинировать какой-либо выход, я вынес решение в отношении двух вопросов: оттянуть к югу большую часть нашей 4-й армии и, рискнув южным заслоном, взять из его

состава две дивизии, а именно 1-ю и 3-ю легионеров, которые я считал наилучшими. Затем я окончательно решил, что контратакой буду руководить лично, хотя заранее предугадывал, что внесу беспорядок в командование войсками тем самым, что возьму на себя, быть может, на более продолжительное время непосредственное командование незначительной частью тех войск, главнокомандующим которых я являлся.

Когда 6-го утром явился ко мне за распоряжениями ген. Розадовский, он вошел в мой кабинет со схемой, представлявшей собою еще одно предложение или комбинацию. Схема эта отражала, собственно, решение вопроса, что делать с 4-й армией, коль скоро она вынуждена будет, очевидно, отступать на участок Вислы, лишенный мостов, не имея возможности преодоления этой широкой преграды. На этой схеме ген. Розадовский пытался использовать отступательное движение 4-й армии с тем, чтобы сконцентрировать ее, насколько мне помнится, в количестве нескольких дивизий в районе Гарволина. Предполагая же, что противник стягивает свои силы определенно к Варшаве, он предлагал ударить этой сконцентрированной группой на север, т. е. в направлении на Варшаву. Я сразу же отбросил этот проект и всякую в этом роде мысль, говоря, что сомневаюсь, будто при подобных условиях можно выполнить даже сосредоточение. Противник, имеющий все время перевес в силах, не допустит изменения фронта, и сосредоточиваемая группа вынуждена будет тогда или удирать в Варшаву, или, что еще хуже, будет отброшена к Висле, а это может окончиться для нее катастрофой. И тут же я указал ему, что 4-я армия в большей своей части должна отойти далее на юг, чтобы там сконцентрироваться и перейти в контратаку. Кроме того, я категорически приказал снять с южного фронта 1-ю и 3-ю дивизии легионеров для усиления группы, предназначенной для контрудара. Понимая же, что ослабленный таким образом южный фронт не сможет, по всей вероятности, действительно задержать находившегося перед ним противника, я поручил отдать нашей 6-й армии приказание — в случае нажима со стороны противника немедленно отступать ко Львову. В случае же движения на север Буденного я приказал, чтобы вся наша конница совместно с лучшей из находившихся там пехотных дивизий немедленно двинулись за конной армией Буденного, стараясь во что бы то ни стало задерживать ее в походе. После краткой дискуссии местом сосредоточения ударной

группы нами был избран район, прикрытый сравнительно широкой рекой Вепрж, причем левый фланг должен был упираться в Ивангород и прикрывать, таким образом, все мосты, как на Висле, так и на Вепрже. На этих основаниях был разработан приказ от 6 августа, регулировавший стратегическое расположение войск, имевшее в виду сражение под Варшавой.

Момент отдачи мною основного приказа, подготовлявшего сражение, почти совпадал с моментом отдачи приказа г-ном Тухачевским. Когда теперь сопоставляю эти два приказа, неимоверно сожалею, что не мог в то время проникнуть в тайны издававшегося в Минске приказа г-на Тухачевского. Скольких душевных сомнений я избежал бы! Сколько других, более эффектных планов можно было бы создать, если бы допустить, что г-н Тухачевский не ставит себе целью наступление всеми силами на Варшаву! Это деление им войск на две части и направление двух армий не для непосредственной атаки, а для выполнения длительного марша и, быть может, еще более длительной переправы через широкую Вислу освобождало меня от половины беспокойства за участь Варшавы. И я почти уверен, что не нужно было бы мне тогда столько мучиться над основной бессмыслицей, которую я положил в основу своего решения. Две советские армии должны были тратить время, идя впустую, а время в этот момент было весьма дорого. Время же это тратил противник, а я без всякого труда его выигрывал. Совершенно не препятствуя этому столь выгодному для меня проигрышу во времени г-ном Тухачевским, я попробовал бы тогда использовать стянутые и сосредоточенные силы для действий по внутренним операционным линиям и разбить противника по частям. В таком случае, кто знает, не заставил ли бы я тогда нашу 4-ю армию отступать не куда-нибудь, а только в Варшаву?

Бессмыслица моего основного приказа от 6 августа усиливалась еще тем обстоятельством, что все пассивные группы были уже или собраны, или же должны были отступать по кратчайшим и естественным направлениям.

Исключением, могущим возбудить сомнение в удаче этого плана, являлась именно активная, ударная группа, ибо все части, которые должны были войти в состав этой группы, находились в непосредственном соприкосновении с противником, а направление движения, которое вело их к месту сосредоточения, требовало весьма сложного маневра, не похожего на простые и обыкновенные военные действия.

А именно: 14, 16 и 21-я дивизии 4-й армии, находившиеся еще 6 и даже 7 августа в горячих боях на Буге, должны были не только оторваться от противника, но и проделать еще рискованный почти фланговый марш для достижения района за Вепржем. Особенно относилось это к 14-й дивизии, которая была наиболее удалена на север, под Янов, и должна была совершить самый длинный полуфланговый марш, вплоть до Ивангорода. Какой-нибудь случай, более сильный натиск со стороны противника в том или ином месте, моральная расхлябанность, столь частая до этого времени в той или иной дивизии или полку, ставили весь маневр под знак вопроса, не давая никакой уверенности, что ударная группа, которой я решил командовать лично, соберется своевременно и в назначенном мною составе. Еще хуже и сложнее складывалась обстановка для тех двух южных дивизий, которые я выбрал для участия в контратаке, а именно — для 1-й и 3-й легионеров. Мною было приказано придать им и часть конницы, для которой выступление было, естественно, легче, но для обеих пехотных дивизий, отстоявших от места сосредоточения на расстоянии от 150 до 250 километров и находившихся в соприкосновении с противником, задача превышала, по тогдашнему и теперешнему моему мнению, нормальные человеческие силы. Про себя я рассчитывал, что ген. Рыдз-Смиглый, на которого была возложена эта задача, сумеет стянуть к месту концентрации максимум одну пехотную дивизию и одну кавалерийскую бригаду, несмотря на то что приказ гласил иначе. О второй дивизии, которой мною было приказано двигаться также на север, я не позволял себе даже мечтать.

Поэтому-то нет ничего удивительного, что с 6 по 12 августа я лихорадочно следил за тем, насколько удастся этот рискованный и ненадежный маневр. Наблюдения в эти дни за противником и его действиями абсолютно не наводили меня на какие-либо подозрения насчет того, что войска г-на Тухачевского, действуя согласно его приказу от 8 августа, обходят Варшаву. Правда, отмечались движения в направлении к западу, т. е. к Висле ниже Новогеоргиевска. Был атакован Цеханов, была атакована Млава, и были, слабые впрочем, движения в направлении Плоцка и Влоцлавска. Но это были движения конницы, которая, как я полагал, имеет целью прервать сообщение Варшавы с морем — с Данцигом. Что же касается отступления дивизий нашей 4-й армии, то таковое происходило почти без помех со стороны противника, так как последний явно стягивал

к северу свою 16-ю армию, имея южный фланг ее на шоссе Брест — Варшава. Когда же дивизии 4-й армии миновали это шоссе, направляясь на юг, к Вепржу, натиск со стороны противника почти прекратился. Поэтому я мог быть уверенным, что все три дивизии своевременно успеют прикаться Вепржем и перейти в мое распоряжение.

Ген. Рыдз-Смиглый справился со своей задачей чрезвычайно ловко. Его операции и действия 1-й и 3-й дивизий легионеров представляют собой один из славнейших подвигов, какие только имеет за собой польская армия. Ген. Рыдз-Смиглый и обе его дивизии нашли решение столь сложной задачи в активных действиях. В соответствии с моральной силой, коей они обладали, обе дивизии искали прежде всего победы над противником, с которым находились в соприкосновении, чтобы, выиграв таким путем во времени, спокойно отойти к северу, куда я их призывал. 1-я дивизия легионеров 8 августа разбила 24-ю советскую дивизию и, захватив у нее около 1000 орудий, форсированным маршем направилась к Сокалю, где ее уже ожидали приготовленные железнодорожные составы. Отправка 1-й дивизии совершалась беспрепятственно. То же самое проделала и 3-я дивизия под Грубешовом, однако — увы! — за отсутствием приготовленных заранее железнодорожных составов вынуждена была совершать свое движение к северу походным порядком. Опоздание этой дивизии вызвано было также и трудностью своевременного вручения ей соответствующего приказа. Перед своим уходом, однако, дивизия эта успела разбить переправлявшегося уже через Буг противника и, отбросив его за реку, захватила у него богатую военную добычу. Бои 1-й и 3-й дивизий имели еще одно интересное и характерное последствие, а именно: у одного из убитых где-то около Холма наших офицеров противником был найден наш приказ от 6 августа, содержащий распоряжения относительно новой группировки сил. Неосторожность эта, так часто повторяющаяся в истории войны и так сурово наказуемая всеми уставами всех армий, отдавала в руки Советов весь секрет наших движений. В трудах г-на Тухачевского и г-на Сергеева я, однако, нахожу указание, что советское главное командование не питало абсолютно никакого доверия к этому документу, так как из той же 12-й армии поступили донесения, что предназначавшиеся для атаки на севере 1-я и 3-я дивизии ведут успешные бои на юге под Грубешовом, а не где-то там, в районе Любартова, куда призывал их приказ от 6 августа. Г-н Тухачевский заявляет, что он имел

по этому поводу спор со своим старшим начальником, со своей стороны не предпринял, однако, ничего, чтобы самому обеспечить находившиеся под угрозой свой левый фланг и тылы.

Перед моим отъездом вечером 12 августа из Варшавы у меня на Саксонской площади произошел окончательный разговор с тремя вышеупомянутыми лицами. В этом разговоре я следующим образом высказал свой взгляд на обстановку: во-первых, из 20 дивизий, которые должны были принять участие в решающем сражении за нашу столицу Варшаву, почти 15, т. е. три четверти, будут играть пассивную роль и едва лишь одна четверть, или пять с половиной дивизий, одна из коих опаздывает в пути, получает активную задачу. Варшава кроме сосредоточенных в ней десяти с половиной дивизий располагает еще и огромным количеством артиллерии, и поэтому полагаю, что даже одним артиллерийским огнем в соединении с применением авиации, сосредоточенной также в Варшаве, сравнительно легко можно будет задержать противника. Поэтому не думаю, чтобы время могло иметь для Варшавы большое значение. Наоборот, полагаю, что интересы всей операции в целом заключаются в нанесении противнику возможно больших потерь при атаке и принуждении его настолько сильно связать себя боем с Варшавским гарнизоном, чтобы он не был в состоянии противопоставить более крупных сил приближающимся под моим командованием войскам, т. е. пяти дивизиям. Во-вторых, я указал, что сосредоточенные для контратаки войска, т. е. пять с половиной дивизий, должны иметь некоторое время для отдыха и принятия надлежащей перегруппировки, а также и для получения пополнений, которые были для них предназначены. Должен также иметь время и я сам для осмотра войск, так как опасаясь, что их моральное состояние не настолько высоко, как это было бы желательным для столь трудной и рискованной операции. Поэтому-то не думаю, чтобы я мог начать операцию раньше чем 15 августа, однако в течение двух дней от начала операции я сумею, как допускаю, подойти настолько близко к атакованной Варшаве, что общая военная работа с большинством сил, сосредоточенных в Варшаве и ее районе, станет уже возможной. При этом я указал, что в последнем случае было бы желательно, чтобы южная часть Варшавского гарнизона с придачей ей всех танков, каковые следует собрать на этом участке, повела бы наступление вдоль шоссе, идущего в сторону Минска и Бреста. Это являлось необходимым потому, что я имел намерение атако-

вать на очень широком фронте, и тогда левофланговая 14-я дивизия, которая должна была следовать вдоль Люблинского шоссе, могла очутиться в весьма тяжелом положении, если бы, будучи изолированной, наткнулась на более крупные силы противника. В-третьих, я указал на грозную опасность, которая превращает руководимый мною маневр в чрезвычайно рискованное предприятие, ибо снятием с южного фронта 1-й и 3-й дивизий легионеров я открывал как бы входные ворота, между прочим, и для конной армии Буденного. Несмотря на то что там находится наша конница, имеющая приказ сдерживать конную армию Буденного в ее движении к нам, опыт прошлого, однако, не дает мне уверенности в выполнении этого приказа. Можно ожидать, что в короткий промежуток времени я буду иметь на своих непосредственных тылах марширующую от Сокаля и Грубешова конную армию Буденного или часть ее, что в значительной степени может сделать напрасными все мои усилия. При этом я отметил, что на Буге против 12-й советской армии оставляю очень слабые силы — 7-ю дивизию в районе Холма и к югу от нее весьма слабую 6-ю Украинскую дивизию.

Наконец, при прощании с ген. Соснковским я указал ему на беспорядок, существующий как в самом командовании войсками, так равно и в их организации, и потребовал от него постоянного и всемерного внимания, направленного на устранение всех этих «групп», «подгрупп», «надгрупп», «предгрупп» и «загрупп», которых, несмотря на все мои старания, оставалось еще так много, что были, например, командиры со штабами, но без войск, а в некоторых случаях сто солдат делилось на три группы, находившиеся под командованием генералов.

Дальше я ему указал на необходимость и впредь быть ангелом примирения в отношении вечно ссорящихся и спорящих между собою генералов, преодолевая всеми возможными средствами анархию управления, которой я опасался, ибо при отсутствии моем, моего авторитета, оборона столицы могла рухнуть даже при наличии перевеса над противником.

Покончив с этими вопросами, 12-го вечером я выехал из Варшавы. Выезжал я, будучи исполнен сознания бессмыслицы и даже некоторого отвращения к себе за то, что из-за трусости, польской немощи должен был поступать вопреки всякой логике и вопреки всяким здравым законам военного искусства. Наряду с этим, признаюсь, я испытывал сознательное сильное облегчение, когда покидал сре-

ду, где минута имеет больше значения, чем час, час — больше суток, а сутки — больше недели.

Прибыв в свою главную квартиру в городе Пулавы и разобравшись в обстановке, я сразу же констатировал несколько фактов. Прежде всего я обнаружил, что моральное состояние всех дивизий — а было их собрано здесь четыре — не было уж столь плохим, как это предполагалось мною раньше. И хотя перед самым моим приездом одна из дивизий, а именно — 21-я, по старой, приобретенной уже в течение месяца привычке под натиском небольшой группы противника ни с того ни с сего отошла с предмостного укрепления на Вепрже, оставив Коцк, который ей было приказано удерживать, — я все же не думал, чтобы этот трудный моральный перелом, которого после длительного отступления требует контратака, был невыполним. В дальнейшем я обнаружил, что пополнение было распределено не так, как это было необходимо в соответствии с вооружением, а как раз наоборот. Так, например, батальоны с французским вооружением попали в дивизии, вооруженные немецкими маузерами или австрийскими манлихерами. Для упорядочения же всего этого хаоса требовалось время. Кроме того, мною была обнаружена неслыханная прямотаки нехватка обмундирования и экипировки солдат — таких «дедов», как я их называл, в течение всей войны я больше ни разу не видел. Когда почти половина людей в 21-й дивизии, продефилировавших передо мной в Фирлее, оказались босы, я вспомнил, сколько раз во время войны мои подчиненные приписывали понесенные ими поражения не чему иному, как скверной экипировке солдат.

Наряду с этим определенно тяжелым чувством я вспоминал также и то, что все запасы или уж, по крайней мере, большая часть их были розданы войскам, которым не предназначалась мною решающая роль.

Наконец, все данные, собранные мною о противнике, были до известной степени гадательными. Согласно стратегическому распределению сил противника я должен был иметь против себя Мозырскую группу. Состав ее и силы никогда не были выяснены нами в достаточной степени. Мы знали, что в состав ее входит 57-я дивизия, но, кроме того, в нее входили еще какие-то отряды, составлявшие нечто отдельное от группы, так что я никогда не имел о ней точных данных. Прделанная ею до того времени работа, казалось, должна была бы говорить за то, что это какая-то весьма сильная группа войск. 4 июля она производила ата-

ки в двух различных направлениях, и при этом там, где мы были наиболее сильными, — вдоль самого Полесья и севернее его, вдоль шоссе Бобруйск — Брест. И не раз в течение истекшего месяца мне приходилось читать в донесениях о значительных силах противника, атакующего нас не без успеха то на одном, то на другом направлении. Между тем сейчас, 13 августа, я, собственно, наблюдал перед собой пустое пространство. Было там нечто вроде дозоров, немного сгущенных у Коцка и Мацеевиц на Висле, где эти небольшие группы как бы подготавливались к переправе через реку. Признаться, все это принималось мною за партизанские отряды, разосланные по стране для реквизиций, грабежа и фуражировки. Наиболее сильное скопление представляла 58-я дивизия 12-й армии, двигавшаяся от Влодавы в направлении не то Любартова, не то Холма.

Донесения из Варшавы звучали успокаивающе; очевидно, противник подготавливался к атаке и делал соответствующую перегруппировку сил. С юга я также не получал тревожных известий. Поэтому мое убеждение в успехе, с которым я, впрочем, уезжал еще из Варшавы, окончательно укрепилось. У меня оставалось еще немного свободного времени, и потому я решил начать действия не ранее как 17-го утром, когда наступление на Варшаву достаточно уже разовьется и свяжет большинство советских сил с находившимся в Варшаве большинством наших сил. За это время я смог бы сильнее сплотить воедино свою немногочисленную группу, которой предстояла атака, и дожидаться подхода 3-й дивизии легионеров, запоздавшей в своем движении на север, и надлежащего выравнивания ее с остальными дивизиями.

Однако на следующий день, 14-го, обстановка изменилась для меня к худшему. Из Варшавы поступили тревожные телеграммы. При первой атаке советских войск сопротивление наше было сломлено, и Радзими́н с его окрестностями штурмом был взят противником. Телеграммы звучали тревожно, отражая настроение, которое, по-видимому, господствовало в столице. Известное удивление вызвали во мне сведения об усиливающемся натиске войск г-на Тухачевского в западном направлении — в направлении Плоцка и даже Влоцлавска и Бродницы. Сообщавшие об этом телеграммы говорили не только о коннице, присутствие которой я предполагал раньше, — была в этом какая-то загадка, которой разрешить я не мог, ибо это меняло до известной степени мои прежние соображения о том, что г-н Тухачевский сосредоточивал все свои силы против Варша-

вы. Но в тревожных телеграммах из Варшавы делались попытки произвести на меня определенное давление, чтобы я торопился с оказанием помощи и согласился, будучи даже неподготовленным, немедленно двинуться вперед. Несмотря на то что эти давление и тревога казались мне абсолютной бессмыслицей, тем не менее, поскольку уже, как указывалось мною выше, из-за тревоги я поступился разумом и здравым смыслом военного дела, после некоторых колебаний я передвинул дату выступления на один день и уведомил Варшаву, что удар начинаю 16-го на рассвете. Отданный мной приказ наибольшей опасности подвергал две фланговые дивизии, 14-ю на левом фланге и 1-ю легионеров на правом. Это вытекало из принятого мною решения, о котором я известил все войска, — нанести стремительный удар; покрывая такие расстояния, к каким никто, кроме 1-й дивизии легионеров, не привык. Я категорически запретил заботиться о флангах, ибо каждая дивизия должна была возможно быстрее двигаться вперед, совершенно не думая о том, поспеет ли за ней ее сосед справа или слева.

Рассчитывая, что генеральное сражение произойдет не где-либо в другом месте, а только под Варшавой, я приказал возможно быстрее двигаться 1-й дивизии легионеров, которая должна была, пожалуй уже на второй день, сделаться правым заходящим плечом, если бы левофланговая 14-я дивизия встретила где-либо в районе Колбеля организованное уже сопротивлениедвигающихся для обложения Варшавы советских войск. Беспокоила меня так называемая Мозырская группа: я не видел перед собой ее сил, а сведения, полученные от авиации, отмечали какое-то усиленное движение подвод, направляющихся с востока и северо-востока к Лукову и Желихову. Это могла быть какая-нибудь спешно высланная группа, быть может, та же Мозырская, так что, ничем не прикрытая с востока, моя 1-я дивизия легионеров могла попасть в относительно опасное положение. В качестве общего руководящего указания я поставил всем войскам, т. е. четырем дивизиям, задачу — достигнуть на второй день шоссе Брест — Варшава. Исклучение составляла 3-я дивизия легионеров, которая вошла в соприкосновение с 58-й советской дивизией, завязала с нею бой и, следовательно, не могла входить в мое исчисление сил, направленных к Варшаве. Я, скорее, рассчитывал на всю или часть 2-й дивизии легионеров, которая стояла на пассивном участке по западному берегу Вислы, к северу от Ивангорода. Продвижение моих сил к северу уже

само по себе освобождало эту дивизию от поставленной ей задачи.

15 августа сведения из Варшавы были несколько более успокоительными, однако все бои свидетельствовали о том, что давление противника все более и более усиливается, как в районе Радзимины, так и севернее Варшавы, в районе Новогородовска. Тем временем на юге стала действовать конная армия Буденного, под давлением которой начала отходить в направлении Львова наша 6-я армия.

16 августа я начал атаку, насколько вообще такие действия можно назвать атакой. Слабый и незначительный бой вела вначале только одна 21-я дивизия, которая два дня тому назад, повредив неизвестно зачем мост, отступила от Коцка, а теперь должна была вброд форсировать Вепрж, чтобы вновь овладеть Коцком. Другие дивизии двигались почти без соприкосновения с противником, так как незначительные стычки в том или ином месте с какими-то небольшими группами, которые при малейшем столкновении с нами распылялись и убегали, назвать соприкосновением я не решился бы. Весь этот день я провел в автомобиле, главным образом при левофланговой 14-й дивизии, непрерывно собирая данные и впечатления — как свои, так и своих подчиненных. Не могу не заметить, что вечером того же дня, когда все дивизии сделали уже добрых тридцать с лишним километров к северу, главной загадкой, которую я пытался разрешить, была тайна так называемой Мозырской группы. Собственно говоря, если не считать 57-й дивизии, этой группы здесь совершенно не было; однако подобное суждение в корне противоречило создававшимся из дня в день в течение целого месяца впечатлениям, полученным мною. Ведь был же он, этот какой-то апокалипсический зверь, перед которым в течение целого месяца отступали многочисленные дивизии. Казалось мне, что я вижу сон. Как вывод, к которому я пришел, было убеждение, что меня ожидает где-то какая-то засада. Левофланговая 14-я дивизия, свободно миновавшая Гарволин, фактически уже с полудня вошла в сферу действий левого фланга 16-й советской армии, атакующей Варшаву. Я имел сведения, что армия эта имела задачей форсировать Вислу под Гура-Кальварией, между тем передовые части 14-й дивизии 16 августа находились от атакованных, как гласили телеграммы, Карчева и Вензовны не более чем на 20—25 километров. Противника все же не было! Вечером я приказал всей 2-й дивизии легионеров, освободившейся от прежней задачи, немедленно сосредоточиться в Ивангороде и соста-

вить, при стольких загадках, грозящих отовсюду какими-то засадами, хотя бы какой-нибудь резерв. Где же, однако, должна была находиться победоносная до этого времени Мозырская группа? Где была 16-я армия, атакующая Варшаву?

17-е число августа месяца не принесло мне никакого разъяснения этих загадок. Я стал искать теперь его на правом фланге.

Снова провел я весь день в автомобиле, отыскивая следы тайны и хотя бы признаки засады. Уже далеко после полудня я застал в Лукове командира 21-й дивизии с его штабом, весело пирующих после столь прекрасного марша. Окружившие меня за столом командиры бригад и некоторых полков единогласно утверждали, что противника, собственно, нет, и с подъемом мне рассказывали, как все население спешит им на помощь. Так, например, когда какая-либо незначительная группка противника хочет оказать сопротивление, то чуть ли не бабы с цепами и мужики с вилами спешат на помощь нашим горцам, когда эти последние босиком рассыпным строем идут в атаку. Авангард горной дивизии задержался на полпути между Луковым и Седлецом. Я приказал немедленно вести дальнейшую атаку на Седлец, полагая, что, быть может, в этом центральном пункте найду какое-либо разрешение тайны Мозырской группы. Далее с востока я получил известие, что двигавшаяся впереди всех 1-я дивизия легионеров своими передовыми частями достигла уже Бялы и Межиречья; затем задержанная в своем движении 3-я дивизия легионеров разбила 58-ю советскую дивизию и двигалась, тесня перед собой эту дивизию в направлении Влодавы и Бреста. Когда под вечер я возвращался на запад по прекрасному шоссе от Лукова в сторону Гарволина и миновал окрестности Желихова, где встретил тылы 16-й дивизии, следовавшей на Калушин, мне показалось, что я во сне, в мире очаровательной сказки. Не понимал, где, собственно, сон, а где действительность. Тогда ли был сон, когда меня еще так недавно душило непреодолимой силой своего непрерывного движения какое-то чудовище, протягивавшее к моему горлу для смертельного сжатия чудовищные свои лапы, или же теперь, когда пять дивизий свободно и без всякого сопротивления покрывают то самое пространство, которое еще так недавно в смертельной тревоге отступления отдавали противнику? И несмотря на то, что сон этот был радостным, он не мог тогда казаться реальным. Целый месяц психического давления — давления превосходства —

не хотел проходить. Радостный сон не мог быть реальным! Под властью этих впечатлений я прибыл вечером в Гарволин. Помню, как сейчас, тот момент, когда, сидя за чашкой чая подле приготовленной на ночь постели, я вскокил на ноги, услышав наконец отзвук жизни, отзвук действительности — глухой гул орудий, докатывавшийся откуда-то с севера. Значит, противник имеется! Значит, он не призрак! Стыд за свою боязнь, за страх, который я пережил недавно при виде чудовищного кошмара, начавшего уже мне казаться какой-то дикой фантаσμαгорией, был резонным и не без оснований! Противник был налицо, и свидетельствовала об этом музыка боя на севере. Будучи уже в постели, я не раз приподнимал голову с подушки, чтобы проверить свои впечатления. Глухой орудийный гул мерно и тихо содрогал воздух, свидетельствуя о бое, который велся без нервного напряжения, спокойно, со спокойно отбываемым тактом. Где-то около Колбеля или несколько далее сражалась ночью моя 14-я дивизия. Я быстро сообразил, что если даже бой временно и будет неудачным и, возможно, 14-й дивизии придется отступить, то, во всяком случае, она облегчит своим боем участь находящейся под угрозой Варшавы, а в течение завтрашнего дня я успею подтянуть к месту боя 2-ю дивизию легионеров из Ивангорода и соседнюю 16-ю дивизию с востока.

Когда 18-го утром я пробудился ото сна, орудия уже не грохотали — была абсолютная тишина. Тотчас же я решил поехать для проверки обстановки. Никогда не забуду того странного ощущения, когда, прибыв без каких бы то ни было помех в Колбель, я застал в именнице подле шоссе только тылы 14-й дивизии и получил сведения о том, что дивизия эта вела ночью бой и быстрым маршем направилась уже в Ново-Минск, чтобы согласно моему приказу на рассвете третьего дня быть на Брестском шоссе.

Где же, однако, 16-я армия? Когда я ехал в Ново-Минск, по дороге свидетельствовали о ней орудия, оставленные в поле без упряжек и прислуги, свидетельствовали о ней довольно многочисленные человеческие и конские трупы возле шоссе, свидетельствовало, наконец, население, с восторгом рассказывавшее мне, задерживая, когда узнавало меня, автомобиль, что «большевики» убегали в беспорядке и в панике в разные стороны. Многие из рассказчиков считали мою поездку не совсем безопасной, так как в окрестности имеется много рассыпанных и рассеянных «красных казаков». В Ново-Минске я застал 14-ю дивизию, сосредоточенную вместе с 15-м

уланским полком. Все собранные мною тотчас же данные об истекшем бое говорили за то, что 14-я дивизия встретила на своем пути противодействие наиболее южных дивизий 16-й советской армии (8-й и 10-й). Понесшая сравнительно небольшие, не превышавшие 200 человек потери, наша дивизия сломала это сопротивление и стала свидетельницей какого-то панического бегства. Узнал я также, что согласно моему предыдущему приказу часть Варшавского гарнизона, а именно 15-я дивизия, ударила вдоль шоссе Варшава — Ново-Минск и в настоящий момент находится в расположенных поблизости Дембах Вельких. В Дембах Вельких я застал сосредоточенной 15-ю дивизию, имевшую забавнейший в мире боевой порядок: по обеим сторонам шоссе стояли батареи, повернутые одни к северу, другие — к югу. В штабе дивизии мне разъяснили, что такое расположение является необходимым, так как противник, поспешно отступающий из-под Варшавы, имеется всюду — и на севере, и на юге. Мною было приказано этой дивизии присоединиться к нашей 4-й армии и готовиться к выступлению на север для форсирования Буга, за которым я ожидал встретить сопротивление. Для меня было очевидным, что нанесенный нами столь быстро удар оказал уже свое влияние и на положение под Варшавой. Исходя из всех данных, я приходил к заключению, что если нигде не пришлось мне встретить сопротивление со стороны так называемой Мозырской группы, то ожидавшееся мною сопротивление со стороны 16-й советской армии является, собственно, уже законченным. Три ее дивизии (8, 10 и 17-я) после короткого и совершенно бескровного боя были почти рассеяны. Поэтому я не думал, чтобы две остальные дивизии этой армии (2-я и 27-я) могли оказать сопротивление сосредоточенным усилиям наших 14-й и 15-й дивизий — с юга и сгруппированным для занятия образовавшегося прорыва под Радзимином нашим дивизиям Варшавского гарнизона — с запада. Ввиду этого какое бы то ни было сопротивление я мог встретить только на Буге, куда в силу необходимости противник будет вынужден стягивать силы своей 3-й армии, сражавшейся под Зегражем, и далее на запад, за Наревом. В противном же случае 3-я армия очутилась бы в чрезвычайно тяжелом положении, имея на всех путях отступления двойную преграду — противника и реку Нарев. Отсюда я пришел к выводу, что большая часть советской армии должна отступить от Варшавы на восток и поэтому с нашей стороны следует возможно скорее установить полное единство действий всех

сосредоточенных под Варшавой войск, с тем чтобы, разбив одну из советских армий, энергичным преследованием и натиском со всех сторон нанести поражение остальным силам противника.

С этой целью я решил тотчас же отправиться в Варшаву, чтобы распорядиться и организовать там преследование и общий удар. В Варшаве я нашел настроение несколько иным, чем ожидал. Если, с одной стороны, и заметны были радость и чувство некоторого облегчения вследствие освобождения Варшавы от непосредственной угрозы, то, с другой стороны, царило сильное беспокойство по поводу многочисленных атак на города, расположенные по нижнему течению Вислы, как Плоцк и Влоцлавск, и по поводу продвижения частей противника все далее и далее в так называемый данцигский коридор. Кроме того, всем тем, с кем мне пришлось беседовать, наше стратегическое положение не казалось столь выгодным и столь радикально изменившимся, как мне. В то время как я уже был свободен от впечатления, произведенного нашими неудачами в течение месяца, и усматривал единственную возможность для противника спастись от грозящего ему поражения в обороне Буга, к которому приближались дивизии 4-й армии и войска ген. Рыдз-Смиглого, — в Варшаве мною ясно ощущался продолжающийся еще моральный гнет предыдущих успехов г-на Тухачевского.

Попытки облегчить восточный фронт Варшавы путем удара от Новогеоргиевска силами северного фронта (наша 5-я армия), находившегося под меньшим нажимом противника, дали известные результаты. Удалось продвинуться до Насельска и вдоль Нарева к северу. Но зато тем большую угрозу усматривали варшавские господа для левого фланга 5-й армии при дальнейшем продвижении к северу и для той части 1-й армии, которая вела наступление по западному берегу Нарева. В то время как я лично не видел в этом опасности и был уверен, что все равно противник вынужден будет отступать, — такого убеждения и такой уверенности я не замечал в Варшаве. Боязнь и тревога за столицу были еще там настолько сильны, а дальнейшее продвижение противника к западу производило такое впечатление, что моим настояниям уступали только с известным трудом.

Приказ мой от 18 августа ставил нашим армиям следующие оперативные цели:

«3 армия — прикрытие Люблинщины и Холмщины, занятие Буга, разведка Забужья и содействие левому флангу

южного фронта путем активных действий с севера против частей 12 большевистской армии, не стесняя себя южной разграничительной линией своего участка.

2 армия — усиленное преследование в северном направлении с целью занятия Белостока и атака отступающих колонн противника с востока с одновременным обеспечением себя в этом направлении путем занятия Брест-Литовска (3-я дивизия легионеров и направлявшиеся во 2-ю армию 19-я пехотная дивизия и 41-й пехотный полк предназначались для действий в районе Августов, Волковыск).

4 армия — усиленное преследование в северном направлении с целью возможно быстрого форсирования Буга на участке Брок (включительно), Гранное (исключительно); занятие Мозовецка, прижимание противника к немецкой границе с тенденцией более быстрого действия правым флангом для охвата.

1 армия — фронтальное преследование, т. е. в северо-восточном направлении. Ось преследования: Варшава — Вышков — Остров — Ломжа. Конницу направить на левый фланг для занятия прорыва между пехотными частями армий и границей.

5 армия — окончательная ликвидация 3 конного корпуса 4 армии и тех частей 15 советской армии, которые будут отрезаны движением 5 армии в северном направлении на Прасныш, Млава».

Приказ этот я дополнил письмом, написанным из Седлеца уже на следующий день, 19 августа, поздно ночью, когда мне стало известно, что на Буге ни 4-я армия, ни войска ген. Рыдз-Смиглого не встретят особенно сильного сопротивления. По этой же причине я счел уже вполне возможным уменьшить количество войск, которые использовались для непосредственного преследования. Полагал также, что большую часть войск, сосредоточенных до того времени в районе Варшавы, можно уже вывести частью на юг, частью же определенно на восток для создания нового нормального фронта, обращенного не к северу, как это было до сего времени, а к востоку. Первые признаки этой реорганизации фронта находятся уже в приказе от 18 августа. В третьем пункте этого приказа я отдал распоряжение о возможно срочном выводе из состава 5-й и 1-й армий 41-го Сувалкского полка и 19-й дивизии, называвшейся ранее 1-й Литовско-Белорусской. Мероприятия эти находились в связи с возникшим у меня тогда уже намерением послать 41-й полк, как сформированный из добровольцев сувалчан, в их родные места для

освобождения их от советско-литовского нашествия. Наряду с этим сформированная также из добровольцев наших окраин 19-я дивизия подлежала переброске, как гласит приказ, «эшелонами большой скорости» через Варшаву — Седлец на Черемху, с тем чтобы она в качестве авангарда сразу же приступила к очищению от врага исконной своей родины. В пункте втором письма моего к начальнику штаба мои намерения были уже вполне выкристаллизованы. Противника я считал уже разбитым и ввиду этого свой наказ излагал следующим образом: «5 армия принимает на себя преследование. 4 армия производит натиск в северном направлении, отрезая постепенно все пути отступления. 2 армия быстро заходит с востока. Если не упоминаю здесь о 1 армии (армии, расположенной между 5-й и 4-й), то потому, что, полагаю, для нее не найдется места и ее придется разделить между 2 и 3 армиями, из коих последняя, по всей вероятности, должна будет принять на себя не только прикрытие Буга и Люблина, но также и наступление на юг для освобождения Галиции».

Итак, уже 20-го числа я хотел покончить с той стратегической бессмыслицей, из которой я некогда исходил, приняв ее за исходное положение для битвы под Варшавой.

Мой приказ от 18 августа, несколько измененный на следующий день, 19-го числа, почти совпал по времени отдачи с приказом г-на Тухачевского. Г-н Тухачевский желает отнести его к тому же числу, т. е. к 18 августа. Увы! При рассмотрении всего материала нахожу столько противоречий в этом утверждении г-на Тухачевского, что поневоле вынужден остановиться несколько на выяснении этой противоречивости. Г-н Сергеев... ясно говорит, что приказ был отдан 17 августа в 18 часов, причем утверждает, что в штабе фронта, в Минске, утром 17-го числа были получены сведения о «начавшемся наступлении каких-то польских сил из района Люблина прямо на север и о разгроме Мозырской группы одновременно на широком фронте от Ивангорода до Влодавы». Г-н Тухачевский же утверждает, что «к сожалению, о польском наступлении командование фронта узнало только 18 августа из разговора по прямому проводу с командующим 16-й армией. Последний об этом узнал только 17 августа. Мозырская группа ничего не донесла о происшедшем. Командующий 16-й армией в своем разговоре по проводу, докладывая о сложившейся обстановке, высказал свое

мнение о необходимости отойти, для того чтобы устроиться, но считал наступление белополяков несерьезным и предвидел возможность ликвидировать его».

Я категорически утверждаю, что какие бы то ни было переговоры командующего 16-й армией из Седлеца с г-ном Тухачевским, находившимся в Минске, 18 августа были невозможны, так как Седлец в большей своей части был занят нашей 21-й дивизией еще 17-го поздним вечером. И является совершенно невероятным, чтобы командующий 16-й армией, вынужденный, по всей вероятности, к быстрой перемене места своего нахождения, мог разговаривать 18 августа столь странным способом. Вечером и ночью 17 августа большая часть его армии (8, 10 и 17-я дивизии) находилась в совершенно паническом отступлении, и всякая связь между командармом 16-й и его дивизиями в эту ночь была уже прервана. В воспоминаниях В. Путны, озаглавленных «Под Варшавой» и описывающих действия 27-й советской дивизии, входившей в состав 16-й армии, атаковавшей и занявшей Радзimin, нахожу следующие данные по этому вопросу: «Согласно приказу командующего армией, полученному в 27-й дивизии около 16 часов 17 августа, дивизии армии должны были отойти на р. Ливец». При этом Путна приписывает это тому факту, что 8-я и 10-я дивизии, находившиеся южнее 27-й, были нами разбиты, а польские передовые части вошли уже в Ново-Минск. При этом он утверждает, что согласно приказу 27-й дивизии в полночь 17 августа без сопротивления со стороны противника отошла из-под Радзими́на, имея, однако, уже перед собою отходящие идвигающиеся в беспорядке части соседних с юга дивизий. Сопоставляя все эти данные, не могу допустить, чтобы приказ г-на Тухачевского был помечен 18 августа, и полагаю, что это является или опечаткой, или же г-н Тухачевский умышленно передвинул дату при составлении своего труда. Я сразу должен сказать, что в отношении почти одновременно отданных нами приказов нас с г-ном Тухачевским постигла почти одинаковая судьба. Приказы были исполнены в обеих сражающихся армиях только частью войск, а не всеми в целом. Приказ г-на Тухачевского, как говорит он сам, был отдан уже чересчур поздно. Г-н Тухачевский утверждает, что причиной отдачи приказа об отступлении был тот факт, что на левом его фланге обстановка начала складываться критически. Добавлю от себя, что благодаря разрозненности действий 4-й армии г-на Сергеева г-н Тухачевский, отдавая приказ, не был уверен в

возможности достигнуть в короткий срок на своем правом фланге значительного успеха, какого именно там он искал. Таким образом, приказ об отступлении из-под Варшавы был отдан г-ном Тухачевским под влиянием неожиданного для него наступления пяти польских дивизий. Если же он утверждает, что приказ был отдан уже чересчур поздно, то только потому, что, направляя свою левофланговую 16-ю армию на Ливец и уводя ее, как ему казалось, таким образом из-под удара указанных пяти польских дивизий, он не знал, что армия эта уже была неспособна к оказанию какого бы то ни было сопротивления.

Правофланговой, следовательно наиболее удаленной на север, дивизией этой армии была упомянутая 27-я советская дивизия, которая своим занятием Радзимины еще несколько дней тому назад вызвала тревогу за участь Варшавы. Из цитированного уже мною описания действий этой дивизии привожу дословно описание состояния 16-й армии пополудни 18 августа. Вот о чем гласит это описание:

«Еще 18 августа утром выяснилось, что другие дивизии армии свернули со своих оперативных линий отступления и их части, за малым исключением, двигались в северо-восточном направлении, как наиболее безопасном. Полевые штабы 2-й и 10-й дивизий в полдень 18 августа находились: первый — в Паплине, второй — в Суднинове, оба на участке 27-й дивизии. По шоссе Венгров — Соколов — Дрогичин двигались части 27-й дивизии (она была уже передана 3-й армии и принимала участие в боях под Радзимином) и тыловые учреждения и обозы 27, 2, 17, 10 и 8-й. (Все эти пять дивизий 16-й армии, все налицо!) Дорога эта была залита сплошной колонной, медленно двигавшейся в два-три ряда. Полевой штаб 27-й дивизии в 21 час 30 мин. 18 августа прибыл в Соколов, где выяснилось, что противник уже на рассвете 18 августа занял Седлец и двигался в направлении Соколова и Дрогичина; около 21 часа поляки заняли уже окрестности Разбитого Камня, отбросив оттуда 50-ю бригаду (17-й дивизии). Бронепоезд противника подошел к Соколову и начал обстреливать артиллерийским огнем шоссе, по которому все еще двигались в несколько рядов обозы всех дивизий 16-й армии. Некоторые разрозненные части 8, 10, 17 и 57-й (Мозырской группы) дивизий и обозы отходили через Соколов в северо-восточном направлении. (Следовательно, уже не на Дрогичин!) Ввиду подобной обстановки и

перерыва технической связи с командованием армии дивизией решено было отойти на Буг, о чем было послано сообщение в штабы 2, 10 и 21-й дивизий».

Таким образом Ливец, назначенный г-ном Тухачевским в качестве рубежа, на котором должна была задержаться 16-я армия еще 18-го вечером, под давлением передовых частей нашей 21-й дивизии и приданного им бронепоезда был оставлен всей этой армией. Кроме того, помимо 16-й армии в оставлении Ливца принимала уже участие и одна дивизия 3-й советской армии. Картинка эта, позаимствованная не из наших боевых донесений, а из собственных описаний противника, свидетельствует о состоянии 16-й армии, которая победоносно покрыла огромное пространство от Березины до Варшавы, имея за собой целый ряд успехов. Теперь же армия эта, дав 17 августа бой всего лишь двум нашим дивизиям (14-й и 15-й), отказалась от всех поставленных ей задач под натиском передовых частей одной лишь только 21-й дивизии. Добавлю к этому, что все три наши дивизии — 14, 15 и 21-я, которые теперь, 17 и 18 августа, одержали над 16-й армией победу, были ее старыми знакомыми, так как начиная от Березины и вплоть до самой Варшавы постоянно и непрерывно имели с ней дело.

Итак, 16-я армия приказа г-на Тухачевского выполнить не могла.

Взглянем теперь на следующую, 3-ю армию. Согласно приказу она должна была задерживать противника. Из предыдущего мы уже знаем, что ее левофланговая 21-я дивизия, будучи втянута в катастрофу 16-й армии, делила с последней ее печальную участь. Остальная ее часть, в составе трех дивизий, еще недавно атаковавшая Варшаву и окрестности Зегржа, ныне отходила за Буг. Г-н Сергеев констатирует, что положение следующей, более удаленной на север 15-й армии 19 августа стало тяжелым, так как она потеряла на левом фланге связь со спешно отходившей на восток 3-й армией.

Со своей стороны цитирую выдержку из упоминавшегося уже письма к генералу Розвадовскому, писанного мною в ночь с 19-го на 20-е. Конец этого письма гласит: «Остается неразгаданной для меня загадкой, где находится 3-я армия противника, а также та часть 15-й, которая не принимает участия в операциях севернее Новогеоргиевска». Загадку эту я пытался разрешить и значительно позднее, после войны. Я знал, что 3-я армия, весьма слабо оборонявшая перед этим Буг, поспешно отходила че-

рез Остров, но в этом стремительном и решительном преследовании, которое мною было организовано с утра 19 августа силами нашей 4-й армии, 3-я советская армия не сыграла той роли, какую ей предназначал г-н Тухачевский, т. е. совершенно не задержала противника. Правда, в течение 20 и 21 августа время от времени имели место незначительные стычки с легко распылявшимися мелкими отрядами, но действительного и организованного сопротивления никто не оказывал. На копии последней схемы г-на Сергеева нахожу эту армию 19-го числа около Вышкова, 20-го — за Островом, а уже 22-го — старательно обходящей Белосток и Ломжу и направляющейся в сторону Осовца. Следовательно, я вновь вынужден констатировать, что и вторая по очереди советская армия, а именно 3-я, не выполнила приказа г-на Тухачевского и, победоносно покрыв огромное пространство от «маленького ручья» Ауты до могущественной Вислы, отступала быстро, и даже очень быстро, уклоняясь от предуказанного ей вступления в бой с двумя наступавшими на нее с юга польскими дивизиями.

Приказ г-на Тухачевского был выполнен единственно только 15-й армией. Армия эта приступила к спасению положения. Она имела задачей обеспечить отход авантюристически двинутой далеко на запад 4-й армии и в течение 18-го и 19-го числа старалась выполнить эту задачу. Как это обыкновенно бывает при неудачах, больше всего страдает тот, кто проявляет больше всего активность. 15-я армия была атакована тогда, когда другие армии или успешно отходили в северо-восточном направлении, как это делали 16-я и 3-я армии, или, как это делала 4-я армия, не получившая, впрочем, своевременно приказа, только теперь старались сосредоточить для отступления свои слишком разбросанные дивизии.

Немыслимо представить себе ясно положение 15-й и 4-й советских армий без сопоставления его с действиями наших войск к западу от Нарева. Приказ мой от 18 августа, как уже указывалось, был выполнен не всеми нашими войсками. Приказ этот определенно направлял все армии, за исключением наиболее западной 5-й, к северо-востоку. Так, например, 4-я армия должна была двигаться в общем направлении на Мазовецк с таким расчетом, чтобы возможно ближе подойти к чрезмерно изолированной 2-й армии ген. Смиглы, направлявшейся в сторону Белостока. 2-я армия имела двойную задачу: прикрыть нас с востока, для чего должна была использовать значительную

часть своих сил, и наряду с этим пробовать отрезать на линии Бельск, Белосток пути отхода отступавшему на восток противнику. Для выполнения этой же задачи она располагала весьма незначительными силами, что было естественным результатом того бессмысленного исходного положения, которое я положил в основу стратегической группировки сил перед Варшавской операцией.

Зато 1-я армия, освободившаяся от какого бы то ни было нажима, благодаря успеху моей контратаки со стороны Вепржа согласно приказу от 18 августа получила направление для дальнейших действий на Ломжу и Остроленку. Движение это, однако, не было выполнено ни 19-го, ни 20-го. Уже в приказе на 19 августа действия нашей 1-й армии были как бы расчленены пополам. Применяясь к моему приказу от 18 августа, 8, 10 и 7-я дивизии и резервная бригада приступили к преследованию противника, сохраняя указанное им направление на Ломжу и Остроленку, но действия остальной части 1-й армии фактически слились с действиями 5-й армии. Таким образом, когда противник уже, собственно, начинал отступление или даже поспешно его выполнял, наша 1-я армия согласно приказу по армии все время старалась быть сильнее на запад от Нарева, а не на восток. Уже 20-го числа это направление мысли и действий командования 1-й армии на запад выявляется столь ярко и отчетливо, что вся 1-я армия, не исключая и тех дивизий, кои действовали к востоку от Нарева, получает приказ об обратном переходе Нарева для действий в западном направлении. Приказ этот, находящийся в резком противоречии с моим приказом от 18 августа, был вызван предположением, что противник сосредоточивается якобы двумя своими армиями, т. е. 4-й и 15-й, к северу от Цеханова, около Млавы.

Указав выше, что единственной армией, выполнившей приказ г-на Тухачевского, была 15-я, я должен признать, что весьма внушительный вид должна была иметь эта армия в течение 18 и 19 августа, коль скоро вызвала с польской стороны стягивание войск в столь бесполезном для операции в целом западном направлении, отвлекая таким образом всю нашу 1-ю армию от указанного ей преследования противника! Это направление тем более было бесполезным 20 августа, коль 15-я советская армия уже вечером 19-го решила отойти через Остроленку именно в направлении на Ломжу, которая благодаря роковому приказу, в корне, повторяю, противоречившему отданному мною, была освобождена от нажима с нашей, польской,

стороны. Г-н Сергеев в этом отношении не оставляет никакого сомнения. Вот что пишет он по этому поводу: только 19 августа в Серпече он получил основной приказ г-на Тухачевского об отступлении. Он имел еще возможность через Млаву и Прасныш лично переговорить с находившимся в Минске г-ном Тухачевским о создавшемся положении. Как пишет г-н Сергеев, только в этом личном разговоре с командующим фронтом он «убедился в необходимости отвода своих войск уже не в район Цеханова, а значительно далее на восток. Только 19 августа 4-я армия начала свой отход».

Что же касается 15-й армии, то г-н Сергеев пишет, что 17, 18, 19 августа она вела бои, «но, не получая поддержки от 4-й армии на своем правом фланге и потеряв связь на левом фланге с быстро отходящей на восток 3-й армией, 15-я армия, согласна, впрочем, директиве фронта, решается на отход и через Остроленку направляется в район Ломжи». Г-н Сергеев пишет, что того же 19 августа, потеряв вновь связь с командованием фронта и пытаясь восстановить ее через 15-ю армию, он попал в район Цеханова именно в тот самый момент, когда в направлении Остроленки отходили уже арьергарды 15-й армии. Рассудив, что при подобных обстоятельствах он является уже отрезанным от своей 15-й армии, и не желая попасть в плен, г-н Сергеев быстро уехал на восток в направлении Августово, Гродно. Когда же вечером 19 августа 15-я армия быстро отходила на восток, наша 1-я армия предпринимала забавный маневр перехода с трудом Нарева как раз в противоположном направлении — к западу. Этот странный и бессмысленный приказ, который значительно ослабил положение советской армии под Варшавой, с моей стороны вызвал решительный протест, но последний — увы! — к сожалению, весьма мало исправил дело. Специальным приказом, посланным в находившуюся под Островом 8-ю дивизию, я запретил этой дивизии выполнять приказ своей армии и присоединил ее к 4-й армии, приказав ей дальнейшую участь делить не с 1-й, а с 4-й армией. Эту же последнюю я вновь направил на оставленное ею направление — на Ломжу, ослабив этим давление на 3-ю советскую армию, которая также, по определению г-на Сергеева, удачно вышла из варшавского поражения. С другой же стороны, этим самым я подвергнул опасности армию ген. Смиглы, и в особенности ее правофланговую и быстро продвигавшуюся 1-ю дивизию легионеров, обрекая эту армию на полную изоляцию и от-

существование какой бы то ни было поддержки со стороны соседей¹.

Не раз после окончания войны я останавливался мысленно на своих действиях и пробовал анализировать их и действия других в период Варшавского сражения. Мне всегда казалось, что я в недостаточной степени использовал обстановку, созданную атакой пяти наших дивизий из-за линии реки Вепрж. Как уже читателю известно, этой атакой я добился со стороны противника отдачи приказа от 17 августа об отступлении всех советских войск из-под Варшавы на восток. При анализе, однако, я приходил к заключению, что с моей стороны были использованы не все возможности, благодаря чему поражение, понесенное советскими войсками под Варшавой, не привело к окончательной катастрофе, из которой воюющее с нами государство не нашло бы выхода. Первым упущением в этом смысле, которое я всегда видел, было недостаточное использование мною дня 18 августа, проведенного в Варшаве. День этот для нашей 4-й армии, а главным образом для дальнейшего преследования ею противника, был почти потерян. Без моего непосредственного нажима армия эта весьма немного сделала даже для выяснения обстановки. А могла она, как мне кажется, свободно дойти до Буга и своими передовыми частями еще 18-го числа выяснить размеры поражения, понесенного 16-й советской армией, а также войти в соприкосновение с отступавшей уже 3-й советской армией.

Возможность же эта была налицо, если учесть то обстоятельство, что к стремительному движению 4-й армии могли быть присоединены усилия всей 1-й армии, если бы эта последняя в тот же день двинулась в направлении, указанном ей в приказе, изданном только 18-го пополудни. Провел я этот день в Варшаве, где, как уже мною упоминалось, расценивать обстановку столь оптимистически не хотели и где сверх того всё делали наполовину, а не целиком. Вторым подобным упущением, которое я всегда

¹ Я не мог отыскать в наших архивах резкой телеграммы, посланной мною из Седлеца, по поводу столь неожиданного для меня движения 1-й армии. В лежащих же передо мной заметках, писанных в Седлеце, кроме резкого определения словом «идиотизм» называю я это движение еще «сосредоточением в направлении Познани». Этим самым я намекал на относительно многочисленные примеры бегства наиболее привычных к покорности элементов из находившейся тогда под угрозой Варшавы. Бежали в Познань, куда хотели также эвакуировать правительство и центральные учреждения.

обнаруживал при анализе, было то, что, заметив упомянутую половинчатость в работе со стороны оставленных мною в Варшаве господ, я сразу же, 19 августа, не взял все в свои руки, чтобы устранить этот организационный хаос и беспорядок в командовании, который развивался и усиливался после моего отъезда 12 августа для проведения контратаки. Бессмысленность отправных данных Варшавского сражения, явившаяся результатом психического влияния поражений и неудач, которые мы терпели в течение месяца, пустила такие прочные корни в Варшаве, что люди с трудом освобождались от ее последствий. Там было заметно как бы постоянное стремление держать на непосредственном фронте в Варшаве возможно большее количество войск, которые бы оберегали столицу от тревоги. Быстрый, молниеносный переворот в обстановке, произведенный мною столь незначительными силами, никому не казался прочным, ибо до этого момента в течение почти целых полутора месяцев вся наша армия, как на севере, так и на юге, не могла справиться с противником. Поскольку же столь долго длившийся гнет кошмара был еще достаточно сильным, хватались за самое мелкое проявление активности противника, чтобы допускать еще возможность поражения и не иметь уверенности в победе. Поэтому в умах и сердцах все еще длилось как бы затмение, в то время как я уже 19-го и 20-го был совершенно свободен от какой бы то ни было тревоги. Я вполне ясно отдавал себе отчет в том, что необходимо как можно скорее покончить с ненужным скоплением лишних войск под Варшавой, явившимся результатом бессмыслицы стратегических данных при начале сражения. Как я уже упоминал, во время моего пребывания 18 августа в Варшаве самые горячие и тревожные разговоры велись по поводу сведений из Плоцка, который в этот именно день был занят советскими силами, по поводу атак на Влоцлавск и по поводу советского движения в районе Бродницы и Торна. Гнет поражения и неудач, таким образом, как будто усиливался. Противник все время двигался вперед, занимая все новые города и распространяясь к западу. Поэтому-то, признаваясь, с известным удивлением читал я у г-на Тухачевского жалобу на свою 4-ю армию, а у г-на Сергеева признание справедливости всей критики в его адрес по поводу действий 4-й армии в период Варшавского сражения. Жалоба же г-на Тухачевского совершенно не имеет оснований. Отдал ведь он 8 августа поразительный приказ, направляющий 4-ю и 15-ю армии не на заня-

тие Варшавы, а в «поход за Вислу». Поэтому обе армии и пошли прямо на запад, избежав соприкосновения с Варшавой и сосредоточенными в ней польскими войсками. До Вислы же, будь то у Плоцка или Влоцлавска, дошла лишь одна 4-я армия г-на Сергеева, двигаясь все вперед по своему обыкновению широким фронтом. В отношении самой идеи форсирования Вислы это вовсе не был плохой способ. Поэтому-то, повторяю, чего, собственно, хочет г-н Тухачевский, жалуюсь на г-на Сергеева? Полагаю, что оба эти автора подверглись известному внушению, когда критиковали действия 4-й советской армии. Авторитетным мнением, под влияние которого они подпали, судя по содержанию цитат, был весьма поверхностный анализ одного из французских офицеров, издавшего брошюру об этом бое. Остроумное замечание этого француза гласит, что 4-я советская армия, вместо того чтобы быть под Варшавой, двинула к Висле и сражалась скорее с Версальским договором, нежели с поляками. Неудачу Советов он даже до известной степени приписывает отсутствию под Варшавой связи и поддержки со стороны 4-й армии г-на Сергеева. Это довольно понятное для меня недоразумение. Оно вызвано навязчивой боязнью за участь Варшавы, поскольку все бессознательно хотели видеть сосредоточенные силы г-на Тухачевского не где-либо в другом месте, а только под Варшавой. Между тем согласно приказу г-на Тухачевского от 8 августа не только 4-я армия не собиралась сражаться за овладение Варшавой, но также и наиболее сильная, лучше других снабженная 15-я армия обходила нашу столицу и была втянута в бои только своим левым флангом, а не целиком. Следует определенно подчеркнуть, что Вислу в «походе за Вислу» увидела только одна северная 4-я армия г-на Сергеева. Будучи же наиболее удаленной на запад, она попадала при отходе в самые тяжелые по сравнению с другими армиями условия. Однако за ней остается та заслуга, что она дольше всех напоминала нам о наших поражениях и неудачах. Благодаря этому даже когда она не могла или не умела много сделать непосредственно, она весьма серьезно помогла отходу как 3-й, так и 15-й советских армий.

Возвращаясь вновь к истории отступления советских армий и наших действий, утверждаю, что вследствие странного приказа, сгруппировавшего 1-ю армию к западу, наша 4-я армия была направлена на Ломжу; 15-я же советская армия вечером 19-го совершала полнейшее отступление к той же Ломже. Для оказания помощи начи-

нающей еще только отступление 4-й армии она оставила одну дивизию севернее Цеханова. Отступление армии велось весьма поспешно. К отступлению этому присоединились и некоторые части 4-й советской армии, успевшие миновать Цеханов. Уже 21 августа большая часть 15-й армии совместно с частями 4-й находилась в Ломже, прикрывая дальнейшее свое отступление боковым отрядом в районе Снядово. Наша 4-я армия, будучи вынуждена изменить направление, освободила этим самым 3-ю советскую армию от непосредственного на нее нажима, сама же не успела достигнуть своей новой цели. Потому-то 21 августа под Снядово входят в соприкосновение с отступающей 15-й армией только передовые части левофланговой 15-й дивизии. Правда, части эти заняли Снядово, что одно уже это, насколько мне известно, вызвало среди советских войск в Ломже настоящую панику. На следующий день, 22 августа, сосредоточивается уже вся наша 15-я дивизия и сильным ударом занимает к вечеру Ломжу. При столь усиленном темпе, естественно, не могло быть и речи о стройном отступлении. Прибыв на следующий день в Ломжу, я убедился, что весьма многие из подчиненных г-на Тухачевского расспрашивали в Ломже и ее районе не о чем ином, как о дорогах, ведущих в Восточную Пруссию. Опять, следовательно, вся армия совершала поспешное отступление под нажимом одной только нашей дивизии.

На западе оставалась еще 4-я армия. Она была дальше всех, на самых берегах Вислы, позже всех получила приказ и лишилась своего командующего, шедшего от победы к победе, а теперь пребывавшего в состоянии поспешного, даже весьма спешного отступления к Августову и Гродно. Однако одерживаемыми ею до сих пор победами и своей моральной силой она приковала к себе столько внимания и вызвала столько тревоги, что все то (за исключением двух дивизий), что до сего времени выставлено было на защиту Варшавы против армий г-на Тухачевского, было направлено на нее с целью окружить ее тесным кольцом и задавить. И вот с востока движется на нее наша 1-я армия. Однако эта армия, вынужденная совершать указанные ей новые повороты, а также еще раз переходить Нарев частично без переправ, не поспевает никуда — ни в Ломжу, куда она была направлена 18 августа, ни под Млаву, куда ее посылали новые приказы командующих. Ее преследует и теснит с юга значительно более активная, чем наша 1-я, 5-я армия. Но армия г-на

Сергеева и без него защищается, как загнанный лев. 22 августа, когда Ломжа с поспешно оставленным противником мостом была уже в моих руках, 4-я советская армия смело бросается на преграду в лице передовых отрядов нашей 5-й армии. В сильном бою между Млавой и Цехановом советская конница прорвала преграду, открывая путь для своей пехоты и обозов. На следующий день быстро сметается незначительное уже препятствие, наспех брошенное в Хоржеле из той же нашей 5-й армии, и остальная часть 4-й советской армии двинулась к востоку. Однако было уже поздно. К северу от Ломжи выдвинулись уже для преграждения ей дороги две наши дивизии (14-я и 15-я) из нашей 4-й армии. После короткого боя и попытки прорыва и этого препятствия 4-я советская армия отказалась от дальнейших усилий и перешла границу Восточной Пруссии, сложив там оружие. Так закончился исторический бой под Варшавой.

Г-н Сергеев предлагает к своему труду схему боя под Варшавой. Схема эта несколько запутанна и не совсем точна в отношении наших действий, недостаточно для него известных и понятных. Для характеристики советских армий воспроизвожу эту схему, опуская все детали, ибо в противном случае не всякий сориентируется в этом хаотическом, плохо руководимом с обеих сторон бое. Начну с юга.

Мозырская группа представлена на схеме пунктиром, соединяющим какой-то стрелкой 58-ю дивизию во Влодаве с цифрой 57 подле Желихова; добавлением к этому является какой-то таинственный кружок вокруг Лукова. Ввиду того что ни эта схема, ни действия моих войск не выяснили мне тайны Мозырской группы, одерживавшей с 4 июля победы в двух направлениях и совершенно не оказывавшей никакого сопротивления 16 и 17 августа, ограничусь несколькими словами. 58-я дивизия два раза безуспешно пыталась задержать нашу 3-ю дивизию легионеров и отошла, разбитая, за Буг, оставив Влодаву и Брест, занятый нами 19 августа. Наша 3-я дивизия легионеров задержалась после этого в Бресте, продлив тем самым пассивное прикрытие Буга. Таким образом, дальнейшая активная работа войск ген. Смиглы в северном направлении свелась к действиям 1-й дивизии легионеров и одной кавбригады. Работа эта поддерживалась с запада боевыми действиями 21-й горной дивизии. Остальную часть Мозырской группы с 57-й дивизией стало совершенно не принимать в расчет, ибо она действи-

тельно была распылена, и до такой степени, что пленных из 57-й дивизии брали все наши войска, начиная от левофланговой 14-й дивизии и кончая правофланговой 1-й легионеров на протяжении от Вепржа и вплоть до Белостока и Ломжи.

Следующей под удар попала 16-я армия. Ее южные 8, 10 и 17-я дивизии вечером 17-го и утром 18-го были атакованы с двух сторон, около Колбеля и Ново-Минска, нашими 14-й и 15-й дивизиями. Часть советских дивизий сразу же распылилась и стала отходить в естественном для них направлении, т. е. туда, откуда пришли, — на восток, к Бресту. О них-то я и писал в своем письме ген. Соснковскому. Большая часть этих остатков была выловлена местным населением, устроившим настоящую охоту за ними. На схеме г-на Сергеева видно, как 16-я армия 18-го числа собирается в Ливце под Венгровом, держа теперь свой путь отступления на Дрогичин. Получив вечером того же дня удар со стороны передовых частей одной только нашей 21-й дивизии и зная, что наша конница и передовые части 1-й дивизии легионеров уже перерезают ей путь отхода в Дрогичин, 16-я армия отступает, как это показано на схеме, к северу, в сторону Бельска. Попытки сопротивления на Буге были быстро ликвидированы, главным образом обходом 1-й дивизии легионеров, и около Бельска только часть обозов и незначительное количество войск ускользает от преследования, убегая в Волковыск. Отступление же главных сил задерживается занятием Бельска 1-й дивизией легионеров еще 20-го числа; оказав весьма слабое сопротивление, эти силы бросаются к северу, ища выхода через Белосток.

Ввиду того что на схеме г-на Сергеева история 16-й армии обрывается Бельском и после этого на ней имеется лишь несколько стрелок, разбегающихся в разные стороны, я цитирую г-на Путну, этого историка 27-й советской дивизии. Он пишет, что Бельск пыталась отбить от нашей 1-й дивизии легионеров 21-я советская дивизия; когда же это ей не удалось, 16-я армия, не имевшая в течение всего времени никакой связи ни со своим командованием, ни с какой-либо другой советской армией, с трудом переправившись через Нарев у Суража, вышла 22 августа около полудня на 12-ю версту шоссе Белосток — Мозовецк, в то время как Белосток уже с утра 22 августа занимался передовыми частями 1-й дивизии легионеров. Вот как описывает г-н Путна то, что оказалось на этой 12-й версте шоссе: «На шоссе в Белосток были сгруппированы

многочисленные обозы и отдельные части трех армий (407, 408, 409-й полки и части 2, 3, 6, 8, 10, 17, 21 и 55-й дивизий). Противник прочно занимал Белосток, и попытки частей 2-й и 21-й дивизий выбить его из города не имели успеха». Вечером начались новые отчаянные атаки на Белосток одних частей и ночные обходные передвижения других. В течение известного времени был даже открыт путь через Белосток, но в результате в руках 1-й дивизии легионеров было оставлено много военного имущества и большое количество пленных. Состояние же армии г-н Сергеев характеризует следующими словами: «Всякий порядок окончательно был нарушен, и части 16-й армии представляли из себя жалкие остатки столь грозных некогда дивизий». В примечании же он добавляет: «...сохраняли еще кое-какой порядок и боеспособность только по одной бригаде 8-й и 17-й и две бригады 27-й дивизии (из 15 бригад, находившихся в армии)».

Следующая, 3-я советская армия вышла из Варшавского сражения счастливее всех. Приказ г-на Тухачевского двинул ее в атаку на Новогеоргиевск; левым флангом она помогала 16-й армии, и поэтому-то именно 21-я ее дивизия разделила участь соседней армии. После поражения 16-й армии 3-я армия отошла за Нарев, пытаясь в течение небольшого промежутка времени задержаться на Буге. Когда же это ей не удалось, она порвала контакт с 15-й армией, оставляя ее на произвол судьбы, и, видя поражение 16-й армии, спешно начала уходить вдоль шоссе Вышков — Остров — Замбров. На схеме г-на Сергеева 19-го числа мы находим ее у Вышкова, а 20-го под Островом, где она вообще не пытается оказывать сопротивления и отходит дальше, будучи еще на одной линии с отходившей туда же и находившейся уже около Остроленки 15-й армией. Но в дальнейшем она уже отказывается от какого бы то ни было взаимодействия с остальными армиями и спешит использовать время, так как наша 4-я армия была повернута к Ломже, а наша 1-я армия совершала отход к западу за Нарев. На схеме показано, как 22 августа, т. е. в день поражения 16-й армии под Белостоком и 15-й под Ломжей, она, не оказывая никому помощи, спешит, как указано тремя стрелками, на северо-восток, к Осовцу и в направлении Гродно. Г-н Сергеев утверждает, что из варшавского поражения она вышла благополучнее всех; то же могу подтвердить и я, ибо спустя месяц я нашел ее упорно защищавшей Гродно и переправы через Неман.

15-я армия направлялась не на Варшаву, а обходила ее, двигаясь по направлению к Висле, к нижнему ее течению за Новогеоргиевском; задев поэтому наш Варшавский гарнизон только своими левофланговыми дивизиями и не дойдя до своей цели, она получила 17-го вечером приказ об отходе ввиду польского наступления со стороны Вепржа. Отступала она с тем, чтобы принять на себя всю тяжесть боев в то время, когда уже ни одна армия не вела их. 19-го числа мы видим ее сосредоточенной в Цеханове, Макове и Прасныше и ожидающей еще подхода 4-й армии; однако ввиду окончательного поражения 16-й армии и отхода 3-й 15-я армия начинает отступление. На схеме г-на Сергеева 20 августа мы находим ее в районе Остроленки, 22-го она находится в Ломже, которую под давлением одной нашей 15-й дивизии оставляет того же числа. Она поспешно отходит дальше уже через Граево, подойдя, таким образом, к границе Восточной Пруссии. В последнем бою она оставила вследствие быстро организованного преследования большое количество пленных; немалая ее часть, измученная и лишенная желания вести дальнейшие бои, перешла границу Восточной Пруссии, давая себя там обезоружить.

Наконец, 4-я армия показана на схеме у г-на Сергеева в тот момент, когда она в составе четырех дивизий и конного корпуса стягивается отовсюду из-под Влоцлавска, Бродницы и из-за реки Вкра. 22 августа она пробивается под Млавой через первое препятствие — нашу 18-ю дивизию; 23-го разбивает второе слабое препятствие под Хоржелями (один полк так называемой Сибирской бригады) и, наконец, 25 августа, задержанная под Кольно нашими 14-й и 15-й дивизиями, переходит границу и дает себя обезоружить в Восточной Пруссии.

В истории Варшавского сражения внимание каждого должно остановиться на странной, неожиданной и столь внезапной перемене роли обеих воюющих сторон. В течение каких-нибудь двух дней побежденный становится победителем, победитель — побежденным. Если же сопоставить то необыкновенное, гнетущее впечатление, какое производило польское поражение на умы и сердца людей не только у нас в Польше, но и во всем мире, если сопоставить неоспоримый факт морального упадка молодого Польского государства, выражением чего была посылка к стопам г-на Тухачевского мирной делегации, если все это сопоставить с внезапным переворотом, который произошел каким-то молниеносным способом, — невольно ищешь ка-

ких-то чрезвычайных причин этой внезапной перемены, этого молниеносного переворота. Когда я давал характеристику тому могущественному влиянию, которое произвел г-н Тухачевский своим победоносным походом, то говорил, что у нас было впечатление какого-то калейдоскопа, вызывавшего хаос расчетов, приказов и донесений. Быть может, калейдоскоп этот вращался медленным темпом, но все же тогда каждый день настолько был не похож на завтрашний, что, словно в какой-то кадрили, смешивались все фигуры — маневры дивизий и полков, географические названия. Теперь я получил свой реванш и свой триумф. Не жалкую кадрили, а бешеный галоп играла музыка войны! Не день расходился с днем, а час — с часом. Калейдоскоп, заверченный в такт бешеного галопа, не позволял никому из командующих советской стороны долго задержаться ни на одной из танцуемых фигур. Фигуры эти расстраивались в один миг, и перед изумленными глазами появлялись совершенно новые образы и новые положения, которые совершенно перерастали и превосходили всякие предположения и строившиеся планы и намерения. Не знаю, отдавали ли в этом галопе событий мои тогдашние подчиненные себе отчет в том, что происходит в действительности. В западной части страны наверняка нет! Самое большое — они участвовали в кадрили, и при этом довольно жалкой. Зато я с удовольствием всегда вспоминаю, что, завертев этот калейдоскоп в такт бешеного галопа и проверяя ежеминутно самого себя, я сохранял хороший *tête froide d'un chef*¹, который не теряет головы от победы и не падает духом при поражениях. Поэтому-то, когда Варшава, освободившись от продолжительного психологического воздействия на нее неудач, перешла к торжествам и празднествам, я в Седлеце подготавливал дальнейшую войну и тотчас же после занятия Ломжи, 23 августа, набросал в общих чертах план дальнейших операций. Я сразу же изменил неестественный, обращенный к северу фронт в прямой и естественный восточный, распределив заново войска между новыми армиями и отметая в сторону, как победитель, весь тот смешной хаос в командовании и его системе, какой был во времена неудач и поражений.

¹ Хладнокровный разум начальника. — *Фр.*

IX. РЕВОЛЮЦИЯ ИЗВНЕ

Г-н Тухачевский был выдвинут государством, которому он служил, на столь высокий пост в ведущей войне армии, что не мог быть свободен от расчетов и калькуляций этого государства, являющихся делом высших командных должностей в военное время. На посту подобного рода командующий не может ограничиваться одними лишь техническими задачами, связанными с боевыми действиями армии. Он должен был, хотя бы для выработки собственного суждения о возможности реализации задач, которые он ставит своим подчиненным, постоянно взвешивать и учитывать силы и военную мощь как своего государства, так и того, с которым ведет войну. Без этого учета высшее командование будет поневоле слабым, такой командующий легко может спутать все свои строго военные расчеты, если в его работу будут внесены элементы и данные хотя и из чуждой ему области, но тем не менее неизбежно над ним довлеющие. Подобной областью, если применить к ней уже употреблявшееся мною определение, являются внутренние фронты обеих воюющих сторон. Сила и направление внутреннего фронта по отношению к ведущейся войне зачастую имеют гораздо большее значение, нежели сила и ценность самой армии. Поэтому-то несколько не удивляюсь, что г-н Тухачевский посвятил целую главу рассмотрению этой именно области, связанной с военным искусством. В силу же того, что во время войны я занимал более высокое положение, нежели г-н Тухачевский, ибо не только командовал всей польской армией, но наряду с этим был еще и главой государства, я вынужден был эти расчеты делать постоянно и систематически. Поэтому-то теперь, описывая эту войну, я хочу вкратце также в специально посвящаемой этому главе сопоставить расчеты обеих сторон и их влияние на исход войны. Г-н Тухачевский вел свои армии к Висле и за Вислу во имя и с целью нести силой то, что в рассматриваемой им проблеме он называет революцией. Согласно этому и название главы гласит: «Революция извне». Уже само это определение военной задачи носит на себе ясный отпечаток того факта, что внутренней революции не существовало, коль скоро ее нужно было приносить извне на остриях штыков. Во всяком случае, является неоспоримым фактом, что подтверждает и сам г-н Тухачевский, что Советская Россия вела с нами войну под лозунгом навязывания нам, полякам, такого же, как и у нее, государственного, т. е. советского, строя и эту цель она окре-

стила наименованием «революция извне». Тот факт, что такова именно была цель войны, был мне отлично известен, и потому-то я сразу подчеркиваю, что лично я вел войну, преследуя не какую-нибудь иную цель, а только ту, чтобы эта революция не была принесена к нам извне на советских штыках. Войну с Советами Польша начала еще в 1918 году, а это был год, в течение которого она едва лишь в последние два месяца начала жить самостоятельной жизнью. До того же времени, что, вероятно, известно и вам, г-н Тухачевский, она была вынуждена также под давлением штыков жить не своей, польской, жизнью, устроенной по ее собственному усмотрению, а жизнью чужой, связанной с целыми тремя государствами: Россией, Германией и Австрией. Эта неволя оккупантов продолжалась до конца 1918 года, т. е. 120 с лишком лет. Таким образом, в течение более ста лет при помощи штыков, некогда низвергших Польшу, ее наделяли «благами» чуждой ей и поэтому столь часто горячо ненавидимой жизни. И вот в 1918 году, в начале зимы, Польша начинала весну своей свободной жизни после вековой неволи. И хотя весна эта в нашей истории будет считаться кратковременной, хотя цветы, которыми она одарила поляков, не успели покрыть ярким покровом плесень и испарения вековой неволи, все же эта весна была достаточно сильной, чтобы вооружить подъем достаточное количество народа, не желавшего еще раз испробовать, что означает штык г-на Тухачевского, штык, который нес гибель нашей собственной жизни, давая взамен плохую или хорошую — это было все равно, — но неволю с ее мучительными пытками. Как глава Польского государства и главнокомандующий его вооруженными силами, я горжусь до сих пор, что был выразителем тех, кто провозглашал эту весну свободы в Польше и собственной грудью защищал ее проявления.

И вот еще в 1918 году, независимо ни от кого, я поставил себе определенную цель войны с Советами. Я решил напрячь все усилия именно к тому, чтобы возможно дальше от мест, где зарождалась и выковывалась эта новая жизнь, пресечь все попытки и покушения еще раз навязать нам чуждую, устроенную не нами самими жизнь. В 1919 году я достиг осуществления этой задачи. Советские попытки были мною отброшены так далеко, что они уже не в состоянии были мутить и препятствовать нашей работе по устройению, будь то хорошей или плохой — в обсуждении этого я не вхожу, — но собственной жизни. То обширное пространство, которым я обеспечил себя от «револю-

ции извне», для целей войны имело даже свои отрицательные стороны, ибо наш народ, при остром известном легкомыслии, при медленной и зачастую неумелой, к сожалению, работе по строительству новой жизни, забывал о законах, какие тяготеют над народом, ведущим войну. Этой войны близко от себя не видели и поэтому мало обращали на нее внимания. Итак, поставленной перед собою цели я достиг в 1919 году.

Следует, однако, спросить, не было ли допущено какой-либо ошибки в расчетах и калькуляциях г-на Тухачевского? Когда под влиянием его побед, одержанных над нами, наше внутреннее строительство замерло, когда он уже протягивал свою руку к центру нашей жизни, столице Варшаве, когда его штыки, собственно, уже сделали свое дело — советская революция осталась, однако, только на штыках, не имея и тогда никакого значения для внутренних отношений в Польше. Между тем все расчеты г-на Тухачевского и его государства строились не на чем-либо другом, а только на предположении, что штыки явятся лишь сигналом и дадут возможность выявления сил советской революции внутри той страны, куда эти штыки пришли.

И вот г-н Тухачевский напрягает силы, чтобы словами, определениями и стилем сделать то, чего не смог сделать в 1920 году штыком и насилием. Легко противопоставить слова словам, предоставляя читателям на выбор возможность отдохнуть душой там, где больше всего слова им понравятся. Для примера попробую. Итак, по г-ну Тухачевскому, мы являемся белополяками; возможно, это вызовет у некоторых его читателей радостное биение сердца, я же этим определением несколько не обижен, ибо гербом нашего государства является орел, и не какого-либо иного, а именно белого цвета. И когда, имея, как и каждый орел, искривленный клюв и острые когти, он развернул свои крылья в войне с г-ном Тухачевским в 1920 году, то сумел противопоставить себя двуглавному уроду, хотя этот последний и перекрасился в красный цвет. Поэтому мы останемся белополяками, поскольку наш орел является белым, имеет одну, натуральную голову и достаточно острые когти для того, чтобы побеждать уродов и защищать свое гнездо. Правда, мы являемся еще также и «панской Польшей». Как это напоминает мне годы моего детства, когда я в Вильно с чувством отвращения и омерзения швырял книги столь известных в русской школьной литературе авторов, как Иловайский. Там тоже учили детей, как великие московские цари дарили своими благодеяниями «панскую Польшу».

шу», сколь великие заслуги они имеют перед богом, человечеством и перед самой Польшей, а эта мятежная «панская Польша» в каждом поколении весну своей жизни празднует кровавым восстанием!!! Именно тогда, когда г-н Тухачевский стучался в ворота столицы, во главе защищавшего Польшу правительства стояли представители как рабочих, так и крестьян — господа Витос и Дашинский. Но если нет лекарства, как я уже указывал выше, для командующего, который, будучи сломлен морально, поддается воле противника, точно так же мир еще не нашел лекарства для головы и глаз доктринера.

Г-н Тухачевский этих фактов не замечает и не хочет понимать. *Réalité des choses*¹ для него не существует, не существует поэтому и во многих других случаях, когда он говорит о нас.

Так, например, он пишет: «Еще до начала нашего наступления вся Белоруссия, находившаяся под гнетом польских помещиков и белопольских армий, бурлила и клокотала крестьянскими восстаниями». Поистине головы доктринеров бывают изумительны! Г-н Тухачевский совершенно не замечает того, что в течение всей войны, которую вели с нами Советы, на близких тылах, а еще больше на отдаленных от обращенного к нам фронта другие советские войска и товарищи г-на Тухачевского были заняты исключительно тем, что с трудом подавляли те или иные антисоветские восстания. Даже бóльшая часть руководимой г-ном Тухачевским армии вступила в бой с нами лишь после того, как подавила где-то внутри Советской России всякого рода восстания. Ничего подобного не было в Польше. И войска, поскольку они были организованны, свободно можно было посылать в бой против тех, кто находился перед фронтом, а не против тех, кто находился позади фронта. Только в два всего-навсего места в продолжение всей войны я вынужден был послать весьма слабые отряды, и то не для того, чтобы воевать, не в бой, а для производства массовых обысков с целью изъятия оружия, которым мне могли угрожать. Помню, как одному из видных представителей одного из западных государств, который привык верить «цареславящему историку» Иловайскому гораздо больше, нежели мне, который так же, как и г-н Тухачевский, ожидал, что что-то должно «бурлить» и «кипеть», я показывал, как работают на моих тылах железные дороги и телеграф без всякой охраны. Быть может, г-н Тухачевский захочет усмотреть в этом «недоразвитие революции»

¹ Мир реальных вещей. — *Фр.*

и, наоборот, в восстаниях, с которыми сам вел борьбу в тылу польского фронта, — «переразвитие контрреволюции» — для стратегии и для расчетов командующего эти слова ничего не меняют. Факты говорят за то, что г-н Тухачевский ошибался в своих расчетах, я же не ошибся ни сердцем, ни в мыслях. Г-н Тухачевский говорит, что имеет еще «характерный и великолепный пример классового пополнения» в виде 30 тысяч человек, влитых им в состав его армий, которые он вел за Вислу. Если бы это и было так, хотя г-н Тухачевский, как мы видели в начале книги, стыдливо исключил это пополнение из таблиц подсчета своих сил, то все же две наши так называемые Литовско-Белорусские дивизии в общей сложности дали такое же количество добровольцев и их можно противопоставить армиям г-на Тухачевского. И тут опять безразлично для стратегии и искусства командующего, как эти цифры будут окрещены, ибо в самом худшем для меня случае они свидетельствуют об одинаковой возможности пополнения войск и той и другой стороной. Что же касается меня, то я утверждаю, что, осуществляя свою цель — отделить Варшаву от Советов возможно большим пространством, я действовал как человек, который настолько хорошо знал театр военных действий, что как на самой местности, так и для каждого живущего на ней человека я был своим, а не чужим и говорили со мной на совершенно понятном для меня языке. Поэтому я отлично видел, что громадное, подавляющее большинство населения относилось с глубоким недоверием, а зачастую и с явным недоброжелательством к Советам и к их господству, усматривая в них — справедливо или несправедливо, это также для стратегии безразлично — господство невыносимого террора, получившего название «еврейского». Поэтому-то я в течение всей войны никогда не боялся, что буду иметь в своем тылу какое-либо восстание.

Что же касается Польши 1920 года, которая также у г-на Тухачевского представлена в таком свете, что никто из переживших войну ее не узнал бы, то в ответ на это я процитирую г-ну Тухачевскому одну выдержку из моих писем, написанных мною под Варшавой. Работая в Седлеце в ночь с 19 на 20 августа, я сопоставлял всякие данные о состоянии армии и населения. На основании этих данных я несколько изменил свой приказ от 18 августа, а к бывшему в то время военным министром ген. Соснковскому я писал, если можно так выразиться, о государственных нуждах: «То, что здесь делается, превосходит всякое челове-

ское воображение. Нет ни одной надежной дороги, столько здесь повсюду в окрестностях шатается всяких разбитых и рассеянных, но в то же время сплоченных и изолированных отрядов с орудиями и пулеметами. Пока что с ними справляется местное население и разнообразные тыловые части разных дивизий, которые, однако, должны следовать далее за своими дивизиями, а с их уходом остается невероятная пустота, и я полагаю, что если бы не вооружившиеся мужики, то завтра или послезавтра седлецкая земля оказалась бы во власти только что разбитых и рассеянных нами большевиков, а я и всякого рода команды вооруженного населения сидели бы, укрепившись в городах. Передайте это также и Скульскому (тогдашний министр внутренних дел) и скажите ему, что на третий день после занятия нами Седлеца я не нашел в нем абсолютно никакой гражданской власти и тем более вооруженных полицейских».

Эта картинка моего положения, положения главы Польского государства, который чувствует себя спокойно и беспечно в то время, когда в городе нет полиции, а кругом имеется противник, хотя уже и разбитый, но в гораздо большем количестве, нежели подчиненные ему войска, красноречиво свидетельствует, какой была тогдашняя Польша и каково было ее отношение к советским «благам», которые несли штыки г-на Тухачевского. И если г-н Тухачевский предпочитает резолюции «массовых митингов» в Белостоке, то я, признаюсь, предпочитаю свое положение в Седлеце.

Г-н Сергеев всегда бывает более правдив, чем г-н Тухачевский. По этому вопросу он пишет совершенно иначе. Вот его слова: «Ставка на вспышку польской революции могла серьезно приниматься в расчет только в политических канцеляриях, да и то достаточно удаленных от фронта. В войсках в это мало верили, и, казалось бы, опыт формирования польской Красной армии в Белостоке, крупном фабричном центре, был достаточным доказательством, что источники нашей информации слишком оптимистически смотрели на положение вещей в Польше». Мнение г-на Сергеева свидетельствует о том, сколько надежд и иллюзий должно было рассеяться в советской армии при столкновении ее с *réalité des choses*¹. Г-н Тухачевский, впрочем, в те времена не был исключением. Весьма многие иностранцы, которые впервые посещали тогда Польшу и которые, как и г-н Тухачевский, всегда склонны были больше верить школьным историкам Иловайским, нежели *réalité des cho-*

¹ Мир реальных вещей. — *Фр.*

ses, в разговоре со мной весьма часто задавали мне вопрос, не опасаясь ли я, глава государства, взрыва революции á la Russie¹ у нас. На это я всегда неизменно отвечал, что если и суждено будет миру, в чем я, впрочем, сомневаюсь, проделать русский эксперимент, то мы, поляки, будем последними, которые это сделают. При этом я всегда добавлял, что мы являемся слишком близкими соседями России, чтобы легко могли решиться на подражание.

Вся фразеология г-на Тухачевского мне хорошо знакома. Я много лет своей жизни провел в работе для социалистического движения и боюсь, что г-на Тухачевского еще на свете не было, когда в моих руках уже была литература, слова которой он употребляет. Позаимствованы они из труда великого мыслителя и ученого Карла Маркса. И хотя я никогда в своей жизни не был сторонником того, что называют материалистическим пониманием истории и что всегда клалось в основу всякой марксистской фразеологии, тем не менее я всегда умел отличать величие труда самого Маркса от вульгаризации его всегда глубоких мыслей. Между тем, когда я вижу г-на Тухачевского шествующим по следам князя Паскевича-Варшавского и стучащегося в ворота Варшавы, повторяющим заклинания, почерпнутые из Маркса, я не могу не ответить г-ну Тухачевскому заглавием известной у нас в Польше брошюры того же Карла Маркса — «Soll Europa kosakisch sein?» («Неужели Европа будет казацкой?»).

Оставляя в стороне вопрос о том, что думал г-н Тухачевский о нас, и задерживаясь исключительно на результатах его работы по высшему командованию, можно констатировать, что г-н Тухачевский ошибся, когда полагал, что найдет для себя в Польше во время войны продуктивную помощь. А так как эта иллюзия, несомненно, влияла на его способ командования и явилась специальным доводом и мотивом, которым он руководствовался, когда принял решение идти «за Вислу», то на основе беспристрастного анализа нужно признать, что в расчетах и калькуляциях сил своего государства и государства противной стороны он ошибался, ошибка же эта наказала и его, и руководимые им войска.

Я хочу закончить главу тем, что поставлю точку над «и» политического свойства. Г-н Тухачевский, как, впрочем, и г-н Сергеев, всегда старается усмотреть в моих действиях какую-то зависимость от многих весьма неопреде-

¹ На русский лад. — Фр.

ленных учреждений. Этих учреждений они перечисляют немалое количество. Здесь есть и Антанта, и объединение капиталистов всего мира, и заговор империалистов, здесь имеется, наконец, штаб Антанты и еще точнее — французский штаб. В этом отношении г-н Тухачевский удивительно похож на некоторых моих подчиненных и земляков, которые все наши неудачи приписывают мне, все же победы или себе, или, когда не надеются, что им кто-либо поверит, — французам. Естественно, против горячего желания, чтобы так было, нет ни способов, ни лекарств, и не для того я пишу об этом, чтобы переубедить кого-либо из имеющих столь хорошее о себе мнение; однако ради исторической точности добавляю: командование польскими войсками в качестве главнокомандующего армией, создаваемой из ничего, я принял сам, без предоставления мне кем-либо полномочий, я был единогласно избран сеймом, мною же созванным, на пост главы Польского государства, и, думаю, теперь ни для кого не тайна, что оба эти факта произошли не под влиянием, а против желания того, что в то время называлось Антантой. Я не усматриваю, впрочем, в этом ничего предосудительного ни для себя, ни для Антанты. В политических вопросах, как уже указывалось мною, я всегда был представителем тех, кто в нашей — увы! — весьма кратковременной весне новой жизни собственной грудью хотел защищать возрождение Польши, из грязи рабства добывающей обломки своего существования. Зная же, насколько это трудно, я сосредоточил все свои усилия и мысли единственно только на этой цели, в то время как Антанта — что тоже не является тайной — искала скорее разрешения русской проблемы, чем того или иного улаживания польских дел. В вопросах же войны и ее решениях я не склонен был поддаваться влиянию кого бы то ни было. Поэтому-то представитель военной Франции, каковым в Польше был тогда ген. Анри, если и имел когда-либо в этом отношении иллюзии, то, во всяком случае, весьма скоро совершенно оставил попытки этого рода. Впрочем, в этом нет ничего странного, и я думаю, что не умалю ничьего достоинства, если повторю весьма мудрое мнение одного из представителей той же Антанты и того же французского штаба — ген. Вейгана, высказанное им как раз в период варшавского кризиса. Когда, измученный отсутствием внутренней силы у нас, поляков, которые в самый грозный для них момент хотели покориться и, следуя извне идущему совету, собирались посылать делегацию в штаб-квартиру г-на Тухачевского в Минск, я хотел

снять с себя часть ответственности и ввиду этого предложил ген. Вейгану принять участие в командовании войсками — он отказался. Он разумно указывал на то, что для него является трудным и невозможным командование войсками, столь быстро сформированными, как наши, и столь неизвестными ему ни в отношении боеспособности, ни в отношении командного состава, ни, наконец, в отношении всего того, чего вообще можно требовать от войск. Поэтому-то он удовлетворялся высказыванием теоретических суждений и, по крайней мере в отношении меня, воздерживался от какого бы то ни было давления на те или иные мои постановления и решения. И если я, будучи свободным в выборе, избрал перед Варшавской операцией бессмысленные, на мой взгляд, исходные данные, выделяя для пассивной обороны три четверти своих войск, а для атаки — одну четверть, то этой бессмыслицей я не обременяю ничьей совести, кроме своей собственной.

Х. ДЕЙСТВИЯ ТАРАННЫМИ МАССАМИ

Ведение войны — это искусство. Искусство творит произведения, а объектом военного искусства всегда является победа. Поэтому каждый командующий ищет победы как результата своей работы по командованию, работы своего мозга, нервов и воли. Работа войск, находящихся под командованием военачальника, является, в сущности, материализацией того, что он продумал, пережил и скомбинировал еще до этой работы.

Г-н Тухачевский, несомненно, был вождем далеко не посредственным. Своим «походом за Вислу» он материализовал свои предшествовавшие этому соображения, свою предшествующую умственную работу. Что он одерживал победы, это является абсолютно неоспоримым. Следовательно, он должен был изыскивать пути и методы, посредством которых одерживал эти победы, одаряя ими как войска, которыми командовал, так и государство, которое он представлял в войне.

Ту же войну с нашей, польской, стороны вел я. Зная отлично свою работу в этой области, я хорошо знаю и понимаю, что работа по командованию войсками с противной, советской стороны была столь же нелегкой, как и с нашей. Поэтому-то, когда я, как уже было сказано мною во вступлении, неоднократно с неудовольствием отбрасывал книжку г-на Тухачевского, полную, как ему казалось, яда и ста-

раний уничтожить противника, чего он не сумел добиться в действительности, книжку, полную искажений исторических фактов, книжку с противным для меня привкусом, ибо примешивающую какую-то скверную публицистику к великому делу войны, — меня и мой труд спасала единственно та мысль, что на примере г-на Тухачевского я сумею выявить работу по командованию, выполненную им в невероятных условиях.

Г-н Тухачевский как командующий неоднократно сумел одержать победу. Совершенно не входит в обязанности победителя разъяснить, каким образом он это сделал. Не входит также совершенно в обязанности полководцев хотеть или иметь возможность давать своим действиям оболочку теоретических рассуждений и определений, возводить их в своего рода доктрину. Французская пословица «*La critique est aisée, mais l'art est difficile*»¹ ясно подтверждает высшее право творящих произведение искусства и предоставляет построение доктрин и теорий этого искусства кому-нибудь другому. И не каждого полководца великих войн искушало желание облечь свою работу в ризы теории, в ризы как бы законченной во всех подробностях доктрины. Однако почти каждый из них, работая над своим произведением — победой, пытался впоследствии дать хотя бы очерк, разъясняющий метод его работы и развитие его мысли, которую он проводил в жизнь при помощи действий живой людской силы подчиненных ему войск.

Пытался сделать это и г-н Тухачевский, и — я позволю себе повторить это еще раз — несколько страничек его труда, которые он посвятил именно этой области своей работы, являются, по моему мнению, украшением его лекций, украшением, которое примиряло меня с работой, предпринятой ныне мною.

Г-н Тухачевский, предпринимая свой «поход за Вислу», был удален от объектов своих желаний, от цели, которую себе наметил, на добрых несколько сот километров. Он пробежал, следовательно, перед этим своими мыслями, а затем и работой пространство, равное половине Европы. Предприятие немалое! В своем труде он описывает методы своей работы, выработанные еще до того, как он начал эту работу на поле боя. Он утверждает, что «при современных широких фронтах» «сосредоточение таранных масс» является необходимым следствием характера современных войн. Поэтому в своих суждениях он ищет способа созда-

¹ Искусство трудно, а критика легка. — *Фр.*

ния военной силы при прохождении больших пространств путем формирования таранных, как он называет, масс. Эти последние, как резерв, находящийся в непосредственном распоряжении главнокомандующего, должны послужить всюду, где выполнение операции задерживается. Этим резервом он хочет сломить сопротивление противника всюду, где таковое им будет оказано. Единственно этим способом, утверждает г-н Тухачевский, могут вестись крупные операции, рассчитанные на далекие цели в условиях, при которых приходится иметь дело с большими, широкими фронтами и большими пространствами.

Я не хочу вдаваться в подробный анализ рассуждений г-на Тухачевского. Я радовался, читая эти рассуждения, ибо они не носят характера доктринерского ослепления. В них видна работа мысли, взвешивающей на весах аргументы «за» и «против» и ищущей в душевной муке разрешения тяжелой работы мозга и нервов. Не хочу следить за этими суждениями, хотя я сам прорабатывал их неоднократно, работая над той же проблемой, которую поставил себе и г-н Тухачевский. Я мог бы к его аргументам прибавить бесконечное множество новых; по-видимому, и сам г-н Тухачевский, размышляя не раз над этой загадкой, признает, что он привел далеко не все из них, которые можно было привести. Я хочу на протяжении всего его похода от Березины и Двины к Висле проследить единственно только действие того, что он называет таранной массой. Я хочу отыскать, где и в какой степени осуществлялась мысль г-на Тухачевского в его боевой работе и работе войск.

Итак, г-н Тухачевский начал со вступительного боя 4 июля на «маленьком ручье» Ауте. Распределение его сил я назвал в своем анализе ловким, хорошо продуманным и смело выполненным. Три армии он сосредоточил на фронте пространством в 100 километров, с тем чтобы разбить стоявшую там нашу 1-ю армию. Против большинства польских сил на Березине и на Полесье он выставил слабые силы, добиваясь могущества там, где искал решающего исхода. Однако тарана я там не вижу. Исследуя организацию сил г-на Тухачевского, я полагал, что таран более виден в лучшем всего снабженной 15-й армии. Однако шла она в наступление, не будучи совершенно построенной в глубину, совершенно не в той группировке, при которой могла бы оказать помощь другим в случае затяжки боя. Более таранный вид имели обе фланговые армии, особенно же северная 4-я армия. Это соответствовало скорее идее

Седана и указывало на немедленную, близко стоящую цель: не только нанесение противнику поражения, но и уничтожение его. Итак, тарана я там не замечал. Впрочем, я не ищу необходимости для г-на Тухачевского и в начале операции быть верным своей идее. Он открывал «Смоленские ворота», открывал их с боем, ввиду чего принял группировку для своих войск не такой, как для похода с далеко выдвинутой целью и для преодоления пространства и возможностей, которые имелись у противника.

Итак, согласимся с тем, что 4 июля тарана не было. Однако немедленно, даже во время боя, отказавшись от доведения его до конца, г-н Тухачевский формирует этот таран. Делает он это путем организации дальнейшего движения к западу двумя армиями: 3-й и 15-й. Тратит даже для этой цели, как мы уже видели, много времени. Идея ему дорога. Далеко, за несколько сот километров, светят ему колокольни Варшавы, сверкает широкая лента Вислы, а чтобы пройти путь к ним, нужен труд, нужна сила. Итак, питать предстоящие бои, ломать предстоящие препятствия, согласно основной мысли г-на Тухачевского, должны 15-я и 3-я армии. Он направляет их туда, где ожидает препятствие, туда, где ещё не сломлены боями польские силы, — на юг. Наша 4-я армия, занимающая линию Березины, должна испытать на себе силу проведенной в жизнь мысли г-на Тухачевского — действие тарана. Уже при анализе этого движения я сравнивал спокойно двигавшуюся в направлении на Молодечно 15-ю армию со старой гвардией Наполеона. Стоит она себе с трубками в зубах как последний резерв великого императора Франции. Равнодушно присматривается она к ведущемуся на ее глазах бою, зная заранее, что пальма победы, наслаждение преодолеть сопротивление и привести поражение противника к его полнейшей катастрофе выпадет на ее долю, когда глаз императора усмотрит подходящий момент.

Итак, таран двинулся. 3-я армия — в Минск, 15-я — в Молодечно. Противник, однако, в соответствии, впрочем, с предположениями, высказанными г-ном Тухачевским, не хотел пассивно отнестись к этой операции и быть битым тараном; от удара он уклонился. Таран, состоявший из 3-й армии и направленный на Минск, ударил впустую. Он сделал, таким образом, именно то, чего, собственно, и опасался в своих размышлениях г-н Тухачевский. 15-я армия, двигавшаяся на Молодечно и имевшая своей задачей оказать помощь всем, задержалась в движении и поэтому прибыла чересчур поздно. Бои г-на Сергеева, который не ис-

пыты́вал наслаждения быть в составе тарана, разрешили на голубой Вилии, матери наших «ручьев», вопрос об ожидавшемся сопротивлении противника прежде, чем таран успел что-либо сделать.

Наши войска вновь отступили, но не вследствие тарана и не под давлением совместного удара всех армий г-на Тухачевского, а ввиду обхода фланга, который был сбит в трехдневном бою на Вилии. Заслуга в этом тарана и таранных масс была невелика.

Мы видим и дальнейшие попытки наметить направление для тарана. И к великому моему удивлению, дальнейшее направление таранных масс совершенно не диктовалось желанием применить их для преодоления сопротивления противника, желанием отыскать место, где это сопротивление будет наиболее сильным. Наоборот, когда голубая Вилия подвела, на пути г-на Тухачевского встал ее серый возлюбленный Неман, который, защищая родную землю, диктовал г-ну Тухачевскому направление движения его войск. Он заставил его оставить в покое противника и применять продвижение тарана к своему извилистому течению. Построенный подобным образом под влиянием Немана, таран мало имел общего с творением войны, с питанием военных сил в том месте, где ослабевают фланги. Фланги двигаются совершенно самостоятельно, абсолютно не связанные с тараном. Вырастает новая преграда, преграда, которую использует противник. Преградой этой являются вновь Неман и Щара.

Сдавленный течением Немана, таран суживается и массируется. В этом именно месте он наиболее сдавлен и движется таким образом, как будто г-н Тухачевский ожидал, что именно его правый фланг, 4-я армия, будет задержан в движении и потребует помощи тарана.

Но вот сопротивление на Немане сломлено. Кто же его в конечном итоге форсирует? Опять не таран! Опять-таки 4-я армия г-на Сергеева с его конницей! Опять фланговый обход без попытки даже сломить сопротивление тараном! Опять, следовательно, таранные массы без пользы стянуты и сформированы на этот раз не г-ном Тухачевским, а Неманом!

В дальнейшем вырастает новое препятствие. Не помогла Вилия, не помог Неман. В виде препятствия опять встают две реки — Нарев и Буг. Сжатый уже раз под влиянием Немана, таран движется и далее в тесном стратегическом расположении, не расширяясь к югу и не пытаясь

там решить операцию, поскольку уже раз в начале своего движения на юг он ударил впустую.

Что же происходит на этих реках? Вот любопытный приказ г-на Тухачевского, приведенный у г-на Сергеева и помеченный 1 августа 1920 года. Цитирую его дословно: «Противник перед фронтом 15 армии оказывает упорное сопротивление. Дабы окружить и уничтожить неприятеля, командзап приказал нашей армии, продолжая движение в направлении Остроленки, двумя дивизиями нанести противнику удар в общем направлении на Мазовецк». Следовательно, опять 4-я армия г-на Сергеева, задержанная в то время под Ломжей этим же самым Наревом, должна помогать тарану, а не таран — 4-й армии. Так и хочется сказать: когда тревога, тогда до бога. Упорное сопротивление должно быть сломлено не тараном, но опять путем обхода не таранной, а преследующей северной армией.

Итак, таран нигде не дал результатов: он или ударял впустую, как это имело место под Минском, или опаздывал, как это было под Вильно, или же имел не он решающее значение, а обходящая, преследующая 4-я армия, как это имело место на Нареве. Быть может, после этого он сыграл какую-нибудь роль в последней стадии похода, когда Висла была действительно перед глазами если не г-на Тухачевского, то его армии?

Не хочу злорадствовать. Я знаком с трудностями командования, знаю неизбежные зачастую его ошибки. Однако у меня мелькает мысль, что, кто знает, быть может, упорно проводимая идея тарана явилась причиной неудачи г-на Тухачевского под Варшавой. Образуя таран, 15-я армия шла решать, согласно его приказу от 8 августа, не бои под Варшавой, так как ее задачей не было принимать в них участие, но географическую задачу перехода широкой Вислы в том месте, где не было противника.

И только последняя задача тарана, задача не победителей, но побежденных, была лучше всего выполнена 15-й армией, наиболее по-таранному снабженной и наиболее к этому приспособленной. Когда все остальные армии или отступили в беспорядке (16-я), или бросали товарищей по несчастью (3-я) — 15-я армия в течение двух дней, 18-го и 19-го, пробовала сыграть роль старой гвардии, которая умирает, но не сдается.

Делая этот исторический очерк осуществления в жизни мысли г-на Тухачевского, не хочу этим сказать, что г-н Тухачевский непродуктивно работал, что г-н Тухачевский настолько ошибался в своих планах, что заранее эти планы

обрекал на неудачу. Нет, это не так. Его идея имеет свою ценность, и при этом большую ценность. Есть в ней много такого, над чем советую остановиться всякому работающему в области военного искусства. Это проба, которая могла не дать результатов, которая, наверное, не удовлетворила даже самого автора.

Когда я хочу анализировать мысль г-на Тухачевского до самой ее глубины, когда делаю усилия отыскать в его суждениях и планах ложные основы, я нахожу их всегда все в том же самом. Ошибка эта не связана с тараном, не связана с методом питания, как это я называю, военной силой продолжительной военной операции, заранее предусматривающей сопротивление противника, но заранее также отказывающейся от мысли диктовать противнику способ действия и сопротивление только там, где этого хочет и воображает себе доктринерская голова.

Ошибку в суждениях, размышлениях и выводах г-на Тухачевского я нахожу всегда в том, что он искал сравнения своей работы с работой германской армии на французском фронте в 1914 году. Уже в ходе анализа, который я производил на предыдущих страницах, я постоянно старался выявить, насколько опасными ловушками являются для командующих слова, определения, геометрические фигуры, географические названия и все то, к чему относится громкий протест великого Наполеона, который из-под сводов Дома инвалидов и по сей день возглашает: «*Mais c'est la réalité des choses qui commande, messieurs!*»¹

Итак, поход немцев на Париж, к Сене и за Сену. Неужели г-ну Тухачевскому не приходила мысль, что этот поход, плод великой мысли и большой работы мозга и нервов Шлиффена, был тесно связан с попыткой разрешения проблемы, которая в те времена вставала перед стратегией и дождалась попытки своего осуществления в 1914 году? Это была попытка решения вопроса стратегии масс. Когда в сказочной погоне за числом, за его силой, за численным перевесом, в состязании, которое характеризует стратегию после прусских побед 1870 года, армии Европы превысили миллионную цифру — возникла новая и неизвестная дотоле проблема: как согласовать движение с массой? Как согласовать движение с множеством необходимых для питания войны оборудований, с огромной артиллерией, неисчисли-

¹ «Но решающее влияние, господа, принадлежит миру действительности!» — Фр.

мыми обозами, с целой массой организаций, без которых война при современных средствах боя была бы бессильной. Стратегия масс и их движение для победы! Это была колоссальная работа, которую в тиши кабинетов проделали образованные офицеры, которая занимала множество умов, мечтающих о новых Каннах, о новых Седанах или же о новых Иенах и Аустерлицах.

Зная, что труд мой будут читать люди, которые не ломали себе голову и не терзали себе нервов над этими вопросами, приведу одно сравнение, которое, быть может, представит воочию всю огромность этой проблемы! Возьмем город с миллионным населением, например Варшаву, и поставим себе проблему переброски Варшавы сегодня в Собачьи Вульки, а завтра в Собачьи Кишки, из которых, как говорил Заглоба, вылазить даже неприлично. Вообразим себе Варшаву в ежедневном движении, с массой повседневных запросов и повседневной работы.

А ведь адская погоня за числом смело переходила за миллионы, достигала уже полдесятка их. Следовательно, стратегия масс требовала, чтобы пять Варшав устремлялись к победе, чтобы пять Варшав могли жить ежедневно в другом месте, чтобы пять Варшав, работая ежедневно над делом победы, все отбросы военной продукции выкидывали куда-то в глубокий тыл, давая ежедневно новую пищу Молоху войны, вечно голодным жерлам орудий и стволам винтовок. Стратегию масс связать с движением, путем движения одержать победу! Вот та проблема, которая была связана с походом немцев к Сене и за Сену.

Когда г-н Тухачевский, собрав свою 15-ю армию в таран, считает ее массой, то позволяю себе напомнить ему, что, по его расчету, 15-я армия имела в общем 46 883 бойца. Один немецкий корпус, стремившийся к победе, насчитывал больше! И вот, когда он применяет слово «масса» в отношении 15-й армии и замедляет ее движение, загоняя ее в узкий для нее коридор, — пусть бы он проследил марш пяти корпусов 1-й немецкой армии Клука через пространство, являющееся действительной тесниной для масс, через один город Аквизгран, и пусть сравнит это с маршем своего тарана по огромному и обширному пространству от Глубокого до Молодечно! Быть может, тогда не захотел бы он называть так нескромно свою 15-ю армию «массой» и искать вдохновения для решения проблем в стратегии масс, коими не располагал.

Стратегия масс в 1914 году не привела к победе ни одну из воюющих сторон. Одержанные Гинденбургом и

Людендорфом крупные победы и их смелые маневры на полях сражений в Польше и в Восточной Пруссии не относятся к стратегии масс, ибо массами в полном смысле этого слова полководцы эти не располагали. Стратегия масс победы им не принесла. Движение масс, о котором стратегия мечтала, быстро выродилось в позиционную войну, если говорить о Западе.

В стратегии масс основной задачей было сколотить миллионы, находящиеся в постоянном взаимодействии, в единую солдатскую массу. Все части должны были быть между собой в тесном контакте. Война заселила пространства, по которым проходили миллионы, столь же плотно, как и города, а тактическая связь должна была быть обеспечена взаимной поддержкой, или огнем, или же немедленным движением. И пусть г-н Тухачевский не обманывает себя тем, что когда фон Клок свой правый фланг имел совершенно открытым, то делалось это исключительно для того, чтобы умышленно не занимать военными операциями большого пространства. Для этой цели не хватало масс. Если пожелали бы упереться флангом в море, то рвалась бы тактическая и стратегическая связь. Таким образом, стратегия масс помимо самих масс требовала еще спайки, требовала возможности взаимодействия **тактического** чуть ли не в самом узком значении этого слова.

Таким образом, я утверждаю, что стратегия масс результатов не дала. Замерла она после разных опытов в неподвижности и в бессилии. Движение было побеждено силой окопа, материальными силами и преградами, которые воздвигли противники взаимно друг перед другом. И с той поры начинается борьба с окопом, борьба с преградами для движения, которое столь значительно ослабло. Каждая попытка прорыва окопа и овладения движением оплачивалась столь колоссальными жертвами, что, несмотря на работу самых лучших и самых сильных умов над преодолением упадка элемента движения, долго не удавалось разрешить эту проблему. А делались большие, колоссальные затраты, чтобы движение вновь сделать победным. Я помню, как маршал Петен, указывая мне на окровавленные холмы под Верденом, говорил, что почти миллионы людей лежат на этих изрытых гранатами полях сражений! Миллион до того бесследно погибших людей, что ныне кости обоих противников лежат перемешанными между собою и их не отличат ближайшие родственники! Насколько огромны катакомбы во имя возрожде-

ния движения, которое пало побежденным в мрачных окопах!

Хорошо помню те времена. Находясь в глухих пущах вольнского Полесья, я тоже работал над окопами. Вековые сосны падали под топором для того, чтобы проложить дороги там, где до того времени ходили только лоси. Тянулись телеграфные и телефонные провода в местностях, куда некогда заглядывали только волки и тетерева. В покрытых проволокой полях перед окопами воистину можно было заблудиться даже при ясном солнышке. Я строил убежища — и подземные, из громадных древесных бревен, и надземные, из таких же бетонных чурбанов, — чтобы в глухих пущах могли поселиться люди. Строились узкоколейки там, где до того времени плохенькая лошаденка, лениво передвигавшаяся по болотистым дорогам, удовлетворяла людские надобности. По железным дорогам и узкоколейкам катились к нам не только продовольственные припасы для выросшего среди пущи нового военного города, не только массы строительного материала, который ежедневно расходовался с криком «Еще! И еще!», но катились также и эшелоны живого военного материала — людей. Куда? Из одного окопа в другой, из одного военного города в другой — такое же случайно образовавшееся скопище солдат.

Был я в окопах; помню свой тщетный смех, когда в один прекрасный день на Стоходе только одна моя рота, производившая набег, была поддержана в своем движении двадцатью с лишним батареями разных калибров, разного вида орудий, развивавших пекло огня. При очаровательном же фейерверке разноцветных сигналов, выбрасываемых в воздух, эти дикие и незаселенные местности являли зрелище какого-то торжественного праздника в богатом, зажиточном городе.

Я думал поэтому в те времена, что война не только вырождается, но она вообще должна исчезнуть навсегда. Когда погиб главный элемент победы — движение, военная работа сделалась каким-то бессмысленным, диким методом убийства людей. Я не мог себе представить, чтобы человечество в состоянии было предпринять еще раз подобную попытку, чтобы оно еще раз захотело ломать и коверкать жизнь целых стран для питания окопов, а стратегия и военное искусство, закрывши от стыда глаза, выводили бы только цифру убитых, цифру уничтоженных существ для определения победы на основе этого кошмарного подсчета. Радовался я тогда в окопах. Значит, вой-

на исчезнет! Наконец-то покончит сам с собой этот кошмар, тяготевший над столькими людскими поколениями! Он вырождается настолько, что искусство, не украшая природы войны, одним только своим видом отвратительного машинного истребления людей оттолкнет от себя даже самых горячих своих приверженцев. Война исчезнет вместе со всеми ее последствиями! Это — так думал я — принесет облегчение и моей родине — жертве войны! Но вместе с тем и жаль было мне этого небесного искусства, которым человечество на протяжении тысячелетий отмечало свое движение вперед. Военное искусство, породившее стольких великих людей, в которых непонятная сила вложила такую чародейскую мощь, что своим творчеством — победой они порождали новые исторические творения, способные жить целые века. Найдут ли человечество другие методы ускорения своего исторического творчества? Вот вопросы, которыми я, как командир бригады, заброшенной в окопы, задавался, строя свои выводы о будущем.

Когда я вернулся из Магдебурга в Польшу и почти в один момент сосредоточились в моих руках политическая и военная власть, я заранее знал, что иду на новую войну, что ждут меня новая военная буря и бремя обязанностей главнокомандующего, бремя, которое я сам взвалил на свои плечи. Новая война, с новыми, неизвестными проблемами, ибо так бывает в каждой новой войне. Я не был настолько наивным, чтобы, подражая, повторять стратегию масс без самих масс. Бессилие и унижение слабости я чувствовал слишком определенно, чтобы желать разукрасить свои задачи словами и определениями, почерпнутыми из эпохи обилия численной силы, которая была развернута в 1914 году. Разрешать проблему войны, искать путей к победе такими методами можно было только во сне, обманывая себя словами и определениями, не имеющими содержания. Вместо корпусов — батальоны, вместо армий — дивизии. Где же эти массы, ради которых стратегия масс создавала свой язык и вырабатывала методы? Я всегда ненавидел бессилие, старающееся разукрасить себя пустыми звуками слов без содержания! Г-н Тухачевский избрал другой путь: любит слова, не вкладывая в них содержания. Для него 15-я армия является танковой массой, для него ничтожные две тысячи конницы — полдивизии в 1914 году — являются конной массой и названы для большего ошеломления себя и других корпусом.

Я хорошо знаю эти слова. Мною наблюдались усиленные старания украсить и нашу армию пышными словами, позаимствованными из другого контекста, словами, которые когда-то и где-то в другом месте означали силу, которые возникли когда-то в процессе искания победы иными, недосыгаемыми для нас путями. Я никогда не поддавался соблазнам, хотя бы они были расписаны на карте самым красивым образом, разными цветами, где кружки и круги, представляющие малые и ничтожные отрядики, были растягиваемы на карте таким образом, чтобы они ошеломляюще показывали могучие по численности *массы* с пояснениями в так называемых легендах, позаимствованными из стратегии *масс*, устремлявшихся к победе.

Однако пути к победе нужно искать. На то есть война, на то имеются полководцы. Поэтому-то, когда я просматривал труд г-на Тухачевского, я все более и более вчитывался в его мысли, вникал в следы его работы, стараясь вникнуть, каким образом преодолевал он трудности проблемы, каким образом, когда *масс* в действительности не было и когда нельзя было связывать войска в одну мощную взаимодействующую тактическую цепь, что было и с нами, — как он справлялся с основной проблемой, над которой мучился и я сам. Проблема эта сразу же встала передо мной во всей своей поражающей наготы. Проблема пространства и заполнения его военными действиями. Пространство же это столь огромно — тысяча километров колоссальнейшего фронта! Вся цивилизованная Европа не знает такого пространства. Войск же и сил для заполнения этого пространства военными действиями, для охвата его военными силами со всякими узлами и связями не хватало ни мне, ни г-ну Тухачевскому. Все мысленные попытки, которые я делал для того, чтобы связать эту трудную проблему с опытом столь недавно закончившейся войны, никогда мне не удавались. Ни стратегия *масс*, ни стратегия, крепко связывающая войсковые единицы взаимной тактической работой, ни, наконец, стратегия окопов — ничто никогда не давало мне никакого разрешения вопроса. Обманывать же себя словами и определениями, попадать в ловушку пустых фраз без содержания так, как это происходило со многими, я не хотел и не мог.

Повторяю, стратегия *масс* была основана одинаково как на существовании миллионов, находившихся в движении, так и на гарантии того, что все находящиеся в движении единицы взаимно, почти в тактическом смыс-

ле, поддерживают друг друга и тесно связаны между собою. Разбирая эту проблему, я называл такую стратегию *stratégie serrée* или *stratégie en cadrante*¹. Это стесняющая стратегия, так как она стесняет движение войск для обеспечения им силы массы, стратегия анкадрирующая (польского слова я не нашел), так как каждой единице она дает поддержку соседей, находящихся в тесной связи.

Стратегия окопов ничего в этом отношении не изменила, напротив — укоренила. Она увеличила массы, ибо не боялась трудной проблемы движения миллионов, зарыв их в окопы, отбросив движение. Самую же связь она усилила разве только материально, сжав массы непрерывным кольцом проволоки и окопов. Оттого такой пыл у последователей этой стратегии у нас, восклицавших громко: «*Faites une ligne forte!*»²

У г-на Тухачевского, повторяю, я не вижу и признаков того, чтобы он пытался разрешить эту основную проблему борьбы с пространством, которое он не мог заполнить военными силами и овладеть посредством военной работы. Поэтому возможно, что и вся его идея таранных масс, питающих силой войну на больших пространствах при длительных операциях и растянутых фронтах, не удалась ему потому, что он допустил эту первоначальную и основную ошибку. Он играл словами, не имеющими содержания. Он не имел масс и не мог обеспечить их фактической силой с флангов (*ankadrowaniem*).

Заканчивая свою оценку попытки г-на Тухачевского разрешить великую проблему, которая некогда стояла и передо мною, когда я в подобных же условиях вынужден был вести войну, — я не хочу со своей стороны излагать метода моих суждений и хода моих мыслей, когда после долгих зачастую мук я пробовал делать то, что диктует стратегия: дать себе, дать армии и стране, которую я защищал, победу. Я спокойно лишь скажу, что всю двухлетнюю войну отмечал я не чем иным, как только победами. Всякий раз, когда дело войны я творил собственными руками, я одерживал победы, которые в истории этой войны являлись эпохами, ибо они всегда были стратегическими победами, а не достижением только тактического перевеса. Я принуждал противника изменять стратегическую группировку, я заставлял его делать под влиянием моей

¹ Стратегия сжатого построения или стратегия, стремящаяся иметь прочно обеспеченные фланги. — *Фр.*

² Образуйте укрепленную линию! — *Фр.*

победы попытки нового построения всей организации войны, так как прежние приготовления гибли в огне сражения под моими победоносными ударами.

Так, например, в начале 1919 года одним стремительным ударом на Вильно я в пару дней передвинул фронт на двести километров к востоку, преодолевая столь большое пространство сравнительно незначительными силами. Когда же я, испытывая еще раз свой метод на полях Украины, вел войска в наступление, я умышленно стал во главе одной из армий (3-й) с тем, чтобы на личном опыте проверить свои мысли, не обременяя непомерными, как мне казалось, требованиями никого из моих подчиненных. Достаточно было двухдневного боя, чтобы противопоставленная мне 12-я советская армия погибла в боях, почти совершенно разгромленная, отчего она уже до конца войны не могла оправиться. Помню ту радостную минуту, когда на моем письменном столе я нашел телеграмму командующего 12-й советской армией, *in claro* по радио пущенную по свету и вызывающую: «Где находятся мои дивизии?» Командующий армией получил на нее ответ только от одного командира дивизии, который из какого-то лесочка, при помощи сохранившейся радиостанции, сообщал: «Нахожусь там-то и там-то, но где находятся мои войска — не знаю».

В третий раз я принял командование непосредственно в свои руки в битве под Варшавой. Я с огорчением всегда вспоминаю всю бессмыслицу исходных данных боя, бессмыслицу, которую я не мог преодолеть. Но зато момент триумфа, когда в бешеном галопе боя были разгромлены одна за другой неприятельские армии и спасались паническим бегством армии, которые еще так недавно праздновали свои триумфы, — навсегда останется победой силы и работы командования во имя победы.

И наконец, на Немане, сером рыцаре, возлюбленном Вилии, командуя непосредственно половиной наших войск, я победоносную войну победоносно закончил. И, повторяю, не считаю своей обязанностью выяснять методы своей работы, разукрашивать ее словами рассуждений и возводить ее доктрину. Я знаю только, что, имея в основе бессилие, численное бессилие в отношении пространства, я прикрепил знак победы к знаменам наших войск. Делал же я это всегда не стратегией масс, которыми не располагал, не стратегией связанных действий и связыванием всего в тесных рамках, не при помощи стесняющей и тактически все обеспечивающей (*ankadrujacei*) стратегии и не

при помощи стратегии окопов, которых я не сооружал. Сражался я другим методом, который, когда хочу облечь его в слова, всегда называю стратегией, полной воздуха—*stratégie de plain air*, стратегией, где всегда больше воздуха, чем заполнения войной пространства, стратегией, при господстве которой свободно могут двигаться волки и тетерева, лоси и зайцы, нисколько не мешая делу войны и делу победы.

Я хорошо знаю, что многие из ломавших себе голову над той же, что и я, проблемой, в поисках методов, которые могли бы привести нас к победе, не в состоянии справиться с этой проблемой, опускали бессильно руки и давно заявили, что победа действительно имела место, но только потому, что война эта не была настоящей войной. Это была, по их мнению, какая-то полувойна или даже четвертушка ее, какая-то детская возня и драка, перед которыми великая история войны закрывает свои страницы.

Не стану спорить. Хочу только прибавить, что эта драка непосредственно встряхнула судьбами двух народов, двух государств, насчитывающих вместе 150 миллионов населения. Хочу только сказать, что эта война или драка едва не встряхнула судьбами всего цивилизованного мира, что ее кризис был кризисом миллионов и миллионов человеческих существ, а дело победы на долгое, дай бог, время создало исторические основы для обоих воюющих государств. Итак, пусть будет драка, если нельзя получить из нее ни методов, ни доктрин.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Противостояние (Комментарий специалиста). В. Дайнес	5
М. ТУХАЧЕВСКИЙ. Поход за Вислу	21
I. Возникновение войны	23
II. Район боевых действий	24
III. Группировка сил	25
IV. Майское наступление	26
V. Подготовка главного наступления	31
VI. Соотношение сил	34
VII. Наступление 4 июля	36
VIII. Революция извне	44
IX. Форсирование Немана и Щары	47
X. Бои на Нареве и Буге	49
XI. Обстановка на Висле	52
XII. Решающее наступление	59
XIII. Польское контрнаступление	65
Закключение	68
Ю. ПИЛСУДСКИЙ. 1920 год	71
Предисловие. В. Триандафиллов	73
Предисловие автора	78
I. Силы сторон	84
II. Театр военных действий. Группировка сил	90
III. Майское наступление	101
IV. Подготовка к июльскому наступлению	115
V. Действия сторон между 4 и 6 июля	122
VI. Действия сторон между 6 и 14 июля	153
VII. Ход событий после боев 11—14 июля	174
VIII. Варшавская операция и подготовка к ней	183
IX. Революция извне	231
X. Действия таранными массами	239

ПИЛСУДСКИЙ ПРОТИВ ТУХАЧЕВСКОГО: Сборник.

Редактор *А. А. Александров*
Редактор (литературный) *С. В. Аракелов*
Художник *Н. Т. Катеруша*
Художественный редактор *Л. Е. Кривокобыльская*
Технический редактор *А. П. Бабина*
Корректор *Н. В. Воробьева*
ИБ № 4253

Сдано в набор 01.10.90. Подписано в печать 10.06.91.

Формат 84×108/32. Бумага типограф. Гарн. литературная.
Печать высокая. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44.
Уч.-изд. л. 14,55. Тираж 12 000 экз. Изд. № 2/6364. Цена 3 р. Зак. 153.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ В ВОЕНИЗДАТЕ:

Грибачов С. В. Заложники времени. М., 1992.

Военная история России. М., 1992.

Красная Армия: 1937—1941. М., 1992. (История в документах).

Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1992.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992.

Данилов Ю. Н. На пути к крушению: Очерки о последнем периоде русской монархии. М., 1992.

Григорьев А. Б. России грозная десница. М., 1992.

Махно и махновщина. М., 1991.

В новой серии «Военно-исторические портреты»:

Осипова М. Н. Военный министр Д. А. Милютин. М., 1992.

Крайний Л. А. Главком С. С. Каменев. М., 1992.

Выйдут в свет № 1, 2 исторического альманаха «Ракурс» с разделами: Тайны минувших войн; История в документах; Из сейфов спецхрана; На службе российской; О чем спорят историки; Клуб любителей истории Отечества; Пробная глава и т. д.

